Александр Мидлер

Марк Мидлер

Повесть о фехтовальщике

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть о жизни знаменитого рапириста Марка Мидлера, участника первой для советских спортсменов Олимпиады 1952 года, двукратного олимпийского чемпиона и шестикратного чемпиона мира в командных соревнованиях, четырехкратного победителя Кубка Европы, шестикратного чемпиона страны и бессменного на протяжении многих лет капитана национальной сборной, которого по праву называли «легендой XX века».

- Александр Мидлер
  - ○
  - ○
  - ○ Глава первая. Становление личности
  - ○ Глава вторая. Корни
  - ○ Глава третья. Путь чемпиона
  - ○ Глава четвертая. Сложный человек
  - ○ Глава пятая. Капитан
  - ○ Глава шестая. Награда
  - ○ Глава седьмая. Дать в морду? Или воздержаться?
  - ○ Глава восьмая. Тренер
  - ○ Глава девятая. Мюнхен
  - ○ Глава десятая. О Марке Петровиче Мидлере
  - ○ Глава одиннадцатая. Ушел…

Александр Мидлер
Марк Мидлер. Повесть о фехтовальщике

© Мидлер А. П., 2016
© Издательство «Человек», издание, оформление, 2016

* * *

Я не пассажир в лодке жизни. Я – гребец.

Марк Мидлер

Март 2012 года

Прилепить крест «скорой помощи» на свой автомобиль профессор Штодинг опасался, но именно это он и сделал – поместил красный крест на заднее стекло.

Так получалось уменьшить зависимость от пробок. Во всяком случае, те водители, которые не помнили, как выглядит правильно «снаряженная» машина «скорой помощи», заметив красный крест, рефлекторно сторонились его. Иногда доктор даже рисковал ехать по «встречке».

За свою жизнь Штодинг дважды опаздывал к больным. Приезжал, когда помочь уже было невозможно.

На перекрестке улиц Дмитрия Ульянова и Крупской он тщательно огляделся и поехал на желтый свет.

Дверь открыли сразу. Штодинг прошел по коридору, узкому из-за висящих на стенах фехтовальных масок, боевых перчаток, сабель, рапир и шпаг.

Дверь в комнату Марка была открыта: Марк лежал закрытый одеялом до самых губ и с безразличным недоумением глядел прямо перед собой на множество кубков, стоящих перед ним на этажерках.

По давнему своему опыту лечения инсульта Штодинг хорошо знал, что может значить подобное выражение лица больного. Взгляд Марка безучастно вопрошал: «Что это? Зачем это?» Рядом с кубками на прямых булавках висели наградные ленты с медалями. Золотые – за победы на шести чемпионатах мира по рапире, две большие золотые медали – за высшие результаты на

Олимпийских играх, шесть золотых медалей чемпиона страны, медали и кубки чемпиона Европы и престижных международных турниров по рапире.

– Ну, что же вас беспокоит? – начал Штодинг, протирая влажной салфеткой руки.

– Ч-т-о б-е-с-п-о-к-о-ит? – по буквам почти неслышно прошептал Марк и попытался улыбнуться перекошенным лицом. – Международное положение нашей страны.

И упал в кому…

Это повесть о скончавшемся 31 мая 2012 года знаменитом фехтовальщике XX столетия.

Мне недостаточно известны подробности того, как Мидлер дрался в Хельсинки и в Мельбурне, в Токио и в Риме, в Париже и в Будапеште, где только он не фехтовал. На большинстве его поединков я не присутствовал, в сборную команду страны не входил. Я всего лишь мастер спорта по рапире и младший брат Марка Мидлера. (Он старше меня на восемь лет). Предложить издательству попытку понимания этого необыкновенного рапириста, незаурядного человека и его времени было поступком естественным, так как я – кандидат философских наук и профессиональный журналист. Было интересно рассмотреть за фехтовальной маской легенду XX века, как называли Марка.

Двукратный олимпийский чемпион, шестикратный чемпион мира, четырехкратный победитель Кубка Европы, шестикратный чемпион Советского Союза.

Вплоть до начала 1960-х годов в рапире, шпаге и сабле победы в международных турнирах самого высокого уровня чаще других одерживали французы, итальянцы, поляки и венгры. Но с 1959 по 1966 год рапиристы во главе с Мидлером не уступили никому командного первенства на чемпионатах мира. Пятнадцать лет бессменно он был капитаном команды советских и российских рапиристов, которая восемь лет подряд считалась сильнейшей на планете. В двадцатом веке Марк Мидлер был признанным лидером лучших рапиристов мира.

В книгу вошли мои детские и юношеские воспоминания о нем, заметки его друзей, учителей, учеников. Наблюдения глазами тех, кто любил Марка и восхищался им. И тех, кто терпеть его не мог.

Глава первая. Становление личности

К началу войны Марку было десять, ко Дню Победы – четырнадцать лет.

Мать дежурила на крыше – тушила фугаски, была контужена взрывной волной от упавшей невдалеке бомбы. Отец воевал под Москвой.

Семья в эти годы не уезжала из города. Жизнь шла под уханье бомбежек.

До сих пор помню бомбоубежище.

Люди стояли вплотную друг к другу, многие держали на руках детей.

Единственная в огромном помещении лампа висела над входом. У нее было фиолетовое стекло, и от фиолетового света толпа казалась призраком со многими головами.

Крепко сжимаю руку старшего брата. Он смотрит на меня. Долго смотрит. Улыбается. Под его взглядом мой страх постепенно тает.

Послевоенные годы Марк описал несколькими страницами, которые я увидел, перелистывая старые семейные документы. На первой странице было название – «Расширенная автобиография».

Брат писал: «В семикомнатной коммунальной квартире наша семья занимала две комнаты. В одной жили бабушка, дедушка и тетя Манюля, в другой – мать, отец, я и младший брат. Пацанами мы катались в коридоре на велосипеде. Коммуналка получилась, очевидно, в советские годы в старинном доме, который в прошлом был частным. Судя по сейфу, вделанному в стену, в нашей комнате был кабинет хозяина. Двор – колодцем. Напротив – без окон глухой торец кирпичной стены соседнего дома.

Белая лестница вела на Рождественский бульвар, где ходил трамвай «Аннушка». На бульваре играли в салочки вокруг деревьев и по газонам, а во дворе гоняли в футбол. У нас был тряпичный мяч, в лучшем случае – старый, разбитый, шнурованный мяч из кожзаменителя, спускавший воздух. Правила были известные: без аутов, все стенки играют, три корнера – пенальти.

Разбитые стекла в нижних этажах дома, крики соседей, вечно рваные ботинки.

Тренировка, однако, каждый день: школа № 234 была внизу под дугой Рождественского бульвара, мы гнали пустую консервную банку до низу, перепасовывая ее друг другу. Отрабатывали пас – до входа в школу.

Несколькими годами раньше мой отец играл в основном

составе московского «Динамо», и, естественно, я мечтал быть футболистом. Я не раз себе представлял, как выйду на поле под рев переполненных трибун.

Но со временем мои спортивные интересы расширились. Появился хоккей, шахматы, баскетбол (я даже был чемпионом Москвы в составе команды Дзержинского района), а в итоге, в 1943 году, остановил по случаю выбор на фехтовании.

Рядом со школой, вблизи цирка на Цветном бульваре, был игровой зал. Там тренировалась сборная команда «Динамо» по баскетболу.

В этот зал в 1943 году была направлена работать Раиса Ивановна Чернышева, чемпионка СССР по рапире. В разгар Второй мировой войны Раиса Ивановна начала преподавать фехтование.

Ребята любопытные хлынули в зал посмотреть: что это такое?

Как я увидел несколько позже, понятие о том, что такое фехтование, было следующее: идешь по улице с фехтовальным мешком – ты для прохожих рыбак и несешь удочку. Держишь под рукой маску – ты пчеловод.

…Ко мне подошел на переменке Лева Кузнецов (он стал позже членом сборной страны по сабле, серебряным призером мира и бронзовым призером Олимпийских игр) и говорит: «Марк, зайди, посмотри. Мне понравилось – я там был. Там булочку дают после тренировки».

По воспоминаниям Марка я написал заметку о том, что произошло с ним в тот день.

В раздевалке пахло потом. В углу шнуровал кроссовки удивительно похожий на лошадь прыгун в длину. (В полуоткрытую дверь Марк и Лева увидели в конце вытянутого прямоугольного зала сектор для прыжков).

Скинув куртки и ботинки, пацаны направились в зал в носках, стараясь не замечать укоризненного взгляда тренера. В зале толкались разнокалиберно одетые подростки, бродящие от стенки к стенке и жадно глядящие на рапиру в руке тренера. Раиса Ивановна Чернышева – чемпионка СССР по фехтованию – невысокая, худенькая, голубоглазая, в левой свободной руке держала на весу боевую перчатку.

– Внимание, кто хочет драться на шпаге?

Поднялся лес рук.

– Отойдите в тот угол, к брусьям. А кто хочет драться на сабле?

Поднялось семь рук.

– Вот туда – к кольцам! Кто хочет драться на рапире?

Марк вскинул руку. Лева, искоса взглянув на Марка, не

торопясь, поднял ладонь.

– А теперь всем в линию – быстро! – неожиданно громко и твердо сказала голубоглазая. – В руке у меня рапира. Двое, кто выбрал этот вид оружия, бегом ко мне! Мухой!!

Марк и Лева сорвались с места и – замерли по обе стороны Чернышевой.

– Эти двое хотят фехтовать на рапирах. Если они такие бойцы, пусть попробуют!

Ропот множества пацанов, раздосадованных тем, что их лишили драки, Раиса Ивановна проигнорировала.

Отойдя к каморке в конце зала, противоположном прыжковому сектору, она вынесла вторую рапиру, две старые железные маски и пару защитных стеганых нагрудников большого размера, закрывающих подростка средних размеров от шеи до паха. Под ее руководством Лева и Марк, обрядившись, растерянно стояли друг перед другом.

– Саблисты и шпажисты смотрят. Сегодня будет общая основа фехтования – рапира. Судейство боев по международным правилам идет на французском. Я вам все переведу… Ан гард! К бою! Эт ву прэ? Готовы? Подтвердите готовность!

– Как подтвердить? – еле слышно спросил Марк.

– Если готовы, кивните и скажите «прэ»… После этого судья разрешает начать поединок… – голос Раисы Ивановны усилился, и она произнесла: – Алле!

Лева на всякий случай обернулся, не зовет ли кого Раиса Ивановна.

– Я сказала «алле» – начинайте!

И ребята начали махать и тыкать, тыкать и махать под крики окружающих. Наконец Марк неуклюже, но сильно ударил по клинку противника, и рапира у Левы упала.

– Альт! Стоп! – властно скомандовала Чернышева.

Противники сняли маски. У Левы сконфуженный вид, у Марка – победный.

– Нравится? – ласково спросила Раиса Ивановна.

Лева отвернулся; Марк выразительно кивнул.

– Ну, так «это», – нежно сказала Чернышева, – вообще никакого отношения к фехтованию не имеет!

Раиса Ивановна медленно и аккуратно натянула боевую перчатку, которую до поры держала в руке.

– Ан гард! – властно приказала себе Чернышева, повернулась вполоборота, чуть согнула ноги в коленях и заняла фехтовальную стойку: – Ша-а-а-а-г вперед! – скомандовала Раиса Ивановна и сделала шажок правой ногой, мгновенно поставив левую на такое же расстояние, но под прямым углом к правой. – Кто мне скажет,

почему фехтовальщик именно так ходит во время боя?

Марк поднял руку:

– Чтобы все время чувствовать устойчивость, чтобы пока одна нога задрана, противник меня не сбил…

– Ты кто такой – «задрана» – догадливый? – удивилась Чернышева и молниеносно ослепительно улыбнулась. – Фамилия?

– Мидлер, – сказал Марк, безразличным голосом скрывая восторг.

– Альт! – Раиса Ивановна вернулась из стойки и, подняв лежащую на полу рапиру, буднично спросила притихших подростков, которые заполнили теперь зал почти наполовину. – Чему я вас буду учить? Мидлер, молчи! Больно умный! – неожиданно грозно обернулась и остановила она Марка. – Во-первых, вам надо будет научиться занимать в пространстве такое положение, при котором вам удобней всего атаковать противника, а ему – как раз наоборот, сложней всего нанести вам укол. Ради справедливости признаюсь, что за четыреста лет до нас эту суть фехтования определил Жан-Батист Поклен – Мольер, по-моему, величайший драматург Франции и параллельно известный специалист по психологии дуэлей. «Фехтование – это искусство наносить удары, не получая их». Это кто сказал?

– Вы! – пискнул Марк.

– Сейчас выгоню! – подавив улыбку, «рассердилась» Раиса Ивановна. – Мольер… Теперь – как атаковать. Уймись, не тяни ты руку, откуда ты взялся, Мидлер? Родился фехтовальщиком?! Существует девять видов атак, – Чернышева придала голосу демонстративную занудность, имитируя скучного лектора, что получалось у нее забавно. – Атака на подготовку, атака ответная, атака повторная, атака обоюдная, атака простая, атака с действием на оружие, атака с финтами, атака комбинированная, атака с задержкой. Широко известны шесть основных типов боя. – Чернышева погрозила маленьким своим кулачком открывшему было рот Марку. – Бой ближний, бой наступательный, бой оборонительный, бой маневренный, бой скоротечный, бой выжидательный… Ну, что завяли? А как насчет девяти разных защит, семи главных действий? А контратака. А контрзащита. А контрответ. А контртемп… Я вас еще не так запугаю! – Чернышева звонко рассмеялась: – А теперь быстро – чай, пирожки и – по домам! Следующая тренировка послезавтра.

* * *

Перелистываю страницы «Автобиографии». Марк пишет: «Честно говоря, сколько себя помню, я хотел что-нибудь и кого-нибудь полюбить. Как-то не удавалось. В фехтовальном зале – удалось! Я начал быстро выигрывать у сверстников.

Раиса Ивановна обратила на меня внимание, дала рапиру, костюм и маску, потому что получить или купить все это в те годы было невозможно. И я начал тренироваться и выступать на двух видах оружия: на рапире и на сабле».

Прерву цитату из «Автобиографии». Марк мне как-то сказал: «Чтобы почувствовать фехтование как спорт, надо прозаниматься им самое меньшее два месяца. Главное – преодолеть первые недели, когда тебя учат ходить в фехтовальной стойке: «шаг вперед, шаг назад». Вместо того чтобы сразу красиво поражать красивого противника или противницу красивой шпагой, саблей или рапирой, ты должен поставить на расстоянии шага правую ногу перпендикулярно левой и в такой позиции мерить шажками зал и наносить без оружия воображаемые уколы. Потом ты должен делать шаги и выпады – в воздух, без противника, но теперь с рапирой в руке. И никаких тебе поединков – ходи в фехтовальной стойке до умопомрачения. Коли в воздух. Потом коли в мишень. И так из занятия в занятие.

Вот когда ты заслужишь право надеть плотный и тесный защитный костюм и маску, фехтовальный труд становится не скучным. Впрочем, мне он стал интересен сразу и навсегда».

* * *

С того дня миновало полтора месяца, всего семь тренировок – и, как вспоминала впоследствии Раиса Ивановна, Марк Мидлер изумил ее. По ее словам, «у Марка стала получаться такая фехтовальная стойка, какой позавидовал бы взрослый мастер». Раиса Ивановна Чернышева пригласила на занятие своего мужа – Виталия Андреевича Аркадьева, заслуженного тренера СССР, среди учеников которого было впоследствии больше чемпионов мира по фехтованию, чем у кого бы то ни было в Советском Союзе.

В зале было тесно: четыре пары подростков двенадцати-тринадцати лет друг напротив друга двигались со скучными лицами, отрабатывая фехтовальные шаги. Еще пятеро работали на мишенях.

– Виталий, – сказала Раиса Ивановна, – обрати внимание на этого мальчика. Ничего тебе не скажу, кроме того, что у него сегодня всего восьмая тренировка.

Виталий Андреевич сел на лавочку и с минуту наблюдал, как Марк шагом вперед с выпадом атакует мишень.

– Простите, молодой человек, можно вас, – церемонно сказал Аркадьев, – я много времени не займу.

Марк был готов к оклику, потому что, как только Раиса Ивановна вошла в зал в сопровождении незнакомого мужчины, Марк, продолжая без остановок делать шаг-выпад-укол в мишень, возврат в боевую стойку, три шага назад и снова шаг-выпад-укол, краем глаза наблюдал за этими двумя. В какой-то момент между выпадом и попаданием в мишень он поймал себя на том, что испытывает нечто, похожее на ревность…

Незнакомец держался необыкновенно прямо, как держатся военные и аристократы.

– Дворянская косточка, – шепнул сам себе Марк.

– Милостивый… э-э-э… государь, позвольте к вам обратиться… Как вы держите… э-э-э… флеретт?

Марк молча предъявил правую руку со сжатой в ладони рапирой.

– Не забудьте, пожалуйста, молодой человек, что рапиру, как… э-э-э… бокал хорошего вина, надо держать, хоть и крепко, но нежно и бережно. Вот так – большим пальцем и – указательным. Остальные пальцы, ладонь и кисть помогают ведущим, поддерживают их. Но не более того.

Что-то подобное Раиса Ивановна говорила Марку, но она на своей рекомендации не настаивала: в словах Виталия Андреевича, напротив, чувствовалось предложение, от которого невозможно отказаться.

Аркадьев снял пиджак и, аккуратно сложив его, передал Чернышевой.

– Э-э-э… теперь оторвемся от поверхности…

Виталий Андреевич совершенно неожиданно и молниеносно вытянул правую руку к Марку, от которого он был в трех шагах, прыгнул и, как бы пролетев, утянутый вперед своей рукой, легко коснулся вихра, спадавшего на лоб Марка.

– Теперь ваша очередь. – Аркадьев слегка задыхался.

Марк попытался повторить полет (он слышал от Раисы Ивановны, что такая атака называется флеш), сиганул с вытянутой рукой к Аркадьеву и, не долетев, рухнул на пол.

Не обращая на упавшего внимания, Виталий Андреевич сказал Чернышевой:

– Прыгучесть… э-э-э… хорошая, координация движений нормальная, азарт есть, наблюдательность есть, обучаемость есть, сообразительность есть, э-э-э… интеллектуальная активность – ты сказала – в разогретом состоянии? Ну-ну! Теперь что мы видим в

базовой типологии? Тип телосложения мышечный, – Виталий Андреевич прищурился, – мышечный, но… э-э-э… в странном сочетании с торакальным. Смотри, – Марк стоял перед ними, опустив глаза, – э-э-э… смотри, Рая: от мышечного типа широкие кости скелета… Не смущайтесь, юноша, – мягко улыбнулся Аркадьев, – чувствуйте себя гладиатором, а нас – покупателями. Э-э-э… плечи шире бедер, руки и ноги средние, – Виталий Андреевич перешел на бормотание, – эпигастральный угол между нижними ребрами прямой, сила мышц явно большая, а выносливость, как нам известно, абсолютно не характерная для мышечного типа, она свойственна торакальному типу – я же смотрел, как он работал на мишени, – возвысил голос Аркадьев, – скорость и выносливость замечательные! Так, милостивый государь, вам известно, какое влияние на ваш характер и, следовательно, на вашу судьбу окажет парад-рипост?

– Защита-ответ? – неуверенно спросил Марк.

– А как вы находите Проспера Мериме? – продолжал Аркадьев, едва сдерживая улыбку.

– «Хронику времен Карла IX»? – включился в игру Марк.

– Все читали «Хронику», – посетовал Аркадьев Раисе Ивановне, – а как же «Души чистилища»! Ведь необыкновенная книга!

Марк виновато молчал.

– В «Душах чистилища», – укоризненно сказал Аркадьев, – Мериме… э-э-э… определил ту особенность фехтования, которая много лет будет, мой друг, формировать вашу жизнь, главным образом, ваши отношения с людьми.

– О чем ты, Виталий? – встревожилась Раиса Ивановна.

Легко коснувшись пальцами густой шевелюры Марка, Аркадьев произнес:

– Долгая привычка к фехтованию делает рипост вслед за парадом движением естественным, почти невольным. Приготовьтесь… э-э-э… милостивый государь, к тому, что, начав у меня тренироваться всерьез, вы очень скоро привыкнете реагировать на жизнь, как на каждодневную атаку, защиту и ответ. И дело не в том, что я агрессивный человек – я человек… э-э-э… не агрессивный. Но само фехтование так устроено, что с вашим характером через пару лет тренировок мир станет для вас похож на арену для гладиатора.

– На том и порешим! – брякнул Марк неожиданно для себя самого, и все трое рассмеялись.

* * *

В судьбе Марка Раиса Ивановна Чернышева и Виталий Андреевич Аркадьев сыграли очень важную роль, стали для него вторыми родителями, скажем так: духовниками в спорте.

Первое представление об атмосфере того времени, когда брат начинал свой путь в спорте высших достижений, дают некоторые фрагменты интервью, которое взяла у Марка в 2011 году Елена Гришина, спортивная журналистка, мастер спорта международного класса по фехтованию, чемпионка Европы по женской рапире, пресс-секретарь Федерации фехтования России.

Е. ГРИШИНА: Когда вы пришли в секцию, кто работал в зале?

М. МИДЛЕР: Раиса Ивановна Чернышева от «Динамо». В «Динамо» было такое подразделение «Юный динамовец». Мне выдали билет юного динамовца. Я гордился. Там дата была на билете, когда выдан: 26 октября 1943 года. Это война еще шла… Начали заниматься – инвентарь старый. Маски эти – тебе показать, ты даже не узнаешь, какие-то плетеные. Нагрудники зеленые такие, ватные…

Раиса Ивановна и Виталий Андреевич были тренеры-интеллектуалы, заставлявшие мыслить спортсменов, учили правильно жить. Раиса Ивановна была настоящим подвижником, не просто в зале тренировки проводила, а ходила по ученикам, по домам, проверяла дневники и оценки. Однажды пришла и ко мне домой и говорит: «Ну, давай дневник проверим». А у меня там двойка по какому-то предмету.

У меня вообще были только пятерки и двойки. Когда прочитаю один раз задание, сдаю на пятерку, а когда ничего не делаю, естественно, двойка. Так вот, увидела она эту двойку и говорит родителям: «Не допущу до соревнований, пока не исправит». А соревнования эти – молодежное первенство Союза. Меня зацепило!..

Я тебе больше скажу, мне повезло не только с наставниками, Виталием Андреевичем и Раисой Ивановной, но и с друзьями, с которыми рос и учился. Многие из них потом стали известными спортсменами, учеными и артистами. Мы конкурировали друг с другом. Я стремился быть лучше их в спорте, они, соответственно, лучше меня в чем-то другом. Это толкало каждого из нас к тому, чтобы становиться успешным. В конечном счете это помогало добиваться успеха. И привилегий, если хочешь. Это у нынешнего поколения нет особых проблем ни с питанием, ни с одеждой и обувью. Были бы у родителей деньги. А тогда, во время войны, многих спасали рабочие карточки. По специальному постановлению правительства их выдавали не только работающим на производстве, но и подающим надежды в спорте или искусстве детям. Мне, как чемпиону Москвы среди

подростков по фехтованию, тоже положена была своя продовольственная карточка. (Замечу от себя, что Марку было тринадцать лет! – *А. М.)* По ней наша семья – мама, дедушка, бабушка, тетя и младший брат (отец служил в армии) – получала в специальном магазине продукты: мясо, рыбу, крупу, масло и даже красную икру.

* * *

Каким в эти годы видели Марка Мидлера со стороны?

Рассказывает заслуженный мастер спорта СССР Давид Тышлер, который дружил с моим братом и тренировался с ним более пятидесяти лет:

– Впервые я увидел Марка в начале февраля 1947 года на первенстве Москвы по юношам. Интересно было посмотреть на шестнадцатилетнего фехтовальщика, которого считают сильнейшим. Марк сидел на трибуне среди малочисленных зрителей совершенно неподвижно. Удивительно: на его лице поединок высвечивался, как в кинофильме. Мне показалось, что этот – я бы не называл его юношей, я бы сказал юный человек, – впитывает блеск рапир, крики бойцов, команды судей, шуршание фехтовальных шагов, втягивает в себя запах зала, всасывает атмосферу турнира. Передо мной был полководец, который чувствовал и понимал, анализировал и воссоздавал битву в тонкостях.

* * *

Вот так всё и произошло: выбор был сделан. Мы в жизни ищем свободу. Мы счастливы, обретя свободу. Этот выбор определил его свободу.

Как-то при мне Марк обронил: «Когда готовишься к бою, появляется смысл личной жизни».

Я бы не удивился, услышав такие слова от кшатрия из индийской касты прирожденных воинов.

* * *

Мое детское воспоминание. О том, как брат действовал в угрожающей ситуации.

10 марта 1953 года. Мне – четырнадцать лет, Марку –

двадцать два. Мы живем рядом с Трубной площадью, на которой с утра, после объявления по радио о похоронах Сталина, сгущается толпа.

Марк молча одевается, я – за ним. Вливаемся в поток. Люди движутся к Колонному залу Дома Союзов. Там гроб с телом. В какой-то момент чувствую, что отсюда не выбраться. Нас несет по Неглинке. Удушающе тесно. Толпа сжимает все туже. Рядом со мной какая-то женщина падает, и толпа над ней смыкается. Слышен ее отчаянный крик. Марк загораживает меня от толпы. Нарастает паника. Нас прижимает к стене дома. Из полуподвала через закрытое окно смотрит лицо с расширенными от ужаса глазами.

Ударом ноги Марк разбивает стекло. Человек ошеломлен, но, не говоря ни слова, принимает меня в окно. Брат влезает сам.

Седой человек с раненой кровоточащей рукой ведет нас черным ходом во двор, откуда выбираемся в переулок, почти напротив нашего дома.

В подъезде на кафельном полу лежат раненые и растоптанные люди, семь человек: пятеро – не подавая признаков жизни, двое – мужчина хрипит, у него как будто раздавлена грудная клетка, пытается и не может вздохнуть, женщина со страшной гематомой на лице, закусив губы, стонет и всё шарит возле себя окровавленной рукой: «Сумочка, триста рублей… Вы не видели? Там триста рублей!»

* * *

Что было потом?

Потом, с середины 50-х годов, Марк становится лучшим рапиристом Советского Союза. Он выезжает на международные турниры и создает все больше проблем зарубежным фехтовальщикам, лидерам рапиры в своих странах. В 1959 году он начинает свой путь многократного чемпиона мира. В следующем году он поднимается во главе своей команды на высшую ступень олимпийского пьедестала. На Олимпийских играх 1964 года он побеждает вновь.

При этом каждый выезд брата за рубеж был на грани срыва, поскольку – в придачу к постоянным попыткам множества бойцов победить Мидлера – чиновники, имеющие отношение к выездам спортсменов за границу, по-прежнему манипулировали устаревшим пунктом в анкете: «находились ли вы или кто-либо из ваших близких под судом и следствием». По этому пункту Марк был заведомо «невыездной» – отец и дед имели судимость:

дедушка Яков (отец мамы) и наш отец отбывали, каждый по два года, сроки за халатность (была такая статья в Уголовном Кодексе). У меня нет сомнений, что это случайное совпадение. Но уж больно удивительное. Абсурдное совпадение. Они работали на разных работах: дед был бухгалтером на алюминиевом заводе, а папа – замдиректора спортивного магазина «Динамо» на Тверской. В обоих случаях директора криминальным способом что-то прихватили, а подчиненные не донесли. Проявили халатность – не настучали. Если бы мой дед и отец были «в доле», они получили бы сроки куда больше – как соучастники. Но они всего лишь не стали осведомителями.

Мы с братом ездили повидаться и видели, как в колонии для заключенных, которая раскинулась бараками среди еловых лесов у станции Поварово, что по Ленинградке, тащился в колонне зэков наш отец.

Мы оба слышали от родных, что так же в заключении в толпе усталых людей в полушубках с номерами ходил раньше наш дед.

Мы знали, как бедно жили. Мы – Марк в большей степени, чем я, поскольку был на восемь лет старше, – должны были бы привыкнуть к жизни в нищете и несправедливости. Единственной возможностью для старшего брата вытянуть себя и семью если не из несправедливости, то из нищеты, был его личный успех.

Первая международная золотая медаль, завоеванная советскими фехтовальщиками, – это медаль Марка, выигравшего личный турнир рапиристов на Фестивале молодежи и студентов в 1957 году в Варшаве. Победил в перебое за первое место известного австралийского бойца – Феттерса, рапириста мирового уровня.

В течение пятнадцати лет без перерыва Марк Мидлер был капитаном непобедимой четверки рапиристов: Мидлер, Жданович, Свешников и Сисикин.

Семь побед подряд, с 1959 по 1966 год, этого квартета на Олимпиадах и чемпионатах мира остаются непревзойденными и по сей день.

Отдельный разговор о всемирных победах подопечных Марка, его учеников, и о победах нынешних учеников его учеников. Есть множество объяснений международных побед Марка и фехтовальщиков, с которыми он работал как капитан и как тренер. Начну с «почвы» – с судеб и психологии его родных и близких. Они оказали влияние на характер брата, значит – на траекторию его жизнедеятельности. В конце концов – на ее результаты.

Глава вторая. Корни

Второй фрагмент из интервью спортивной журналистки Елены Гришиной с Марком:

Е. ГРИШИНА: Скажите, Марк Петрович, вот вы фехтование сразу полюбили? Знаете, как говорят, фехтование это не вид спорта, это как… что это судьба, что это вирус, это диагноз?

М. МИДЛЕР: Нет. Диагноз – это еврей. А вид спорта – это не диагноз. У меня отец был профессиональный футболист, играл нападающим в московском «Динамо»… Отец приезжал на дачу – у тетки была дача в Подлипках, это по Ярославке, – ну, там эти улицы все поселковые, там, конечно, футбольный мяч, там дети играют. Ну, отец, значит, возьмет мяч и как даст. У него удар был! Мяч летел хавалеем – знаешь, что это такое? Тынь – как даст, на тридцать-сорок метров! Вот на такой высоте он летел, не падая.

Е. ГРИШИНА: Обалдеть!

М. МИДЛЕР: Представляешь? И он играл в команде. 1932 год, 1933-ий… «Динамо» тогда были чемпионами страны. Это не диагноз. Это призвание. А если это диагноз, то он общий у меня и моего отца.

* * *

Выписка из неформального «Досье» на игроков команды, которое издавна вели ветераны футбольного клуба «Динамо»:

«Мидлер Петр Маркович. Родился 22 апреля 1906 года, умер 28 января 1985 года. Мидлер был необыкновенным футболистом – вел игру исключительно левой ногой. Одной левой, но блестяще. Восемь лет, с 1924 по 1932 год, играл нападающим за московское «Динамо». Рост 168 см, вес 64 кг. Быстрый, азартный и техничный, всегда действовал смело и самоотверженно. К глубочайшему сожалению команды, покинул ее из-за тяжелой травмы левой ноги. Отец известного фехтовальщика М. Мидлера».

Обратите внимание на черты характера отца – быстрый, азартный, техничный, смелый, самоотверженный. И еще одна черточка. Проиллюстрирую ее фрагментом «Автобиографии», в котором Марк пишет:

«Моего отца, Петра Марковича Мидлера, известного в 30-е годы футболиста московского «Динамо», болельщики звали почему-то «Яша – левый край».

Папа с ними не спорил, Яша, так Яша. Безропотно выслушивал их соображения. Например, я слышал от отца, что приезжий из Одессы один из фанатов, который напросился носить папин спортивный баул, порекомендовал: «У вас, Яша, волшебная левая нога. Если бы вы, Яша, играли правой ногой хотя бы вполовину так, как левой, вы бы, Яша, стали лучшим нападающим страны».

– Ты ответил ему? – спросил я папу.

– Обязательно. Я сказал: «Хорошо, Яша».

В какой-то мере можно допустить, что склонность к юмору, азартность, быстрота и техничность, смелость и самоотверженность – это у Марка от отца.

Как все динамовцы, наш отец должен был служить в войсках НКВД. Однако ему удалось миновать участия в карательных операциях. Он работал под Москвой на фронте инструктором по физкультуре.

После войны он тренировал различные команды динамовских футбольных клубов. Боли в его травмированной ноге росли и достигли уровня ежедневных с трудом переносимых страданий. Он уже не мог тренировать. Стал заместителем директора московского спортивного магазина «Динамо» на Тверской, тогда она называлась улицей Горького. Потом папу засудили за «потерю бдительности». За то, что не донес «органам» на ворюгу директора, отцу дали два года по статье «халатность».

Когда он вышел на свободу, ни быстроты, ни азарта, ни смелости, ни присущей ему раньше улыбчивости у него не замечалось. Остались только самоотверженность и почти плюшевая мягкость и доброта.

По моим – авторским – наблюдениям, Марку достались не только самоотверженность и некоторая выборочная мягкость и доброта, но и прежние папины «спортивность и юмор». Характерная для отца защитная улыбка над самим собой стала у Марка все чаще оборачиваться хотя и безобидной, но насмешкой над другими. Эта наклонность сыграла важную роль в его судьбе.

Что касается спортивности, то тут все солнечно и прозрачно: Марк одинаково блестяще играл в футбол и фехтовал. У него долгое время была та же дилемма, что у его тренера Виталия Андреевича Аркадьева, который в молодости колебался, что выбрать: игру в футбол или фехтование. Наконец, когда брат-близнец Борис Аркадьев выбрал футбол, Виталий Аркадьев отправился фехтовать.

У Марка не было близнеца, но было раздвоение спортивной личности. Слишком успешен он был и в том, и в другом.

* * *

Теперь о маме. От мамы, мне кажется, Марку досталась тяга к дерзкому озорству и к импровизации.

Мама была красивая: дымчатые волосы, большие серо-зеленые глаза. Двухцветные. На катке «Динамо» постоянные посетители – подростки – называли ее «Радуга». Близкие друзья редко использовали это прозвище. У них она была «Маркиза».

Многолетнее курение папирос и контузия испортили внешность «Маркизы». Контужена она была взрывом фугасной бомбы, упавшей на соседний дом.

По характеру мама была любительницей приключений. В двадцать один год решила посмотреть вдруг, как работает московский уголовный розыск, и поступила туда работать. Работала три дня «муровкой», успела получить урок. Привожу его полностью, как рассказывала мама – здесь виден ее характер на фоне 30-х годов.

«В МУР пришел рецидивист. Человек известный. Пришел сам. Не с повинной. Попросил помощи. Прикрывает лоб полами своей рубашки. Живот открыт. (На улице – ниже нуля).

Иван Сергеич, следователь, мой начальник, спрашивает:

– Фамилия?

Тот говорит, как полагается:

– Кутепин.

А Иван Сергеич не только знает, что это за шишка, но в курсе, что накануне у Николая Кутепина кончился срок заключения.

А тот, смотрю, жмет рубашку ко лбу. И у него, глазам своим не поверила, катятся слезы. Градом!

Сергеич говорит:

– Ну-ка, покажи.

Вор отнимает рубашку ото лба, а там – слово дурное из трех букв. Крупная татуировка. И рисунок рядом. Небольшой. Рисунок того же смысла.

Рассказывает:

– Вчера был освобожден. Встретился по дороге домой с другим вором. Посидели в пивной. Очнулся в парке на скамейке с сильнейшей головной болью. Поднялся. Прохожие ведут себя странно. Навстречу шла пожилая женщина. Взглянула, охнула и шмыг в сторону. Потом встретился мужчина. Взглянул – согнулся от смеха. – Вор бормочет, пытаясь удержать судорогу на лице: – Подхожу к зеркалу в парикмахерской и…! В травмпункте сказали, что единственный способ избавления от такой глубокой татуировки – выжечь ее каленым железом. Но примерно с таким же успехом, сказал доктор, решить проблему можно, отрубив тебе

голову.

И вот вор пришел в уголовный розыск. Иван Сергеич выслушал его рассказ. Я тоже была под впечатлением. Сергеич сказал:

– В Париже есть один профессор, который делает такие операции. Не остается следа. Стоит бешеных денег. Кто ж тебя пошлет в Париж?

– Я отвернулась, – продолжала свой рассказ мама, – чтобы не видеть лица Кутепина. Вышла из комнаты и больше в МУР не возвращалась.

Я спросил:

– Если уж ты стала «муркой», неужели они так просто от тебя отвязались?

– Звонили несколько недель. Тогда я «призналась», что, когда уходила последний раз, выбросила в урну удостоверение угрозыска. Они мне: «Выпишем новое». Я набралась смелости и сказала: «Я снова его выброшу».

Ей предложили подать заявление об уходе из МУРа по собственному желанию, что она и сделала.

Талантливо игравшая на фортепьяно, мама озвучивала в первых лентах кино немые фильмы и предавалась неудержимому музыкальному фантазированию. И пошла в аккомпаниаторы в художественную гимнастику и там «оттянулась» в свободной своей импровизации, в небольшой степени согласованной с движениями гимнасток. Ее уволили. Она пошла сопровождать фигурное катание. От импровизации не отказалась.

Я помню долгие часы, проведенные на лавочке на катке под звуки маминых фортепьянных фантазий. Мы ждали ее на вмерзшей в лед лавочке и страдали от холода. Да и есть хотелось. Но это играла наша мама!

Не могу избавиться и от предыдущей картины, как мы сидим с братом вдвоем на матах в гимнастическом зале. Мама пока была еще не уволена и резвится на клавишах, а перед нашими глазами танцуют гимнастки.

– Лучше бы мама танцевала сама, – шепчет мне брат.

* * *

От мамы, мне кажется, Марку передалось упоение классической музыкой. Внешне будучи человеком, владеющим своими эмоциями, Марк безудержно, страстно любил слушать композиторов, чьи произведения играла мама: Баха, Вивальди, Моцарта, Бетховена, Шопена, Листа, Брамса, Чайковского,

Шостаковича… В Москве я с подросткового возраста ездил с ним на международные турниры, в которых брат принимал участие, и каждый раз, садясь в машину, он включал классику. Это я помню очень хорошо. Когда я смотрел его поединки, мне казалось, что он их создает по ассоциации с музыкой, которую мы только что слушали.

И еще. Мама была гибкой, ладной, аристократичной, значительной. Маркизой. Марк был гибким, ладным, аристократичным, значительным. Маркизом.

* * *

Перехожу к прадеду, деду и бабушке. Берта Марковна – совершенно не похожа на стандартную еврейскую старушку, которая, по известной песне: «От старости согбенная детей кормила штруделем». Штрудель в семье изредка был, но его готовил другой согбенный маленький персонаж. А бабушка – высокая, стройная, с красивой проседью. Была по характеру очень строгой. Особенно строга она была в отношении, по ее словам, вредных привычек: не пить, не курить, не дружить с «хулиганьем» и держать в постели руки на одеяле, а лучше – за головой. Бабушка абсолютно царила в семье.

От бабушки, я думаю, Марку досталась внутренняя дисциплинированность и, я бы сказал, четкость. Четкость в мышлении, в словах и поступках.

Прадед по линии мамы был в Одессе фабрикантом орехового мороженого. Не знаю, как он относился к этому продукту, мы с братом мороженое любили до каждодневной от него зависимости. До одного момента. Однажды выиграли спор с приятелями Марка, съев на двоих полтора килограмма мороженого. Это освободило нас от зависимости на всю жизнь.

Дедушка считался в молодости одним из самых сильных людей в Одессе. Будучи по характеру очень скромным, он только однажды признался мне в том, что, по его мнению, он дружил с «весьма недурным писателем» – Куприным. Дружба основывалась на том, что, когда Куприн выступал перед зрителями в больших городских залах, мой дедушка держал Александра Ивановича сзади, из-за занавеса, за фалды пиджака, чтобы Куприн, нередко выходивший на сцену после масштабных дегустаций винно-водочных изделий, шампанского и коньяков, не упал в оркестровую яму или в зал.

Дед пользовался уважением множества городских бандитов, одного из которых он по случаю ударил. Тот привязался на улице

к девушке. Дед ударил его слева в челюсть, и человек пролежал два месяца в больнице.

Впоследствии дедушка стал бухгалтером, и более мирного и бесконечно доброго человека я не встречал в своей жизни. Отсюда у нас с братом родилось стойкое ощущение, что сила и доброта – это одно и то же.

Ко времени моего знакомства с дедушкой он, как правило, праздно лежал на диване, глядел в потолок голубыми глазами и молчал.

Иногда он довольно легко поднимался, чтобы сыграть с кем-нибудь из гостей мужского пола в известную игру, где двое ставят на стол друг перед другом согнутые в локте руки, схватывают друг друга за пальцы и пытаются пригнуть руку соперника к столу. Дедушка всегда выигрывал.

От него, я думаю, к Марку перешла физическая сила.

* * *

Из семейных преданий, которые передавались от поколения к поколению, я знаю, что – по линии отца – наш прапрадед был пиратом на Черном море. Помимо разбоя, он занимался контрабандой, которая шла через город-порт Констанцу.

Если считать, что в психологии моего брата от этого далекого предка что-то есть, то это склонность к тщательно продуманной авантюре.

Любители и специалисты по фехтованию отмечали жесткую логику, безукоризненную рациональность Мидлера в поединке. От внимания экспертов и противников ускользало только одно – то, что расчетливая фехтовальная разумность Мидлера редко поддавалась рациональной разгадке его противниками. Таящий в себе немалый риск, но при этом четко поставленный эксперимент в бою – это я и буду называть продуманной авантюрой. Марк мог бы сказать о себе словами Джамбула Джабаева – казахского певца и поэта, необыкновенного тем, что слагал песни моментально на глазах публики. Джабаев честно признавался: «Хороша только хорошо подготовленная импровизация». Применительно к Марку можно сказать – его импровизации, необычные авантюры были безукоризненно подготовленными.

Итак, выверенная импровизация, ювелирно тонкий эксперимент на основе отточенных десятков «заготовок».

…Вернусь к родословной. Общим для большинства родственников стало то, что им – каждому в своей сфере – удалось стать уважаемыми профессионалами: прапрадед –

контрабандист и пират – был в Констанце знаменитостью, дед – модный сапожник – был в Томашполе звездой по своей популярности. А сыновья деда, соответственно, наш с Марком родной дядя Витя и наш отец, тоже каждый по-своему стали незаурядными людьми. Дядя Витя – знаменитым художником, а наш отец – знаменитым футболистом.

В дополнение к обязывающей родословной Марк Мидлер был по своим физическим данным необыкновенно ловок и, пожалуй, еще более силен, чем его одесский дедушка.

– У Марка удачно прикреплены к телу мышцы, – сказал мне, наблюдая Мидлера на тренировке, заслуженный мастер спорта по фехтованию Александр Николаевич Пономарев.

Я не случайно говорил о физической силе Марка с Пономаревым. Александр Николаевич – единственный известный мне спортсмен, который, не будучи гимнастом, делал на кольцах «крест» и мог продержаться в «кресте» до десяти минут. На это способен далеко не каждый обладатель гигантских мускулов, даже и не любой владеющий объемной мускулатурой мастер спорта по гимнастике. С гармоничной ладной фигуры Александра Николаевича была слеплена в 30-е годы XX века статуя советского атлета, ставшая образцом для множества копий в сотнях парков Советского Союза.

– Удачно прикреплены мышцы – это метафора, Александр Николаевич? – спросил я.

– Существуют люди, глядя на которых трудно представить себе их мощь. Телом эти люди скорее напоминают Аполлона, а у этого бога мышцы не выпирают и не рельефны, как у Геракла или у спортивных гимнастов, штангистов и культуристов. Аполлонические мускулы сильны за счет особого прикрепления к костям. Будет справедливым причислить Марка к сверхсильным особям – за счет доставшейся ему по наследству анатомии.

Я упомянул об особой мускульной силе в одном из мимолетных разговоров с Марком:

– У Пономарева мышцы на вид ничего особенного, – сказал я, – я видел его обнаженный торс – Аполлон как Аполлон, ничего особенного. Так вот, с этим «ничего особенного» Пономарев, как ты знаешь, свободно держит на кольцах десятиминутный «крест». Ты сможешь? Как насчет твоей врожденной анатомии?

– Вскрытие покажет, – холодно сказал Марк.

Глава третья. Путь чемпиона

Запись беседы автора и Давида Тышлера о Марке.

Давид рассказывает:

– И вот до турнира остались одни сутки. Бои должны начаться в понедельник с утра. Марк приходит ко мне: «Дай на воскресенье ключи от зала». Я спрашиваю: «Что ты будешь делать в пустом зале? Хотя бы одни сутки перед боями надо отдохнуть. Не хочу говорить азбучные истины – ты лучше меня знаешь про необходимый «день тишины». Он: «Не сердись, Дод, у меня другое понимание; чем больше нагрузка перед турниром, тем лучше». В итоге мы ссоримся. Я был тогда его тренером. Бросаю ему проклятые ключи, и он – я посмотрел время – тренируется в воскресенье перед соревнованиями шесть часов сорок минут.

– Удивляюсь Марку. Ты, Дод, безусловно, был прав.

– Нет. На следующее утро Марк выигрывает все бои.

– Тогда в чем же ты с ним не согласен?

– Не я с ним. Он со мной. И заодно со всем мировым опытом фехтования. Я твержу ему: «Марк, до турнира осталась неделя. На каждой тренировке ты проводишь с разными спарринг-партнерами до сорока поединков! Ты перегружаешься сверх любой меры. В преддверии турнира это хуже, чем недогрузка». Он отвечает опять своей чепухой: «Ты не понимаешь, надо интенсивность повышать до последнего дня».

– Ну, и дальше?

– Опять он прав. Победителя не судят. Вопрос в другом: почему то, что было и остается азбучной истиной для многих тысяч фехтовальщиков, живших и живущих на земном шаре, почему все это «не действует» на Мидлера? Я могу понять это только на двух уровнях: на уровне его жизненного принципа – он абсолютный максималист, и на уровне его физиологии – у него уникальное здоровье и невероятная выносливость. В итоге, когда большинство бойцов после первых двух дней турнира сильно уставали, физически и психически – десятки боев провели, тогда, на третий и четвертый день турнира, противники, как правило, не могли в поединке против Марка уйти от поражения.

Я часто бывал с ним в зале, наблюдал его тренировки. Работал он до тех пор, пока не добивался абсолютного совершенства движений своей вооруженной руки. Однажды, когда он в очередной раз снял маску, чтобы воздухом обдуло лицо, я спросил его:

– Ты уверен, что для получения результата нужно обязательно доводить себя до изнеможения? Может быть, это

слишком?

В ответ:

– Ремонт в квартире нельзя закончить, его можно лишь прервать.

Говорить ему, что суббота-воскресенье не для тренировок, было бесполезно. Причем фехтовал он всю неделю и потому, что скоро должны были быть ответственные поединки, и когда горизонт был чист. Он работал без выходных, уматывал тренеров.

Мне запомнилась струйка пота, стекающая у Марка с носа, когда урок подходил к концу. Фехтовальный костюм можно было выжимать…

* * *

Фрагмент интервью Марка с Еленой Гришиной.

Е. ГРИШИНА: А где тогда тренировались?

М. МИДЛЕР: Я поступил в Институт физкультуры на Казакова. Там была великолепная кафедра. Она тогда была живая, Виталий Андреевич был молодой еще, там были Кавские, ты, может быть, не помнишь, Волков, молодой Тышлер ходил там, всем мозги парил… Анна Матвеевна Пономарева, изумительная женщина. Муж ее, Пономарев Александр Николаевич. Это все такое позапрошлое поколение. И там кафедра была на первом этаже, и зал небольшой фехтовальный.

Е. ГРИШИНА: Марк Петрович, вы помните свой первый успех на международных соревнованиях? Где и когда это было?

М. МИДЛЕР: Наверное, надо сначала вспомнить про крупную неудачу, с которой, собственно, и начались успехи. Когда советское правительство приняло политическое решение – участвовать в Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки, к нам для обучения пригласили венгерских фехтовальщиков. Это было летом 1951 года. Они приехали, мы на них посмотрели: ну венгры и венгры, ничего особенного. Все подумали, что сейчас просто разнесем их, тем более у нас такая команда: все красавцы, здоровые, сплошь чемпионы СССР. Там Вышпольский, Андриевский, Аркадьев.

Тышлер, Кузнецов – это пацаны были. Я тоже. Но такие драчливые. И пригласили венгров. У венгров был классический вид – сабля. Они выигрывали прошлые Олимпиады с 1900-х годов – первые из современных Олимпиад начались с 1896 года.

Е. ГРИШИНА: В 1951-м венгры приехали?

М. МИДЛЕР: Приехали первые венгры. Команда приехала. Но дело в том, что венгры раньше совмещали виды. И мы, конечно.

Я фехтовал рапиру и саблю. Я по рапире первый был номер все годы и в сборной СССР, а по сабле в команде. В первой пятерке. У нас были сборы, очень длительные. И каждую субботу делали прикидки. Прикидки заматывали всех. Потому что на одной прикидке ты, на другой – другой. Вечная эта идет возня.

Е. ГРИШИНА: Всё время в тонусе были.

М. МИДЛЕР: В режиме вечного отбора. Ну, тонус тонусом, а мы приходили с первой тренировки, падали на кровать и отключались. Засыпали. На вторую-то тренер шел и будил всех.

Е. ГРИШИНА: «Ребят, пошли обратно»?

М. МИДЛЕР: Номера делали *(смеется)*… Женька Рюмин – ты помнишь такого?

Е. ГРИШИНА: Нет.

М. МИДЛЕР: Был у нас такой. Слоник. Он левша был, крепыш такой. Лег, руку вот так – на подушку, на руку лег. Ему ребята – додумались! – команды дают: «Круг шесть», он – ап! – во сне. «Круг четыре» – он раз (*показывает*). «Коли!» – он ап! – одной рукой, вздрагивал спросонья.

Е. ГРИШИНА: Так, Марк Петрович, подождите, приехали венгры и, что, обыграли всех в 1951-м?

М. МИДЛЕР: Приехали венгры. И, конечно, не обыграли, а отутюжили.

Е. ГРИШИНА: О Боже!

М. МИДЛЕР: То есть позор… У нас чемпионы были Сайчук, Манаенко, Вышпольский, Андриевский – то поколение, старше меня которое… Венгры из них пыль повыбивали. На сабле особенно. Как даст – только пыль из нагрудника идет. Шесть человек у них команда была, раньше по шесть человек команды были. Четыре и два запасных. И вот они – Ковач, Геревич… Ты помнишь же эти фамилии?

Е. ГРИШИНА: Да, да.

М. МИДЛЕР: Ковач, Геревич, Карпати, Берцеи и Персти. И мы устроили встречу шесть на шесть – тридцать шесть боев.

Е. ГРИШИНА: – И чем всё закончилось?

М. МИДЛЕР: Закончилось разгромом нашим. Причем, значит, Манаенко, на сабле. Потому что рапира у тех была такой смежный вид. Они были третьи в мире по рапире. И насквозь первые места, начиная с 1900-х годов, по сабле. То есть никто не мог им противостоять. У них школа была мадьярская.

Е. ГРИШИНА: А что же тогда делать после того, как всё проиграли? Вот они уехали, и Олимпиада в 1952 году?

М. МИДЛЕР: Они уехали.

Е. ГРИШИНА: И сели все и задумались?

М. МИДЛЕР: А мы остались. И мы сказали, что если они… Да,

спросили: «Ну, как там у нас?» Они улыбнулись, говорят: «Ну, еще лет пятнадцать, и будет гут». То есть еще лет пятнадцать поработаете, и будет… Мы говорим: «Как пятнадцать?» Я, там, Дод, молодые ребята, которые подходили.

Е. ГРИШИНА: И как стали работать, что так быстро потом?

М. МИДЛЕР: Вот, слушай. Круглогодичные сборы фактически, каждую субботу прикидки, каждую неделю бои. Вцепились – и всё. Изучили эту… Потом там венгерские тренеры работали с нами на этом сборе. То есть, они и нашим тренерам, и нам показали, как надо уроки давать, какие принципы боя, на что обратить внимание, на что смотреть. Потому что раньше на сабле фехтовали так же, как на рапире. Понимаешь? А потом стали осознавать, как убирать клинок и искать, выбирать место. Ты защищаешься, он идет, выбирает место и в открывающийся сектор бьет. Если ты ему закрываешь, он переходит в другой. Раньше. Потом это уже обратилось в сливание, и невозможно было фехтовать. Поэтому запретили эти флеши, скрестные шаги и прочие. Потому что защититься невозможно, если человек ведет тебя, ищет… Понимаешь, на рапире. Вот дай (*показывает*). Тут вот можешь зацепиться. Вот четвертая, я пойду не в ту сторону, я зацепился. Шестая, круг шесть бери… Я пошел не в ту сторону, и я могу зацепиться. А на сабле не за что зацепиться.

Е. ГРИШИНА: А на сабле они убрали руку, и начинается вот здесь вот…

М. МИДЛЕР: Не за что зацепиться. И причем получается что? Преимущество заведомое, потому что ударить тебя можно… В рапире тебя ударить можно в две точки – внутрь и снаружи. То есть 50 процентов ты… наугад. Но можно круговую защиту. Круг четыре наугад взял – 50 процентов, что ты собьешь его. А на сабле ты возьмешь четыре – тебя можно ударить и сверху, и сбоку. То есть три точки – верх, бок и корпус. В три. Поэтому даже ошибившись, ты имеешь соотношение три к одному, а в рапире – два к одному. Две точки. Ну, мы всё это прожевали, обсосали и начали каждый день работу. Двухразовые тренировки круглогодичные. И каждую субботу – прикидка называлось – боевая практика.

Е. ГРИШИНА: Но в 1952 году выступили все равно, так скажем, не ах.

М. МИДЛЕР: В 1952 году я тебе скажу, как выступили. Саблисты там устроили встречу. На рапире выдергивали, там по одному брали венгра и одного нашего. Ну, кого давай? Ну, Мидлера. Нет, сначала Вышпольский был. Двадцатикратный чемпион. Вышел против венгерского тренера – лысого, с таким животом. Вышпольский – красавец, стройный. Они все

занимались в военных институтах. Поэтому там, конечно, к физике…

Е. ГРИШИНА: На всех хватало.

М. МИДЛЕР: Вопросов нету, да? А тот старик. Но тот – обобщающие защиты. Тут Вышпольский прыгает и начинает нападать, а соотношение-то один к трем. И этот Дуранелли… Дуранелли его фамилия была – этого Вышпольского (первый бой они вышли) 5:1. Наши, конечно, немало удивились. Он у нас лучший, двадцатикратный чемпион страны, на всех видах: и рапира, и сабля, и шпага. Атлет, такой, ну, в общем, как с плаката. Понимаешь? А тот старик лысый, как Тартарен из Тараскона, с пузом. И этот дед в три минуты нашего бойца сожрал. За счет знаний. А начали с того, что венгры перед выходом на бой окружили своего Дуранелли и чего-то ему говорят. А потом этот, значит, Дуранелли, кинулся на Вышпольского, а тот ему – ты-дынь! – на полной скорости. Тут венгры своего подзывают и на своем языке, разумеется, (потом нам перевели) говорят: «Куда ты лезешь, старый дурак! Стой на месте!» Он встал и всё. И наш подождал-подождал, а потом начал на венгра бросаться, а этот Дуранелли начал Вышпольскому делать харакири. За счет того, что соотношение отрицательное, а лысый преднамеренные защиты брал, обобщающие, не конкретно четыре и шесть, а обобщающие. Раз обобщающая – и в харю. Раз – и в харю. И тот бился, бился около него – и 5:1. Это был шок, конечно. Ну, потом вызвали молодого Мидлера. (*Смеется*).

Е. ГРИШИНА: Так.

М. МИДЛЕР: Мидлер там все прикидки чесал. На рапире все прикидки были первые места у меня. А на сабле – в тройке. У меня всегда так – в тройке быть. Потому что гарантии нет – первое там. А в тройке – это уровень. Я так и оказался на Олимпиаде, попал к саблистам в команду, поскольку был в тройке, и на рапире, как первый номер. Фехтовал и в личных, и в командных. В личных – ну, это потом скажу – в личных на рапире я был в четвертьфинале. В четвертьфинале была система пулек. Из шести трое входило. Я в первой пульке. В третьей ступени в четвертьфинале я попал с чемпионом мира 1951-го года, итальянцем. Как его фамилия?

Е. ГРИШИНА: Да Бог с ним, я посмотрю потом.

М. МИДЛЕР: Дель Монако, что ли. Или как-то… Нет, Дель Монако хорошо поет тенором. Не фехтует… О, вспомнил, Манлио Ди Роза… Я проиграл ему 5:4 сводный бой. Стыковой бой, да, проиграл. И всё, не попал дальше. Это высокое место, я считаю.

Е. ГРИШИНА: Это уже достижение, да.

М. МИДЛЕР: Огромный результат… А в командных на рапире

у нас была тоже такая стыковая встреча за вход в четвертьфинал с Аргентиной, Аргентина тогда имела шестое место в мире, у них приличная команда была, а у нас все старики и я. Нет, ну, Овсянкин, Разживин, может, ты помнишь?

Е. ГРИШИНА: Нет-нет-нет.

М. МИДЛЕР: Динамовские. Комаров – тоже, с войны пришедшие люди. То есть это такие были созревшие фрукты, которые уже падают на землю. Ну, я с Аргентиной дал четыре победы, все четыре. А те, ну, представляешь, как – 8:8. Проиграли один укол.

Е. ГРИШИНА: Ой, как обидно.

М. МИДЛЕР: Это рапира была. А сабля была выше, попала. В сабле нас было пять человек: вот этот Вышпольский, Манаенко, Кузнецов Лева, я и Беляков такой был, Боря Беляков из Саратова. Вот. Ну, я свои две победы давал в любой встрече на сабле. На рапире я четыре мог дать с любой командой, а тут две. И мы 9:7 проиграли.

Е. ГРИШИНА: 9:7?

М. МИДЛЕР: Да. Фактически это один бой.

Е. ГРИШИНА: Да, один бой получается.

М. МИДЛЕР: А на этой встрече шесть на шесть лучше всех выступил Манаенко. Три победы дал из шести. Я дал две. Вышпольский дал две. А остальные – Сайчук, Тышлер и Беляков – на нулях. Они просто шли по нулям. Причем я выиграл у двух очень сильных: Карпати чемпион мира и Ковач чемпион мира. Карпати было тридцать девять, Ковачу – под сорок тоже. Ну, они выступали до глубокой старости. Последний раз чемпионом мира стал, в сорок пять лет, Геревич. В сорок пять лет он фехтовал – сказка была, рука молниеносная! Вот он руку так ставил – ты стоишь, да, и думаешь, сейчас ты ему ударишь по руке вот так, с выпадом. Не успеваешь, он успевал брать защиту.

Е. ГРИШИНА: Ну, это от природы…

М. МИДЛЕР: Ну, быстрота – это природное качество, конечно. Есть быстрые люди, есть медленные. И это качество консервативное. Есть качества, которые тренируются, а есть как бы природные, неизменные. Или человек быстрый, или он не быстрый. Вот Марк Ракита или Дод Тышлер были сравнительно медленными, но хорошо фехтовали за счет выбора сектора, куда ударить (в таком случае не надо очень быстрым быть, там реакция сложная должна быть, куда выбрать), они показывали результат. Не за счет быстроты, а Геревич за счет быстроты. То есть он с такой скоростью делал атаку и защиту-рипост, что просто… Сорок пять ему было. А венгры мне говорили, так сказать, в утешение: «Что ты? Ты еще молодой. Тебе тридцать

лет».

Е. ГРИШИНА: А вот скажите, на ваш взгляд, идеальный фехтовальщик – это что? В чем вообще талант фехтовальщика? Это должны быть какие-то физические качества или это все-таки главным образом ментальность?

М. МИДЛЕР: Понимаешь, в чем дело… Я тебе сейчас объясню. Фехтование – это вид спорта, который… Дай ладонь. Вот так поставь. Общаются друг с другом личностью всей. Вот плоскость – это моя личность. И вот так мы общаемся, понимаешь? Не так, не так, не так, а вот так. Вот. Личность. И поэтому, если личность… Что такое личность? Это физические качества и характер. Вот говорят: «Фехтовальщик он хороший, но боец…» А что такое боец? Это человек, который может «через не могу». Вот у нас фехтовальщики, они «через не могу» драться не могут. Ни женщины, ни мужчины – никто. Как «не могу», так разрушается и техника, и голова ничего не соображает – понимаешь? А когда человек «через не могу» контролирует события… Потому что все бои в фехтовании, большие длинные бои, в командных тяжелые бои – они все идут «через не могу». Не на свежака. На свежака многие, а, раз, раз – скорость есть. А когда начинается «через не могу» или вытаскивать надо с большого счета. В этом отношении, конечно, у нас из последних поколений самый яркий пример это Стас Поздняков. «Через не могу»… Я его первый раз увидел на Олимпиаде в Барселоне.

Е. ГРИШИНА: Вы жили в одном номере?

М. МИДЛЕР: Да. Он приходил – молодые все – вечером, когда уже было темно. (*Улыбается*). Стас приходил – девятнадцать лет ему было тогда – так тихонечко, очень вежливо, но слышно все равно. И ложился спать… Так вот, в плане физики, во-первых, у него правая нога, бедро – это же выпад: толчковая ягодица правая и бедро, это как у… Я даже не знаю, что… Обыкновенно люди делают выпад вот так, а он делает вот так (*показывает*). И получается, что человек, который стоит на дистанции выпада, отходит свои полшага, а его все равно «маль парэ» достает. И рука тяжелая такая, в общем… А психическая сторона вопроса: борьба, тактика и все – это, конечно, его индивидуальные замечательные особенности. Надо отдать ему должное.

Е. ГРИШИНА: А развлечения, помимо сна, у вас на сборах были? Я ведь знаю с ваших слов, что после шести часов вечера и до ночи спать не полезно. Чем же занимались?

М. МИДЛЕР: Готовили оружие, проверяли, монтировали, подгоняли оружие. Чтобы оно было исправным, удобным и легким. Ну, и убивали время легкой развлекательной литературой, пинг-понгом, шахматами, бильярдом и прочим

домино-кино. При этом серьезные, глубокие фильмы в дни перед ответственными соревнованиями нам не полагались. Чтобы не сбить у нас боевой настрой. А полагались, как я сам порекомендовал в своей книге по психологии фехтования, «красочные широкоэкранные фильмы музыкально-комедийного плана».

Е. ГРИШИНА: Вы уверены сейчас в том, что ваш совет оправдан?

М. МИДЛЕР: Практика показала, что серьезное кино перед важными турнирами можно смотреть только некоторым спортсменам, которых с толку не собьешь.

Е. ГРИШИНА: Невысокого же вы мнения о большинстве наших спортсменов!

М. МИДЛЕР: Ты ошибаешься. Дело в том, что мы – профессионалы. Надо жертвовать чем-то ради чего-то.

Е. ГРИШИНА: То есть?

М. МИДЛЕР: Представь себе хирурга перед труднейшей, крайне ответственной операцией. Многим ли хирургам ты решишься показать перед такой процедурой превосходную трагедию на экране? Или глубокую психологическую драму? Ведь эта информация может не покинуть мозг человека, который должен быть занят полностью проблемами того, кто лежит перед ним на операционном столе. Фехтование подобно, в этом смысле, хирургии. Или анестезиологии. Анестезиологи тоже колют. Правда, беззащитных… И там еще – вот парадокс с точки зрения фехтовальщика – за уколы, сделанные тебе, ты же и должен быть благодарен. (*Улыбается*).

Но вернусь к сборам. Тренировки и прикидки без конца и края. Но было еще одно. Может быть, не менее важное. У нас был – другого слова не могу найти – потрясающий наставник. Заслуженный мастер спорта СССР и заслуженный тренер страны Виталий Андреевич Аркадьев. Как тренер и, если хочешь, как мыслитель, этот человек развивал нас всерьез. Это одна из самых необычных фигур в спорте – уникальный знаток литературы, поэзии, психологии и философии последних трех веков, необыкновенный эрудит с талантом рассказчика, человек глубокий и, вместе с тем, открытый. Открытый и радостный. Мудрец. Он воспитал столько чемпионов мира и Олимпийских игр по фехтованию, сколько не удавалось никому. Главное для Аркадьева было одновременно подготавливать фехтовальщика – профессионала высокого класса и, вместе с тем, развивать спортсмена как личность. Не могу забыть поездки с Виталием Андреевичам за рубеж. Идешь ли ты с ним по Парижу, по Риму, по Берлину, по Будапешту, в Европе или в Азии, в Америке или в

Австралии – везде, где он был с нами, Аркадьев рассказывал нам историю этих городов и стран. Еще он изумительно знал наизусть русскую и мировую поэзию. Аркадьев был человеком одновременно спортивного, философского и поэтического склада, бесконечно добрый и щедрый Учитель. С ним можно было анализировать и решать проблемы, от чисто спортивных до глубоко личных. Он был методолог жизни. Аналитик. Тренироваться на сборах, где есть Аркадьев, счастье. Нам повезло!

* * *

Давид Тышлер вспоминает:

– В 1954 году Марк уже три года, как в сборной СССР. Нас направили в Будапешт продолжать учиться у наших старых наставников-венгров искусству боя на сабле, рапире и шпаге. Известный во всем фехтовальном мире доктор Бела Бай, старший тренер сборной команды Венгрии, а в прошлом один из самых результативных венгерских рапиристов, проходя через зал, остановился около Марка, минут десять наблюдал, как Мидлер ведет поединок, и сказал, а я был в нескольких шагах и отчетливо слышал: «Зоркий мальчик, будет уникумом в фехтовании. Очень внимательный». Из всей нашей сборной Бела Бай отметил только Марка.

* * *

На память приходят два эпизода. Как-то я пришел в зал понаблюдать за тренировкой брата. Марк фехтовал со спарринг-партнером. Я отсмотрел несколько боев с короткими перерывами.

Вот фехтовальщики на минуту остановились, чтобы передохнуть.

Марк, увидев меня, сказал:

– Талантов много, выигрывают трудоголики.

В следующий перерыв он, прикоснувшись рукой в боевой перчатке к моему плечу, подчеркнул:

– Трудоголиков много – побеждают таланты.

Я собирался согласиться, но замер, не сразу сообразив, как согласовать взаимоисключающие суждения.

Когда Марк, мокрый от пота после очередного боя, подошел ближе, я спросил:

– Марк, не бывает двух приоритетов сразу. Что важней для

фехтования, труд или талант? Только не говори мне, как нужны и труд, и талант и что трудолюбие и есть талант.

– Ты знаешь, кто такой Томас Фуллер? – спросил Марк и аккуратно повесил промокшее полотенце на стоящую у стула запасную рапиру. – Фуллер, английский умник, очень толковый мыслитель Англии XVII века. Он сказал: «Противоречие должно возбуждать внимание».

– Ты возбудил мое внимание, дальше что?

– Дальше Ухтомский, – сказал Марк.

– Что Ухтомский?

– Ухтомский говорил: если ты со своими мозгами не сумел разобраться, нет смысла разбираться ни с чем другим.

* * *

Я отдаю себе отчет в том, каковы причины любви Марка к фехтованию. Оно реализовало в нем сильнейшее его качество – стремление ко всяческой – прежде всего физической и интеллектуальной – победе над любым противником.

Марк – типичный многоборец. Пока фехтовальные правила разрешали драться на нескольких видах оружия, он поднимался на пьедестал почета и по результатам боев на сабле и по рапире. Я уверен, что он прекрасно фехтовал бы и на шпаге, судя по его победам в тренировочных боях, когда он брал шпагу в руки. (О штыке я не говорю, потому что в 50-е годы, когда я наблюдал тренировки Марка, штыковой бой уже уходил из сферы спортивного фехтования. Одним из последних виртуозов штыка был Алексей Елисеев – победитель Спартакиады народов СССР в 1959 году, впоследствии заслуженный мастер спорта, космонавт, доктор наук и дважды Герой Советского Союза).

Возвращаясь к Марку, хочу сказать, что многоборцем по самой своей сути он был, наверное, благодаря сочетанию атлетизма с тонкостью выполнения множества приемов боя на каждом виде оружия. В придачу он обладал удивительной способностью расшифровывать сильные и слабые стороны противников и использовать результаты анализа и диагноза для своей победы.

…Мы дома. Выходной день. Лежим на жестких дощатых кроватях в разных концах комнаты.

Брат читает «Хронику времен Карла IX».

Мне надо поговорить с Марком о своих фехтовальных делах, но я не уверен, что он захочет понять меня. Он боец и

беспощаден, как боец. Каждый день он собирает похожий на пингвина фехтовальный мешок и едет тренироваться.

Звонят девушки, и вообще происходит какая-то жизнь, а он возвращается к полуночи и падает на кровать.

Бесчисленные контрольные соревнования. Поединки с новыми бойцами, которых становится все больше.

– Слушай, – решаюсь я наконец сказать вслух, – я должен тебе сказать… Ну, оторвись же на минуточку.

Марк поднял глаза.

– Я решил бросить фехтование.

– Давай, давай.

– Мне же действительно ничего не светит.

Марк опять уткнулся в книгу.

– Да брось ты эту проклятую «Хронику»! Ты же сам втянул меня в это дело.

Марк моментально захлопнул книгу.

– В дело, а не в аферу. Я дал тебе шанс. Может, ты решил, что достаточно ходить три раза в неделю в зал играться, чтобы получать на пьедестале за твои ужимки и прыжки золотые награды? Попытка сделать тебя человеком…

– Да? Так что же ты сделал для того, чтобы я стал человеком? Кроме того, что притащил меня за руку в зал?

– Ты считаешь этого мало? Я должен был с тобой цацкаться? А кто цацкался со мной? От меня все время ожидают только выигрыша. Если он есть, это считается само собой разумеющимся. А если я проиграл?..

Он повернулся на спину и, заложив руки за голову, смотрел в потолок.

– Я делаю свое дело. Поединок – моя работа. Поединок значит один против одного. Каждый должен научиться этому сам. Ты стал мастером спорта. Дальше? Талант, как сказал Жюль Ренар, – написать не одну страницу хорошего текста, а триста.

– Я не могу и не хочу быть чемпионом! – возразил я.

Марк молчал, смотрел в потолок.

– Я бессилен против укола захлестом, – сказал я ожесточенно. – Я беспомощен против флеш-атаки купэ. И я не могу сделать перевод во внешнюю сторону. Боюсь боя с левшой. Терпеть не могу готовить электрооружие. Не переношу спортивные сборы. Не могу все время думать о фехтовании! Не могу и не хочу!

– Купи воздушный шарик.

– Что?

Марк задумчиво:

– Никто не может грустить, когда у него есть воздушный

шарик! Так утверждал Винни-Пух. Ты не согласен?

* * *

Я последовал совету Марка. Однако подавленность из-за ухода от фехтования не ослабевала с приобретением одного воздушного шарика. Поэтому я завел два «пузыря»: журналистику и философию, защитил диссертацию на звание кандидата философских наук и стал журналистом. Времени не оставалось ни на что. Тяга к рапире не проходила.

Реже и реже, но я все-таки участвовал в турнирах. Меня мучило желание, которое кажется сейчас детским лепетом, если не абсурдом, – хоть раз в жизни в финале моей неудачной карьеры фехтовальщика добиться победы над Марком.

Наконец мне выпал шанс.

– Слева – мастер спорта Мидлер, справа – заслуженный мастер спорта Мидлер.

Почти весь зал прекратил работу и собрался вокруг.

Сейчас, сейчас, сейчас… и больше никаких мыслей. Кажется, ткни меня иголкой – я не почувствую. Кивнул судье. Отдал салют. Команда: «Начинайте!» Марк сразу делает шаг вперед, навстречу, и все пропадает, весь зал, я вижу только его руку, затянутую в грубую перчатку, и клинок. Он медленно вытягивает его ко мне, приглашая начать бой. «Ты меня не обманешь, – думаю я, – ты меня не обманешь и не заманишь». Он уже близко, вот так всегда подходит, и, кажется, нужно лишь потянуться, чтобы нанести укол. Но я знаю, он сделает небольшой шаг назад, и рапира провалится в пустоту – и тогда… Надо самому что-то придумать, пока не поздно. Еще шажок ко мне, совсем маленький.

Делаю вид, что ухожу в защиту, и неожиданно замечаю открытый треугольник тела. Атаковать, что ли? Стой! Туда только сунься. Знаю я тебя как облупленного. Кстати, почему как облупленного, жужжит в голове, почему не как ощипанного?

Н-е-е-т, тут надо обождать, он что-то затеял. Поздно! Резко захватив мой клинок, Марк атакует. Бежать – это значит получить укол. Делаю шаг навстречу и, немыслимо, некрасиво изогнувшись, сам наношу укол.

Публика орет.

Марк спокойно подтягивает жесткую перчатку и дает знак, что готов продолжать. И вдруг мы оба с места кидаемся в атаку.

Судья почему-то считает, что я прав. Кажется, он слегка подсуживает мне. Зал ревет от удовольствия. Марк подходит к судейскому столику… Хоть расстегнуть пока эту удавку – костюм.

Задыхаюсь под маской. За окном зала зеленые деревья, и бешеная крутизна трамплина, и ветер, и жизнь. Какой суетой все-таки я занимаюсь: ну проиграю, выиграю – лучше бы за город поехал. Сердце выпрыгивает из горла, сейчас бы окунуться в прохладную воду.

– Мидлер-младший – на дорожку! – Это голос судьи.

Марк раздраженно тискает свою маску: укол ему не отменили. Я в душе улыбаюсь – вот сейчас ты у меня попрыгаешь! Мне терять нечего. А тебе есть что – одних титулов на три строки в журнале. Я тебе не дамся так просто, ты со мной, уверяю тебя, помучаешься. Ты сюда, а я сюда. Ты сюда, а я вот так. Отлично!

Рев болельщиков. Счет возрастает до 3:0.

Может, он решил отдать бой? Эта идиотская мысль заставляет меня похолодеть, и я начинаю красться к Марку. Господи, хоть бы нанести четвертый укол. Тогда останется один – и победа.

Как болит рука, пальцы, вцепившиеся в рапиру, свело, хоть бы чуть-чуть расслабиться.

По-моему, он подвинулся уж слишком близко. Сейчас играть ва-банк. С воплем я кидаюсь за Марком, пытаясь его достать, и куда-то проваливаюсь. Попал!! Судья разводит нас. 4:0. Меня душит восторг.

…И вдруг я понимаю, что сейчас проиграю. Ведь я же вижу Марка, я же смотрю на него. Он сейчас раздавит меня. Только публика этого еще не понимает. Сейчас это должно произойти.

За последующие три минуты я получаю пять уколов подряд. Публика расходится…

Что произошло? Сначала давал фору, баловал меня и баловался, а потом показал…

Что показал? Что я – фехтовальный лилипут?

А смысл? Марк ничего же не делает «просто так».

Я подошел к брату и попросил объясниться. Он поднял руку (я отшатнулся, не зная, чего ждать), но он успел… как-то моментально погладить меня по волосам и сказал:

– Хорошая растительность растет только на хорошо унавоженной почве.

Поднял мешок с рапирами и вышел из зала.

* * *

Приведу фрагменты из моих очерков о других поединках брата, неизмеримо более для него опасных. Три знаменитых боя.

Марк Мидлер фехтует против Енё Камути – четырехкратного

чемпиона мира среди студентов.

Енё владеет колоссальным арсеналом приемов, которые проводит молниеносно, академически чисто, строго и безошибочно. Кажется, этот боец не имеет слабостей.

Тем не менее Марк делает ложную атаку и в ответ на мгновенную защиту и рипост противника, растягиваясь почти в шпагат, повторяет простую атаку. Конец клинка Енё попадает в воздух над плечом Марка. На судейском столе загорается лампочка, показывающая, что Марк нанес укол Енё.

Просто? Но Камути не так прост. В следующей фехтовальной завязке он выполняет низкую шестую защиту, не оставляя Марку возможности повторной атаки, так называемого ремиза, так как венгр, захватив рапиру Марка, выходит на свою коронную атаку «шаг вперед – выпад» с переносом рапиры через клинок Марка. И кажется, что в этой фразе поражение Марка неизбежно. Ничего подобного. События развиваются по другому сценарию.

После своей атаки Марк вместо положенного «по классике» ухода в защиту и вместо повторной атаки или ремиза делает «под» шестую позицию противника двойной перевод в одну сторону, так называемое дубле, и опять-таки оставляет конец клинка в груди атакующего венгра. И снова звенит электроаппарат, свидетельствуя, что укол нанесен венгру.

Казалось бы, ничего особенного. Любой фехтовальщик, если он не новичок, знает эти приемы, и все профессионалы чередуют простейшие приемы поединка с более сложными. Но тут начинается непонятное и мне, и, видимо, почти всем, кто проигрывал Марку: он совершает какие-то действия, кажущиеся одновременно несложными и неуловимыми, и в результате наносит укол. Один наблюдатель скажет, что Марк сделал батман-укол, другой возразит: «Да что вы, неужели не ясно, что Марк нанес укол навстречу с оппозицией», третий уверен, что Мидлер опередил конкурента встречной атакой с переносом; и все будут в чем-то правы.

Это не значит, что Марк «смазал» все приемы в один. Нет, приглядевшись, я, кажется, начал понимать, в чем дело.

Он ювелирно точно находил погрешность в тактике соперника, в то время как тот чувствовал себя, по-видимому, неуязвимым в защите и результативным в атаке. Именно отыскание ключа к бойцам разного типа было тем, что довел до совершенства Марк у самого себя и у тройки своих более молодых товарищей по сборной команде Советского Союза.

Второй бой. Странный поединок.

Не могу забыть тот великолепный день!

Это надо было видеть!

Это надо было, черт возьми, видеть, когда к нам приехал Кристиан Д'Ориоля. Высокий, гибкий и улыбающийся.

Красота – это совершенство, совершенство – это завершенность, а завершенность – это смерть.

Д'Ориоля – исключение из этого правила.

Д'Ориоля – сгусток жизненной энергии.

Два дня назад он блестяще выиграл очередной международный турнир по фехтованию и теперь приехал в Ленинград.

Рядом со мной на трибуне сидит друг Марка, известный фехтовальщик Давид Тышлер, и комментирует:

– По свидетельству семейной хроники, которая до сих пор ведется в роду Д'Ориоля, Кристиан впервые взял в руки рапиру в пять лет. В шестнадцать он становится первой рапирой Франции, а еще через два года фотоснимок его атаки обходит все фехтовальные залы; это атака чемпиона мира. Сейчас Д'Ориоля четырехкратный чемпион мира. Кристиан участвует лишь в тех турнирах, которые сам выбирает, а выбирает крупнейшие. Он ставит планку сразу на два метра. Эх, да что говорить, сейчас ты сам увидишь!

Чуть подбрасывая на ладони рапиру, француз выходит на дорожку. Три часа ночи.

В пятнадцать минут четвертого Д'Ориоля уходит с дорожки, проиграв «всухую» – 5:0 – Марку Мидлеру. Не знаю, проигрывал ли кому-нибудь Д'Ориоля с таким счетом?

Весь этот бой прошел под знаком плохо скрытого удивления. Д'Ориоля удивлялся каждому полученному уколу, потому что он делал вроде бы все, чтобы уколов не получить. И тем не менее…

Это было не столько свержение кумира, сколько самоутверждение Марка.

Третий бой. Мидлер – творчество, Спаллино – виртуозность.

Чуть позднее Давид Тышлер рассказал мне о схватке Марка с другим великим фехтовальщиком – Антонио Спаллино, прозванным в фехтовальном мире «человек-робот»:

«Человека можно научить владеть рапирой так, что, вращая ее над головой, он, как говорится, не пропустит ни капли дождя. Таким фехтовальщикам достаются победы в массе соревнований. Всю жизнь мы с Марком боролись против них. Почему? Спаллино – виртуоз. Один из самых опасных бойцов Италии. Великолепная техника, быстрота, идеальное чувство пространства. И – никакого творчества. Никакой деятельности коры – одна подкорка и спинномозговые рефлексы. Человек-машина. Ты знаешь, что бойцы такого типа есть и у нас. Это – зайцы, научившиеся

великолепно играть на барабане. Вся итальянская команда работает «под Спаллино».

Центральный поединок международного турнира Италия – СССР.

Решается вопрос не только, какая страна выиграет, но можно ли в принципе победить человека-машину.

Антонио Спаллино выигрывает у Виктора Ждановича. Ждан не мальчик, а, слава Богу, гроссмейстер, олимпийский чемпион, остро думающий боец, импровизатор, Моцарт фехтования.

Спаллино смял его.

Поднялся Марк Мидлер и сделал своей команде жест: «Спокойно!»

Не давая подойти к себе близко, сантиметр за сантиметром он начал прощупывать Спаллино.

Минута, вторая, еще две минуты. Итальянец не делает ни одной ошибки – нечем воспользоваться.

Судья останавливает бой и оборачивается к секретарю: «Запишите им предупреждение за пассивное ведение схватки. – Объявляет: – До конца боя осталась одна минута».

Это моментально оказывает свое действие на Спаллино.

Он сжимается. И на Марка обрушивается каскад атак. Удивительное зрелище. Клинок итальянца то слева, то справа, то вверху кружит над Марком. Я поднялся, чтобы на это не смотреть. В конце концов, это просто тяжело. И вдруг, ты понимаешь, вдруг я увидел: что-то произошло!!!

Еще раньше, наблюдая за боем, я обратил внимание, что Спаллино реагирует абсолютно на любое движение своего противника, опасно оно или нет. И успевает вернуться в свою боевую стойку. Это происходит почти мгновенно. Почти. И неожиданно я увидел: Марк это понял: «Если человек-машина воспринимает все дословно, этим нужно воспользоваться». Потому что он вдруг начал делать массу ложных, обманных движений. Рапира Марка двигалась все шире и шире, и клинок Антонио следовал за ней «по пятам».

Это был красивый выигрыш. Все видели, но не все поняли, как один боец навязал другому свое решение поединка, заставил пойти за собой и драться в нужной ему манере. Марк буквально вынул победу из рук Спаллино, который уже чувствовал ее на ощупь, ты понимаешь».

* * *

Психологически Марк был очень осторожен. Кто-то из

зрителей, видимо, особенно наблюдательный, сказал: «Мидлер держится в бою, как сапер на минном поле».

Я спросил брата:

– Но ведь ты говорил мне, что фехтование это творчество? Творчества не бывает без импровизации.

Марк ответил мне так:

– Импровизация это не прыжок с головой в омут, зажмурясь. Никаких попыток без разведки. Я всю жизнь учился искусству разумно рисковать. И учил ребят отличать разведку от попытки. Разведка – первый шаг к успеху. Попытка – первый шаг к провалу.

– А если ты встречаешь на дорожке сильного соперника, с которым до сих пор никогда не дрался, и он своими действиями разрушает твои замыслы, твоя разведка ясной картины тебе не дала, и у тебя против соперника нет эффективных «противоядий», что ты делаешь?

– Да, такое случается. Тогда я беру тайм-аут. Например, под предлогом, что мне нужно исправить оружие. И в то время, когда вытираю лоб полотенцем, поправляю рапиру, я как бы смотрю на ситуацию с двух точек зрения: с точки зрения тактики и – со звезды. Со звезды я вижу себя сверху и задаю себе вопрос: что я делаю в этом зале, зачем я это делаю, что все это значит для меня и для других людей? Взрослые люди машут железками, раздаются крики, и зажигаются огни. Я спрашиваю себя: во что мы играем? Во что играют эти люди? Может быть, они – мы – бессмертны, что играем в такие игры? …А с точки зрения стратегии боя и тактики голова «на автомате» восстанавливает все, что известно о противнике по его боям с другими фехтовальщиками, главным образом – моими коллегами по команде. Незнакомца в финале крупных международных турниров встретишь не часто. Тем не менее в этом случае за считанные секунды надо отладить первоначально принятую стратегию поединка с «темной лошадкой» и откорректировать план боя. Я тяну время, чтобы просчитать варианты атак, контратак, защит, оптимальное расстояние до противника… вооруженная рука выбирает последовательность приемов, я и моя рука думают: если он сюда, я – батман-рипост, если он так, я делаю дубле-дегаже, в этом случае я рву дистанцию и контратакую купэ с захлестом.

* * *

Что важнее для фехтовальщика: сохранить благородство и проиграть бой или коварно победить?

– До последнего столетия, – напомнил я Марку, – в

фехтовальном мире была широко распространена убежденность в том, что профессионализм в поединке проявляет себя не только в результативности, но и в личной порядочности бойца. Профессионалу, который уважает себя и которого уважают окружающие, важнее сохранить в схватке честность и достоинство, чем выиграть золотую олимпийскую медаль, воспользовавшись ошибкой соперника. А сейчас?

– Я и сейчас не считаю эту точку зрения ни инфантильной, ни устаревшей, – ответил брат. – Но я различаю честность и честь. Честь в бою необходима. А честность… Одна из моих задач в бою – создать противнику условия, чтобы он совершил ошибку. Я строю в бою систему технико-тактических ловушек. О чем конкретно идет речь, спроси у Дода. Сейчас, прости, я опаздываю. А Тышлер – мой основной спарринг-партнер, он испытал на себе большинство моих ловушек.

* * *

Рассказывает Давид Тышлер:

«Как и любая технико-тактическая придумка, ловушка Мидлера – это конкретное действие, производное от внимательного наблюдения противника. Приведу тебе пример ловушки, в которую попал Марк. Сам ее сконструировал и сам в нее влип. На Олимпийских играх 1956 года в Мельбурне в финале личного первенства по рапире жребий свел Марка с англичанином Аланом Джеем. Меня к тому времени Федерация фехтования СССР спровадила в тренеры, и я в этом качестве оказался на турнире рядом с Мидлером.

Джей – левша, Марк видит его впервые. Марк, не отрываясь, пристально наблюдает за поединками Джея с другими финалистами и обращает мое внимание на то, что у англичанина посреди боя лицо начинает передергиваться нервным тиком. Марк говорит: «Я его во время тиков и достану».

Вот тебе тактическое соображение. Я бы сказал, микротактическая затейка.

А у Джея, оказалось, во время тика бойцовские качества, наоборот, обостряются. Мы об этом не догадывались. И когда он буквально разгромил Марка, мы ничего не поняли. То есть я ничего не понял, – поправился Дод, – что было в голове у Марка, не знаю. Но что я хочу сказать: Марк, если называть его особенности, необыкновенно научаемый человек. В институте, где мы учились вместе, я обратил внимание на то, что достаточно Мидлеру листнуть учебник, как он получал при ответе высшую

оценку. Он моментально и в полном объеме извлек урок из своего поражения. При новой встрече с Джеем Марк вырвал у него победу. Но не тогда, когда англичанина бил тик, нет. Ровно между тиками. Попробуй пройти между струйками дождя. Полноценная тактическая хитрость. Вот это было фехтование!»

* * *

Когда Марк вернулся с тренировки, на которую спешил (он говаривал мне, когда я был пацаном: «Точность – это вежливость королей»), я его спросил, с какими технико-тактическими задумками непорядочными он сталкивался.

– Что ты притворяешься! – возмутился брат. – Ты ни разу не видел, как подкручивают наконечник рапиры, чтобы она показывала укол, когда укола не было? А когда учат наносить противнику вооруженной рукой укол в ближнем бою и одновременно отбивать его клинок невооруженной рукой! Ты что, не знаешь, что судьи сплошь и рядом часто засчитывают такие уколы, несмотря на то, что правилами они запрещены! Или ты не в курсе, что этот прием, выполняемый моментально, используют многие известные фехтовальщики. Могу – не для печати – назвать имена!.. Другое дело, что правила не всегда успевают за тем, что изобрел профессионал. А бывает, что арбитр не заметил уловку. Или не посчитал нужным заметить. Но это факт биографии арбитра. Наше дело выиграть. А судьи – судить по официальным правилам сегодняшнего фехтования и по нормам современной спортивной этики. Принятым формальным правилам и нормам.

– Личная неформальная совесть профессиональному спортсмену нужна? – спросил я.

– Профессионализм, – ответил Марк, – это, прежде всего, профессиональная совесть. Она не должна исключать личную совесть, но профессиональная порядочность должна доминировать. Назовем ее чувством спортивного достоинства. Мне должно быть совестно, скажем, подвести мою команду. Для команды моя победа важней, чем личные мои моральные угрызения по поводу того, что я обманул соперника. Обманул в пределах правил. А за их границами – назову вещи своими именами – не пойман, не вор. Мое спортивное достоинство требует, чтобы я обеспечил победу сборной страны по рапире… Воров не осуждаю. Понимаю их. Сам, правда, не ворую. (*Смеется*). Я слишком осторожен. Надеюсь, ты не забыл, кто для меня образец человека. Виталий Андреевич – человек осторожный.

* * *

Из «Расширенной автобиографии» Марка:

«Начиная общаться с Аркадьевым, не только спортсмены, но и обычные люди к нему просто прилипают. Сколько всего он знает, как великолепно точно он мыслит и говорит! Например, по поводу слова «смотреть» он коротко заметил: «Одни «смотрят», другие «видят», третьи «понимают». А четвертые, это самое высшее качество, – «предвидят». В предвидении ум работает вместе с интуицией»… Виталий Андреевич научил меня учиться. Особенно на неудачах».

Мидлер об Аркадьеве:

«Я, может быть, единственный из учеников Виталия Андреевича, кто встретился с ним в бою. Я тогда уже чувствовал себя очень преуспевающим и сильным и сразу повел 4:0. Казалось, бой уже мною выигран. Но Виталий Андреевич, олицетворение выдержки и спокойствия, все же переиграл меня – 5:4. Тонкий, гибкий тактик, он терпеливо тщательно ставил мне тактические ловушки одну за другой. И вот именно тогда я понял, что фехтование – это не только выпады и взрывы скоростей. То был наглядный урок тактики».

Одна из характерных черт Аркадьева – он в каждом человеке и в каждой ситуации находил положительные стороны. Но то, что говорил и писал Виталий Андреевич, не было комплиментарно. Скорее это заинтересованный, но спокойный, сбалансированный взгляд на объект рассмотрения. «Марк Мидлер, – пишет Аркадьев, – атлетически развитый спортсмен, который сочетал в себе волю и мощность с тонкой и прочно поставленной техникой. В бою он стремился к максимальной надежности, что придавало характер холодной рассудочности и некоторой сухости всей его манере ведения боя. Уловив в движениях противника момент, подходящий для внезапного нападения, Марк садился в засаду, поджидая очередного возникновения подобной ситуации. При этом часто пропускались другие моменты для атаки, требующие экспромтных действий. В это время он походил на зверя в засаде, не допускающего риска потерять добычу. Возникал поединок не слишком разнообразного репертуара, но крайне острый в своих редких вспышках».

Размолвки между Марком и Виталием Андреевичем носили, если можно так сказать, философский характер. Это было несовпадение некоторых жизненных позиций, вполне понятное с учетом того, что Марк – яростный скептик и иронист, а Аркадьев – благодушный оптимист. Марк часто выказывал недовольство

жизнью. На это Аркадьев как-то сказал: «Может быть, это твоя жизнь тобою недовольна? Жизни нравится быть с тем, кому она нравится».

После этого случая жалоб на жизнь от Марка я не слышал.

* * *

Марк писал в своей неформальной «Автобиографии»: «Я буквально выжимал информацию из Виталия Андреевича. Он ее и сам давал, не жадничал, но мне было мало. Идем, допустим, с тренировки до метро «Курская», по улице Казакова, я его провожаю. И всю дорогу: «Виталий Андреевич, а вот это как, а вот это почему?» А он мне не просто отвечает, а предлагает встречный план».

Перескажу в общих чертах мой разговор с Марком, в котором он пояснил мне, что имел в виду под «встречным планом».

Они ушли с тренировки позже всех, шли медленно. Обоим нравился этот усталый неспешный путь по Казакова до метро «Курская».

– Виталий Андреевич, можно задать вам неприличный вопрос?

– Очень неприличный?

– Да!

– Задай.

– Не могли бы вы рассказать мне обо мне? Обо мне – мне. Прояснить, так сказать…

– Интересная тема, – улыбнулся Аркадьев. – А ты исполняешь закон Янте?

– Какой закон?

– Закон Янте, – сказал Виталий Андреевич, – это правила отношения человека к себе и к другим. Сформулировал правила в тридцатых годах двадцатого века Сандемусе – норвежский мыслитель. Он написал роман, который одновременно является своего рода философским трактатом. Называется «Беглец пересекает свой след». Действие происходит в городе, который называется Янте. Там приняты правила человеческого общежития. Их десять. Я тебе их сейчас назову.

Марк не прерывал Виталия Андреевича, так как по опыту знал, что Аркадьев из самой, кажется, дальней дали обязательно выйдет к реальной проблеме. Причем вырулит на нестандартное ее решение.

– Забыть эти установки трудней, чем их запомнить. Первое – не думай, что ты особенный. – Аркадьев в упор взглянул на

Марка. – Второе – не думай, что ты в том же положении, что и мы. Третье – не думай, что ты умнее нас. Четвертое – не хвались тем, что ты лучше нас. Пятое – не думай, что ты знаешь больше нас. Шестое – не думай, что ты важнее нас. Седьмое – не думай, что ты хорошо что-то умеешь делать. Восьмое – не смейся над нами. Девятое – не думай, что нам есть до тебя дело. И десятое – не думай, что ты можешь нас чему-то научить.

Оба шли молча.

– Ну, и что? – спросил Марк.

– А то, – ответил Аркадьев, – что, хотя в этих законах есть доля юмора и правила Янте несколько пародийны, удивительная их особенность в том, что они являются в наши дни в Норвегии и Швеции вполне практическими и очень распространенными установками на общение людей друг с другом и на отношение человека к себе самому. Сквозь эти шутки и самоиронию просвечивают реальные правила поведения. Теперь вернемся к тебе. Ты, Марк, прямо нарушаешь первую заповедь, седьмую и восьмую. Тебе объясняют, что не надо думать о себе, будто ты особенный, но ты именно так о себе и думаешь. Вопреки правилу номер семь ты уверен, что умеешь хорошо фехтовать, хотя прошел только часть пути до права на такую самооценку, до зрелого чемпиона еще далеко. А восьмая статья закона Янте? Как ты над людьми иронизируешь! Смеешься над многими коллегами. Особенно часто над теми, кто младше тебя. Извини. Вместо сочинения на тему «Марк Мидлер» я коснулся некоторых черт твоего характера.

Марк подавленно молчал.

– А теперь оставлю в покое критику и скажу другое. Ты и есть особенный. Правильно ты о себе думаешь. Ты истинно хорошо фехтуешь. Я бы даже сказал, отлично фехтуешь. И отлично, что ты иронизируешь над младшими. Ты вызываешь у них всплеск адреналина, а это ценно для бойца. Так действовал Македонский, когда отбирал воинов на битву. Воины входили в его палатку по сигналу по одному, и каждый получал от Александра внезапную пощечину. Если испытуемый краснел от боли, неожиданности, возмущения, унижения, ярости, хозяин палатки подавал знак – этого отправить на битву. Когда испытуемый бледнел от пощечины, его, как не готового к сражению, слуги царя отправляли в обоз… Мораль: словесную пощечину используй и впредь – как инструмент активизации человека к бою. Только, Марк, уравновесь иронию самоиронией… Без этого нельзя, Марк. А вот и метро.

Глава четвертая. Сложный человек

Когда однажды я заговорил о Марке с первым его тренером Раисой Ивановной Чернышевой, она припомнила, что Марк с первых дней обучения вел себя нетипично. Обыкновенно начинают заниматься фехтованием те, кто увлечен мушкетерской романтикой. Интеллектуальное удовольствие от поединка новичок начинает понимать только после нескольких десятков тренировок.

«Но тут, – сказала Раиса Ивановна, – я с первого занятия заметила на лице двенадцатилетнего человека, кроме привычного для новичков любопытства и азарта, редкую для подростков, не по возрасту серьезную, пронзительную сосредоточенность. Марк как бы сразу нырнул и по самую макушку погрузился в глубину фехтования».

Заслуженный тренер СССР Владимир Гансон, ныне член Совета старейшин Российской федерации фехтования, воевавший на фронте, тоже подчеркивал удивительную взрослость Марка и добавил: «Марк при этом считал, что он лучше всех смыслит в фехтовании. И надо сказать, что в определенной мере он был прав».

Со своей стороны могу добавить, что ни разу в жизни я не видел, чтобы Марк в чем-либо когда-нибудь сомневался. Наверняка в реальности и ему были свойственны какие-то колебания. Но внешне – никогда!

* * *

Таких людей, как Марк, называют перфекционистами. Перфекционист – это тот, кто стремится к совершенству. Перфекционизм (от фр. *perfection*) – убежденность в том, что совершенствование самого себя и других людей – высшая цель человеческой жизни.

Избранный в сентябре 2013 года президент Международного Олимпийского Комитета Томас Бах – безусловно, перфекционист. Он стал в молодости юристом – высококлассным профессионалом. Он поднялся до уровня чемпиона Олимпийских игр и чемпиона мира по рапире. Он оказался первым в истории Германии человеком, кто достиг звания (должности, поста) президента МОК. Неужели случайно то, что новый лидер мировой элиты спортивных деятелей – чемпион Олимпиады по фехтованию?

Неужели случайно президентом Международной Федерации фехтования стал мастер спорта по фехтованию на сабле, выпускник МГИМО и Финансовой академии Алишер Усманов, один из самых сегодня состоятельных и влиятельных людей в России?

Перфекционисты-универсалы в принципе и в идеальном варианте стремятся к победе во всех сферах, к которым имеют отношение. Перфекционисты – узкие специалисты – претендуют на то, чтобы быть главным образом лучшими в области, где считают себя профессионалами. Это – схема. В реальности в великом множестве людей есть стремление к совершенству, универсальное и – профессиональное.

С некоторой натяжкой можно сказать, что едва ли не все мы в чем-то перфекционисты. Или почти во всем, или во многом, или часто, или иногда.

Я встречал людей, любой ценой стремящихся стать лучшими в выращивании особых кактусов, в приготовлении пирожных по собственному рецепту, в лечении кошек без обращения к ветеринару, в учебе. В школе их называют «ботаниками», «ботанами». Это круглые отличники, для которых получить четверку – катастрофа.

Но главным в характере человека и его жизни перфекционизм становится у сравнительно немногих.

Наиболее бесспорным примером такого человека – в спортивном мире – был, конечно, Кубертен. Сами по себе Олимпийские игры в их новейшем варианте были придуманы Кубертеном как путь человека к абсолютному совершенству. За что бы ни взялся человек, все у него должно быть лучше, чем у всех, и в мире материальном, и в мире интеллектуальном, и в мире духовном. При этом подобные Кубертену немногие в своем масштабе и с поправками на свою индивидуальность совершенствуют и делают состоятельными – во всех смыслах – не только самих себя, но и тех, с кем входят во взаимоотношения.

Марк в определенном понимании был перфекционистом. И в, что называется, «плохом», и в, что называется, «хорошем».

Он пренебрегал средними результатами, к чему бы они ни относились. Учился в Институте физкультуры и спорта абсолютно по всем предметам только на высший балл. Или на низший. Хорошие оценки не признавал. Или «отлично», или «два». Никаких промежуточных вариантов. Да – должно быть да. Нет – должно быть нет. Удовлетворительную оценку презирал, как «вежливую двойку», о чем впоследствии, когда я получал в школе тройку, говорил с оттенком брезгливости: «Тройка – это как не мыть руки после туалета».

Стремление к абсолютному, если хотите, чистому совершенству Марк перенес в фехтовальный зал.

Слава Ситников, бывший фехтовальщик, а затем тренер того же клуба ЦСКА, в котором много лет тренировался Марк, сказал:

«Марк воспринимал любой неуспех, как личное поражение, непростительное ни себе, ни победителю. На баскетбольной разминке он с видимым усилием сдерживался от кулачной драки из-за того, кого считать правым в схватке за мяч. В футбол разминаемся – он не может позволить себе проиграть – только выиграть. То же при игре в теннис…

Спор – словесная драка – его стихия не потому, что он любил процесс драки или ее результат в виде поверженного противника. Его не трогал и вообще не волновал чужой неуспех. Он совершенно не переносил собственный проигрыш – ни в чем.

У меня такое чувство, что Марк в окружающей жизни видел, прежде всего, препятствия, которые он должен преодолеть. Кому должен? Самому себе! Зачем? Чтобы утвердить себя? Где? В деле, которое он выбрал как дело своей жизни».

Стремление привести все окружающее к совершенству в пространстве и во времени имело у Марка прямо-таки педантичный характер. Его сын, Саша, рассказывал, что, будучи ребенком, он зачастую по рассеянности ставил после чая чашку на край стола и Марк каждый раз отодвигал чашку от края.

– Не думаю, что отец делал это из опасения, что посуда соскользнет и разобьется. У него было другое – какое-то особенное – стремление к превращению хаоса в гармонию. Он очень любил всяческий порядок и красоту. «Все должно быть правильно, – говорил он и пояснял: – Правильность, безошибочность, порядок и красота – это одно и то же. Порядок на столе – порядок в голове, запомни». Поэтому он, хоть и очень любил русские романсы, всегда замечал, когда ему приходилось слушать романс «Только раз бывают в жизни встречи»: почему «встречи»? Если «раз», то «бывает» и «встреча». А если «встречи» и – «бывают», то при чем здесь «только раз»?

Словом, Марк – педантичный перфекционист.

…Сидим в столовой Государственной Думы, где я (в Думе, разумеется) работал аналитиком. Марк говорит:

– Ты что, нормально есть не можешь? Ты с ума сошел, допивать сок от салата из тарелки! Нож надо держать в правой, нет, нет, в правой. Я же тебе сказал, не в левой, а в правой руке. Вилку – в левой. И ножом подгребать на вилку и поддерживать на ней еду… А слабо есть бесшумно? И рот так не разевай. Хлеб надо отщипывать по небольшому кусочку. Не засовывай куском, аналитик. Суп – ложка за ложкой, принимать не спеши! Здесь не

отнимут. Делай остановки.

Сам он ел исключительно красиво.

…Неожиданно я вспомнил самого себя в четыре года, когда двенадцатилетний Марк, приходя с тренировки, нырял с головой в габаритную трехлитровую кастрюлю с компотом, что по мере сил делал за ним и я.

Невольно возникли в памяти стихи петербургского обериута Олега Григорьева, согласно утверждениям литературных критиков, великолепного детского поэта, спившегося и потому рано ушедшего:

– Как вы думаете, где лучше тонуть?
В пруду или в болоте?
– Я думаю, что если тонуть,
Так лучше в компоте.
Хоть это и грустно,
Но, по крайней мере, вкусно.

В компоте нам с братом «тонуть» было весело. Теперь он учит меня перед всей чавкающей Государственной Думой красиво есть!

О времена! О нравы!

* * *

В октябре 1991 года Марк обратился ко мне с просьбой помочь ему в доведении до властей его программы реорганизации сельского хозяйства страны.

– Тебе до кого нужно добраться? – поддержал я игру. – До президента?

– Я не шучу! – сказал Марк. – Ты работаешь в Верховном Совете России – организуй мне встречу с депутатом…

Я действительно работал в это время специалистом в Комитете по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета РФ и мог устроить встречу с кем-нибудь из членов Комитета, кто причастен к аграрной политике. Мой выбор остановился на Александре Сергеевиче Солдатове. Во-первых, он – член Верховного Совета России, имеет больший политический вес, чем рядовой депутат. Во-вторых, Александр Сергеевич работал инженером-механиком совхоза в Московской области, а потом – директором опытно-производственного хозяйства республики. Награжден правительственной наградой «За преобразование Нечерноземной зоны РСФСР». Я нашел в печати биографию Солдатова и теперь знал, что осенью 1993 года

он выступил против Указа Президента Ельцина о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ и находился в Доме Советов России вплоть до его обстрела и штурма 4 октября. Это был смелый, государственного ума, знающий наши законы, четко мыслящий, имеющий на все свое обоснованное мнение, искренний, порядочный человек.

…Солдатов и Марк разговаривали в кабинете, из вежливости депутат пригласил меня поучаствовать в беседе, но я решил, что тактичнее и полезнее для брата будет оставить их вдвоем. (Тем более что я в сельском хозяйстве ничего не понимаю).

Ожидая у двери в депутатском предбаннике, я слышал их голоса – сначала Марка и шорох бумаги, которую он передал Солдатову, потом, после длинной паузы, когда депутат, наверное, читал записку брата, – голос Александра Сергеевича:

– Марк Петрович, честно скажу вам, за долгую депутатскую практику впервые встретил несельскохозяйственного человека, так блестяще разобравшегося в нашем аграрном секторе.

Голос Марка (укоризненно):

– Шутите, Александр Сергеевич!

– Ни в коем случае! Анализ сектора и ваши рекомендации совершенно замечательны. Скажу больше – главное то, что эти предложения могут быть практически реализованы. И еще: ваши соображения и мои не только совпадают, но – дополняют друг друга… Я пытался провести подобную законодательную инициативу. Не хочу морочить вас подробностями, но, несмотря на поддержку множества депутатов, правительство не поддержало.

Возникла долгая пауза. Наконец Солдатов устало сказал:

– Мы с вами хотим, чтобы в страну вернулось собственное сельское хозяйство, а что хотят они, я могу только догадываться.

– Догадываюсь! – сказал Марк и вышел из кабинета.

* * *

Однажды я застал брата за чтением романа «Контрапункт» Олдоса Хаксли. Марк оторвался от книги:

– Смотри, что написано: «Мое желание больше твоего нежелания». Это чувство, которое надо испытывать, когда ты выходишь против сильного фехтовальщика. Чувство, что твое желание победить больше, чем его нежелание твоей победы.

* * *

В 1961 году во время первенства мира по фехтованию в Турине Марк «стрелялся» со знаменитым шпажистом Г. К. на пневматических водяных пистолетах в отеле, стоя на подоконнике очень высокого этажа.

Марк попал Г. К. в ногу – весьма рискованное было озорство. Так безрассуден брат или расчетлив?

Противоречия в характере брата дополняли друг друга.

– Марк, ты – профессионал и, одновременно, любитель?

Он ответил так:

– Любитель – это тот, кто любит то, что ему приятно, а профессионал любит то, что ему необходимо для победы, то, что он должен любить, чтобы подняться на вершину мастерства. Когда замечательные по своим данным фехтовальщики выступают ради развлечения – а такое бывает, – мне это удивительно. Как можно на турнире высокого уровня фехтовать против серьезного противника, играя! Не путай профессиональный спорт с Эркюлем Савиньеном Сирано де Бержераком. Бержерак мог позволить себе быть профессионалом и, вместе с тем, любителем. Он фехтовал, по крайней мере в пьесе у Ростана, не за Родину и не за зарплату. (Я уж не говорю о том, что противник у Сирано был слабый). Так или иначе, быть любителем в том смысле, что ты любишь все, что связано с фехтованием, и быть одновременно профессионалом сейчас в нашей стране трудней, может быть, чем во времена Сирано. Разве любителю могут нравиться по три тренировки в день, как это полагается на сборах к крупным соревнованиям? Разве любителю так уж будут по душе двадцать поединков в одни сутки, когда соревнования длятся двенадцать часов? Ты любитель, любишь приятное. Я делаю и приятное, и неприятное. Вот в чем разница.

Когда вышла из печати книга Марка в соавторстве с Тышлером «Психологическая подготовка фехтовальщика», я спросил брата:

– Вот ты пишешь, что «бой с каждым из партнеров должен носить игровой, психологически «легкий» характер без споров за укол», а сам не только на соревнованиях, но и на тренировках часто оспариваешь свое поражение. Многие уважающие тебя люди считают, что ты глотничаешь на дорожке, выскандаливаешь победу! (Разговор происходил до введения в фехтование электроаппаратуры, заменившей боковых судей. – *А. М.)*. Получается, что ты противоречишь сам себе.

Он ответил:

– Я учу противника, а иногда и судью, правильному пониманию того, кто и почему прав по фехтовальной фразе. Это – во-первых. А во-вторых, я сознательно обостряю ситуацию,

подначивая партнера, судью и самого себя. Подначка – это основа профессионального спорта; она не дает мозгу превратиться в студень, а нам надо все время быть психологически в отличной форме.

Казалось бы, почти все, кого я спрашивал о Марке, – олимпийские чемпионы и чемпионы мира, ученики Марка, его сыновья, наконец, его противники – говорили: «Умный, собранный, надежный, волевой, великолепный фехтовальщик, выдающийся психолог, тактик с острейшим чувством боя». И без исключения все мои собеседники сходились на том, что Марк Мидлер – человек «очень сложный».

– А кто простой? – спрашивал я.

– Нет, ты не понял. Твой брат, – собеседник подчеркивал, – о-о-о-ч-чень не простой.

– В чем?

Вместо того чтобы объяснить, мне рассказывали какие-нибудь истории, связанные с Марком. Одни о том, какой Марк Мидлер безукоризненный и замечательный, другие о том, какая он сволочь, как он провоцировал людей, издевался, смеялся над человеком, использовал человека в своих целях, мучил, обижал, оскорблял, унижал.

Известный шпажист Валентин Вдовиченко рассказал: из Мельбурна с Олимпийских игр в Москву возвращались через Евразию поездом. В купе сидели Вдовиченко и его друг по команде призер чемпионата мира Арнольд Чернушевич. Тоскливо глядели в окно. Настроение хуже некуда – у обоих на Олимпиаде были проигрыши. В купе заглянул улыбающийся Марк:

– Ну, что, фраера, может, хотя бы на следующей Олимпиаде результат покажете?

Арнольд в сердцах и ярости с силой захлопнул дверь. Марка спасла от увечья молниеносная реакция. Он отошел от двери, терпеливо подождал, когда она в конце концов откроется, ворвался в купе – и началась драка.

* * *

Я говорил с рапиристом Виктором Ждановичем, которому удалось стать победителем Олимпийских игр в личном первенстве.

– Витя, что скажешь о Марке?

– Он был капитаном команды. Многие его не любили.

– За что?

– А за что его любить? И как его любить? Он не опускался до

нашего уровня, уровня пацанов… Мы для него были сопляки. Планктон. Он был зрелый. Я вроде как сиську сосал, а он как будто войну прошел… Он боец. Непревзойденный воин. Если бы я набирал лучшую из команд рапиристов мира, я бы взял его в команду. Он будет драться до последнего.

– А в капитаны?

– Все мы безропотно отдавали ему права капитана. Может, потому, что за победу он душу вынимал и у себя, и у нас. И у противника. Итог командной схватки Марк выковыривал. Иначе не могу сказать. Дико волевой. Команде он был остро нужен – он делал ее результат выше своей головы… За что не любили? Скажу: вот 1958 год, чемпионат мира. Марк идет по своим победам на серебряную медаль. Если Герман Свешников выиграет бой у сильного француза, чемпиона Олимпийских игр Клода Неттера, Марк попадает в перебой за золотую медаль.

Марк подзывает Свешникова и говорит: «Победа в этом бою, Гера, нужна любой ценой. Что хочешь делай, хоть жопу рви, но выиграй!» И Гера делает чудеса на дорожке. В конце концов, чтобы спастись от атаки Неттера, Свешников резко отступает, с размаху ударяется задом о деревянный помост и сильно ранится. В буквальном смысле получает рану ниже спины и… наносит укол олимпийскому чемпиону. Вырывает победу у Неттера. И что дальше? Марк перебой полностью… проигрывает! В душевой он говорит Свешникову (я стоял рядом): «Вот ты, Гера, мне друг, а я из-за тебя оказался на последнем месте в тройке». И я вижу, как у Геры – военного человека – потекли слезы! Слезы у чемпиона мира по фехтованию Германа Свешникова. Вот тебе Марк! Это как назвать? Шутка?

Каждый раз, когда я вспоминал такие шутки Марка, я думал: зачем ему это нужно? Он же не мог не понимать, что таким образом приводит людей в ярость или, как в случае со Свешниковым, поселяет в человеке обиду.

Говорят, у достойного человека непременно должны быть враги. Может быть. Но специально плодить врагов?..

Странный он человек, сложный. Никто, в том числе и люди, не любившие Марка, не говорили, что он глупо шутит. Сошлись на том, что Марк человек умный. Действительно, очень умный. И у многих из опрошенных мною в разной форме возник, в сущности, один и тот же вопрос: зачем он провоцировал окружающих? Ведь зачем-то ему это было нужно?

Марк Ракита, чемпион мира и Олимпийских игр по сабле, сказал мне:

– Мы живем в системе атаки-обороны. Ты что, не знаешь, что

отрицательные эмоции нередко идут на пользу человеку? У многих людей развитие личности происходит благодаря психологическим мучениям. А иногда и благодаря физической боли. В этом случае подначка может работать на развитие личности. Марк так и старался делать. А потом ты учти, что большинство членов команды, которая пятнадцать лет была лидером мирового фехтования, учились у Марка. Они пришли в команду, когда еще были для него поросятами. Он давил на них так, что они хрюкали.

Как-то я спросил брата:

– Ты говорил, что бой должен идти «без споров за укол». Но ты на соревнованиях при мне скандалил с противником и с судьей «за укол».

Марк ответил:

– Я был первый советский рапирист на международных фехтовальных турнирах. Мне пришлось испытать, вероятно, самое сильное давление судей и противников. И однажды я понял, что, когда я прав по фехтовальной фразе, я должен оспорить точку зрения противника и позицию судьи. Тем более нечестность. Да, конечно, лучший аргумент рапириста – рапира. Но иногда этот аргумент оказывается недостаточным. Были случаи, когда я намеренно скандалил – разжигал страсти. Мне нужно было дать арбитру понять, что я не позволю ему ошибаться. И не дам жульничать. Я намерен отстаивать не только рапирой, но и глоткой свою правоту в бою. Иногда я целенаправленно подначивал и самого себя, и команду. Подначка – отличная вещь. Особенно в комбинации с живым примером. Это ежу понятно. Приведу пример. На первенстве мира мы с разгромным счетом проигрывали немцам. Дрались четыре на четыре. Я выиграл три встречи. У меня оставалась одна. Мои ребята, опытные бойцы, выиграли – каждый – из трех проведенных боев только по одному. Тогда я сказал: «А теперь, недоноски, я вам покажу, как надо выигрывать!» Это, конечно, подначка. Но она была подкреплена выигрышем. На полном напряжении сил я победил немца. От обиды мои ребята выиграли все оставшиеся встречи. Завоевали золото. Вот так.

Сколько я себя помню, меня он подначивал всегда.

Когда здоровался, он подавал мне два пальца. Если протягивал ладонь, это было еще обидней, так как в последний момент перед касанием делал обманное движение, и моя протянутая ему рука попадала в пустоту. Позже я понял, что он в этой своей манере ставил меня сразу с порога в боевую стойку. Марк все время держал меня в спортивной форме.

Привычный для него стиль общения, с бесконечными

подколами и подначками – на самом деле был, казалось бы, верным способом разрушить товарищеские, дружеские отношения с теми, кто был объектом его иронии.

Думаю, что это шло от воспитания нашей бабушкой Бертой Марковной, которая как-то спросила нас обоих: «Дети, что бы вы сделали, если в момент, когда вы идете по улице, к вам подошел бы какой-то человек и на ухо сказал, что вам на шляпу наделал голубь?»

Мы молчали.

Тогда она проникновенно сказала: «Вы должны поблагодарить этого человека, потому что, если бы не он, вы так и ходили бы с дерьмом на голове».

Марк регулярно обращал внимание людей, с которыми он пересекался, на то, что им, фигурально говоря, «птички накакали на котелок», но вместо благодарности число тех, кто прилюдно подавал ему руку и улыбался, а за глаза озвучивал подлости, росло.

Много раз я ему говорил:

– Ты удивительный персонаж. С одной стороны – чуткий и порядочный, а тут ты танком по человеку…

На это Марк моментально ответил:

– А Федор Михайлович Достоевский на это сказал: «Много людей честных благодаря тому, что дураки».

* * *

Был ли брат честен и благороден на фехтовальной дорожке?

Спорт – это целый мир со своими законами, правилами, традициями, приемами, умолчаниями, обманами, уловками и хитростями, и неискушенному зрителю или новичку никак в нем не разобраться. Это знать надо, этому надо учиться, иначе никакой талант, никакая спортивная форма не помогут.

Фехтование – вид спорта, где за каскадом приемов наблюдает судья поединка, а если аппаратура показывает, что уколы получили оба противника, судья порой не знает, кому присудить укол. В этой ситуации бойцы или ждут его решения, или оспаривают судейский приговор, доказывая, что они победили.

Поскольку Марк, стремясь к победе в стрессовой ситуации, великолепно владел собой, он нередко разыгрывал целый спектакль со срыванием маски, воздеванием рук, громким возмущением и давлением на судью аргументами в свою пользу.

По самым разным причинам судья может оказаться противником. Иногда противником более сильным, чем

вооруженный рапирой соперник, атакующий тебя на дорожке. Чистоплюи, которые нередко оборачиваются лукавыми лицемерами, говорят: «Надо выигрывать вчистую. Честно. Тогда и не будет сомнений. Ни у кого». Но это демагогия. Блеф. Нокаут – не единственный путь к победе.

Я помню один из диалогов Марка с главным судьей поединка во время спорной ситуации боя.

– Лев Васильевич, – говорит Марк, снимая маску. – Вы видели, что я в простой атаке попадаю в защиту и делаю повторную атаку. Вы сами видели. Делаю повторную атаку гораздо раньше, чем началась ответная атака. Вы ведь не будете отрицать, что мой ремиз опередил ответ?

– Наденьте маску, Мидлер, – говорит нерешительно арбитр. – Ваш ремиз опоздал. Согласно правилам, которые вам известны не хуже, чем мне, вам нанесли укол. Укол налево, – показывает зрителям на Марка.

Мидлер невозмутимо надевает маску. Он не сомневается, исходя из собственного опыта изучения характеров множества арбитров, что добился своего – вызвал неуверенность судьи в решении, принятом по фехтовальной фразе. Никому не хочется предстать арбитром неграмотным. Или нечестным. Откровенно засуживать не всегда безопасно. Судья просчитывает свои возможности и свои риски. Лев Васильевич известен в фехтовальном мире своей осмотрительностью. Он подвержен чуть ли не постоянным сомнениям. Значит, в продолжение боя этот судья попытается показать фехтовальной общественности и публике свою объективность. Это и будет победой, завоевать которую стремится Марк, хорошо зная, опять-таки по своему опыту, что победа над противником порой бывает невозможна без победы над судьей.

– А был (или, может быть, есть) такой современный боец мирового уровня, который на чемпионате мира по фехтованию признавался или сейчас признается в получении укола? – спросил я Марка.

– Мы с тобой об этом говорили, – миролюбиво сказал Марк. – Я даже отметил некоторые подобные курьезы, которые произошли в моем присутствии или зафиксированы кем-то, кому можно верить.

Марк перелистал свой дневник.

– Вот – кстати, верно – описывает такой случай журналист Станислав Токарев. На чемпионате мира 1966 года по шпаге дерутся претенденты на серебряную и бронзовую медаль – поляк Богдан Гонсиор и француз Клод Буркар. Бой решающий. Тем не менее Буркар красноречиво поднимает большой палец,

приветствуя нанесенный ему укол… А теперь, чтобы ты знал нашу с моим тренером позицию по этому вопросу, я процитирую книгу Тани Любецкой, где она передает разговор с Аркадьевым.

Марк взял с полки «Диалог о поединке» Аркадьева и Любецкой, книгу 1976 года, тираж которой – сто тысяч экземпляров – был раскуплен за месяц, и продолжал:

– Виталий Андреевич рассказал Тане об одном своем ученике, который, словами Аркадьева, «с веселым, почти радостным чувством признавался в получаемых им уколах». Аркадьев считал, что у этого человека было все, что нужно для достижения высоких результатов, «вот разве что не хватало спортивного самолюбия». «И мне невольно, – пишет Таня от лица Виталия Андреевича, – вспоминался эпизод из детства, когда мой отец посадил на цепь во дворе для устрашения прохожих добрую лохматую дворняжку, для которой любой человек, свой или чужой, всегда были вожделенными партнерами для ласковой радостной возни».

«Как-то после боя, – продолжает Аркадьев, – я сказал ему: «Сереженька, ведь ты ведешь поединок, то есть играешь в игру, кто находчивее, умнее, и спешишь с неуместным удовольствием признаваться, что ты в лучшем случае не умнее соперника».

Тут появляется опасность обобщений: у бойца может быть причиной признания полученного укола совсем не то, что он похож по характеру на ласковую веселую дворняжку, а как раз напротив – уверенность бойца в том, что он может позволить себе роскошь не только победить противника, но победить его честно».

В этом, понятно, есть риск, тем больший, что под угрозой может оказаться, например, победа в поединке, которая принесла бы золотую медаль спортсмену лично и его стране…

В конечном счете признаваться или нет – зависит от того, преобладает у бойца прагматизм или стремление воплотить в бою идеалы, завещанные нам древними Олимпиадами и Кубертеном.

Я спросил Марка: если бы на фехтовальной дорожке возникла ситуация, проигрышная для него, но понимал бы это только он, признался бы он?

– Нет. Это не мое дело. Это дело судьи.

– А как же принцип честных игр, ради которых меньше века назад возрождены Олимпийские игры? А колоть противника запрещенным приемом, например, захватывая его рапиру свободной рукой?

(Я задал этот вопрос, зная и понимая, что есть запрещенные приемы, ставшие разрешенными, а есть – оставшиеся за границами правил. Когда-то были запрещены, в частности, на рапире флеш-атака и уколы в спину. И наоборот, бойцы

пользовались – во всяком случае в настоящих дуэлях и в некоторых странах – отбивом клинка противника невооруженной рукой. Но в современных регламентах спортивного фехтования невооруженная рука лишена таких прав).

Если быть точным, в 1624 году Фабри, знаменитый итальянский аналитик фехтования из Падуи, добавил к технике фехтования в своем трактате, посвященном поединкам на холодном оружии, применение невооруженной руки.

Этому ныне запрещенному приему некоторые тренеры учат и сейчас – и не только зарубежные.

Я четыре раза в жизни фехтовал в тренировочных боях против многократной чемпионки мира и Олимпийских игр Галины Гороховой. Каждый раз в ближнем бою она наносила мне укол справа, одновременно защищалась левой невооруженной рукой.

Давид Тышлер рассказал мне, как на одном из первенств мира Горохова получила рану в невооруженную левую руку. Ей срочно зашили рану, перевязали. Она вышла на дорожку и выиграла первенство мира. Ей дали орден Трудового Красного Знамени. За то, что героиня, раненая, с окровавленной рукой, стала чемпионкой мира. Но ее-то ранили, потому что она защищалась левой рукой, что правилами не разрешено. Между тем этому учили…

Но мы сейчас не о запрещенных приемах, а о Марке.

Марк не практиковал подобные приемы, моментально ловил их у противников и тут же обращался к судье, что заведомо напрягало многих арбитров (своими возражениями, вполне компетентными, он ставил под сомнение судейский авторитет). Но он не просто спорил с арбитрами. Пожалуй, можно сказать, что он вообще с ними не спорил, он психологически с ними… фехтовал. Получалось, что в каждом бою у него было минимум два противника – соперник и арбитр.

И это понятно: Марк как фехтовальщик был первым золотодобытчиком в новейшей истории фехтования в России, ему победа доставалась особенно тяжело, как первому. Были случаи, когда ему приходилось вступать в борьбу по поводу истолкования одной и той же фехтовальной фразы против двух арбитров – бокового и главного.

То же происходило, когда Марк поменял статус действующего спортсмена на должность тренера. Схватки с судьями стали, пожалуй, даже более ожесточенными, что снискало ему репутацию уникального скандалиста, пытающегося вырвать победу глоткой, высокомерного маэстро, издевающегося над судьями, иронизирующего над арбитрами так же, если не более беспощадно, как над своими учениками.

Думаю, что в определенной степени Марк в этом был солидарен с тренером сборной команды Советского Союза по хоккею Виктором Тихоновым, воспитанники которого принесли стране множество золотых медалей. Тихонов был убежден в том, что «все забывается, оскорбления, обиды… Не забывается только конечный результат. Результат царит над спортом. Итог состязания правит бал. Золото на груди – абсолютная доминанта».

Насколько я могу судить по услышанному от окружающих, особенно им досаждало то, что Мидлер добавлял в свои беседы с близкими и не близкими беспощадную иронию. Разговаривал, как фехтовал – искони рапира, которой он владел лучше многих, служила в истории человечества орудием не убийства, а иронизирования над противником при помощи клинка. Так вот, Марк общался, как фехтовал на рапире. Можно ли дружить с человеком, который постоянно наносит тебе уколы?

Интересно, что при ироническом, почти оскорбительном обращении с людьми многие приходили к Марку за советом. В том числе и люди, которые никак от него не зависели.

Раздается звонок в дверь. Пошел открывать. В двери тетя Альвина, наша соседка, латышка.

– Марк Петрович дома?

– Да.

Видя на моем лице вопросительное выражение, тетя Альвина неуверенно поясняет:

– Я хотела бы посоветоваться с вашим братом.

Почему она пришла за советом к Марку? Он – доктор? Учитель? Раввин? Пророк? Мудрец?

Брат оборачивается к нам от телевизора. Идет футбольный матч, и Марк не скрывает досады, что его отвлекли.

Старушка робеет окончательно, но (похоже, обращается к Марку не впервой) преодолевает робость:

– Марк Петрович, вы хороший совет мне дали, помните?

Брат, судя по его виду, или не помнит, или не придает этому значения, но старушку это не останавливает:

– Марк Петрович, – начинает длинно объяснять Альвина, – у меня внук восьми лет там, у дочери в другой квартире, сидит дома. Родители уехали на три недели, я там у него дежурю, не знаю, можно ли его выпускать на улицу: движения автомашин у дома почти нет, но мало ли что? А я больна часто и валяюсь с температурой, не в состоянии его сопроводить.

– Альвина Леопольдовна, – спрашивает Марк, – а огурцы есть можно?

– Что вы, – пугается соседка, чувствуя подвох. – У меня

голова кругом идет: выйти с ним не в силах. Грипп у меня, знобит, а сидеть дома сутками он не может.

– Вот я и говорю, – продолжает Марк, внимательно дослушав, – один греческий философ спорил с другим и доказывал, что огурцы есть нельзя ни в коем случае. Потому что все, кто их ел, умерли.

У Альвины Леопольдовны делается очумелый вид, а брат продолжает:

– Если отец у мальчика олигарх, и у семьи хорошая охрана, и в месте проживания милиция исправно поддерживает порядок, мальчик гулять может. А если на улице шуруют банды, не исключено, что от гуляния пацану надо воздержаться.

– Но…

– Я вам к тому и говорю: с одной стороны, огурцы есть никак нельзя, потому что все, кто их ел, умерли. Помирают, однако, и те, кто никогда огурцов в пищу не употреблял, потому отчего же не попробовать.

Бабушка столбенеет. Потом как-то так встряхивается и идет к двери. У старушки радостное выражение лица.

* * *

Корни таких отношений с людьми, отношений ироничных, скандальных, умных, мудрых «в одном флаконе» – это то, что не перестает меня интересовать.

Как я уже писал о Марке, с тринадцати лет начались победы, и, чемпион Москвы среди юниоров по фехтованию, Марк получил право на льготную продуктовую карточку, то есть практически содержал семью, в то же время, живя в семье, уже не жил в семье.

Фехтовальный зал стал для него, так сказать, родиной души и средством существования.

Я как-то спросил Марка:

– Что у тебя с родителями?

Вместо ответа он сказал:

– Ты знаешь Одо Маркуарда? (Манера Марка – задавать вопросы, которые загоняют собеседника в тупик. – *А. М.)*.

– Нет, откуда?

– Маркуард – немецкий философ, первый, кто теоретически и на эксперименте показал, что человек – это существо, которое компенсирует в спорте неудовлетворенность, недовольство и страдания.

…Вскоре после смерти Марка его старая знакомая, бывшая довольно известная волейболистка (ее имя и фамилия для нашего

повествования не нужны), сказала: «Хороший человек. Как жаль! Что-то произошло в его семье, в той, где он вырос. Я знаю, что он своих родителей с самого своего раннего возраста как отрезал».

Я видел, что брат приходил и уходил, молча шел к бабушке (мы жили с ней в той же квартире через коридор), с бабушкой ему было полегче, чем с нами.

Я упоминал, что родился через восемь лет после Марка. Я был любимым младшим, и мне казалось, что к Марку в семье относились с теплом меньшим, чем ко мне.

Но сейчас, когда Марка не стало, думаю, что это было не так. Родители, конечно, любили нас, не выделяя, кому больше ласки, кому меньше, но время было суровое военное и трудное послевоенное и нужно было выжить, а когда нужно выжить, чувства (прежде всего по отношению к старшим) уходят вглубь, внешне сокращаясь, как говорили тогда о ласке: что за «телячьи нежности?»

Не очень понятно и очень удивительно только то (и чуть-чуть обидно за брата), что на меня почему-то «телячьих нежностей» хватало. А на него – нет.

* * *

Как я писал раньше, семья наша жила в большой коммуналке, в одной комнате, где, судя по сейфу, вделанному в стену, раньше был кабинет хозяина.

В этом мощном металлическом ящике хранились сапожные щетки, обувные кремы и инструменты нашего деда-сапожника.

Однажды зимой я потянулся в глубь сейфа за лыжной мазью для школьного кросса и задел пальцем за едва заметный выступ на задней стенке. Задняя часть сейфа скользнула, и открылось узкое пространство, в котором у дальней стенки прислоненный стоял альбом для рисования.

На обложке был нарисован динозавр с пастью волка. Под обложкой я увидел знакомый четкий почерк Марка.

Любопытство пересилило осторожность и совестливость… Впрочем, мне было двенадцать лет.

Читаю:

«4 января 1948 года.

Мне 17 лет. Я чемпион Москвы среди юношей по фехтованию на рапире. Ну, и что? Я доволен, рад, счастлив? Мне не хватает самого главного ощущения, которое убедило бы меня, что я нужен близким мне людям. Почему меня никто не обнимает? Когда родятся звери, многие из них, оказывается, долгое время ездят на

спине матери, а то виснут на ее животе. И дело тут не только в близости к еде. Но и в том, что, когда тебя касается кровное – само это прикосновение дает ощущение безопасности: у тебя все в порядке, тебе нечего опасаться, ты надежно защищен, и тебя любят.

Заводят собак, кошек и хомяков, может быть, и потому, что человеку не меньше, чем хомяку, не хватает прикосновения. Но нам с младшим братом не разрешают завести живое существо. Мама уверена, что нас «покусают». Семилетний Сашка ныл: «Мама, купи мне собачку без рота».

На этом месте я остановился. Оторвался от записи. Подумал, что забыл просьбу о собачке. А вот гладкую щеку матери, когда она меня обнимала, и небритую щеку отца помню. От этих прикосновений мне становилось хорошо.

В коридоре раздалось шлепанье тапочек. Я хотел быстро вернуть дневник на место, но за дверью все затихло. Теперь читал не останавливаясь:

…«Родители как бы не приближались ко мне, а может быть, это я не приближался к ним. Вместо этого с седьмого по девятый класс я начитался всякой всячины о пользе для человека родственных и дружеских касаний и сегодня допускаю, что не случайно во всем мире отмечают Международный день объятий. До сих пор я не имел понятия, что по правилам МДО уже несколько десятков лет этот День празднуется четыре раза в год – 21 января, 4 декабря, 15 июля и 22 июля люди дружески обнимаются во многих странах со знакомыми и незнакомыми. Написано, что в эти четыре дня люди обмениваются душевным теплом. А я бы устроил сорок дней объятий.

Потому что получается – все остальные дни года я обречен на то, чтобы выжимать из окружающего мира тепло и любовь».

«20 января 1948 года.

…Подбросил матери на туалетный столик записку. «Американские ученые из университета штата Северная Каролина экспериментально установили, что: «Объятия могут защитить от неположительных воздействий стресса». «Объятия дают возможность резко ослабить депрессию и чувство одиночества». Установлено, что при ласковых прикосновениях к человеку у него усиливается иммунитет; повышается уровень гемоглобина; гипоталамус головного мозга выбрасывает в кровь гормон, который вызывает благожелательное отношение к людям, так называемый окситоцин, гормон положительного отношения к миру и хорошего самочувствия. Теперь, когда мне говорят, что объятие друзей и родителей помогает людям, страдающим повышенным беспокойством, я в это верю», – закончил я записку. Мать никак не

показала, что прочитала записку. Я подождал с месяц и подбросил вторую. Вот она: «По данным английских психофизиологов, младенца надо гладить не реже шестнадцати раз в сутки. Многолетние исследования показали, что при отсутствии или при редкости положительного осязательного контакта младенцу грозит нервное заболевание. Взрослого ребенка до достижения им зрелого возраста надо гладить не реже восьми раз в сутки. Иначе у него из года в год растут шансы оказаться жертвой собственных расстроенных нервов. Молодой человек превращается в озлобленного неудачника».

– Мама, а как насчет записки? – спросил я.

– Есть грех, – сказала мама, – сейчас уже трудно что-нибудь изменить. Было дело…» – она не стала продолжать».

Запись оборвана. На следующих трех страницах проставлен только год – 1949, 1950, 1951, – но они не тронуты.

Четвертая страница начинается словами:

«3 марта 1951 года.

Долго двигался к вопросу, который, казалось бы, имеет простой ответ: зачем мне тыкать клинком в людей, не давая при этом ткнуть в меня? В последние месяцы возник еще более «простой» вопрос: в чем причина необыкновенной моей убежденности в том, что я любой ценой должен победить?

Мне нужны деньги? Слава? Зарубежные поездки? Но за рубеж пока что наших спортсменов не выпускают. Слава? Обо мне будут писать и говорить. И что? Сегодня я, завтра не я. Как там у Пушкина: «…Слава – яркая заплата на жалком рубище певца; любите злато, злато, злато, любите злато без конца»… Деньги? Но я к ним тоже отношусь спокойно. Конечно, рад, что за звание чемпиона Москвы получаю продуктовую карточку и могу кормить родителей. Это дает мне возможность больше себя уважать.

Может быть, успех в фехтовании нужен мне для того, чтобы победить мои неудачи в отношениях с близкими. Хочу, чтобы до меня хотели дотронуться, были бы рады положить мне руку на плечо, обнять».

Запись без даты:

«Что же, фехтование не дает мне тепло и любовь – пока что, но уже балует успехом и дополнительным вниманием окружающих. Это немало. А ирония – щит от любых попыток незвано вторгнуться в мою внутреннюю жизнь».

Запись без даты:

«Говорил с младшим братом. Сказал ему, что отношусь к фехтовальному залу на соревнованиях, как к читальному залу библиотеки, где я должен читать противника, как книгу. Сейчас думаю, что сравнение правильное».

Запись без даты:

«Что я вижу в зеркале, так это упрямого, несговорчивого, часто эгоистичного, неуверенного в себе человека, который в неприятной ситуации пытается найти что-то смешное или кажущееся смешным. Я бреду по длинной пыльной дороге и несу свой характер, как старый чемодан. Не потому, что это нравится (что тут может нравиться?) Чемодан тяжелый и изрядно потертый – просто больше мне нести нечего.

Я иду прямой дорогой в тупик».

Это писал совсем еще молодой человек.

Теперь приведу несколько отрывков из дневника брата, который он вел на протяжении многих лет, будучи уже вполне зрелым и знавшим жизнь человеком.

Запись без даты:

«Как пишет Харуки Мураками, «для жизни необходимо огромное количество энергии». Где взять эту энергию, откуда ее черпать, как не из собственных физических сил? Для любого, кто собирается сделать в жизни что-то основательное, необходимо нарастить мускулатуру. А чтобы заниматься работой столь вредной для здоровья, как профессиональный спорт, нужно быть исключительно здоровым человеком. Другими словами, нездоровый дух нуждается в здоровом теле».

Запись оборвана. Пустая страница и ниже снова цитаты из книги Мураками «О чем я говорю, когда говорю о беге»:

«Я как деревенский кузнец – молчалив и работящ».

А дальше – стихи:

Опять судьба меня толкнула
на те же грабли в сотый раз,
а я с улыбкой жду удара,
питаю слабость я к граблям.

Вот я включаю обаянье,
и люди тянутся ко мне,
я обаянье выключаю,
и люди в ужасе бегут.

Вчера был казус: сам с собою
я, как обычно, говорил
и вдруг с собой не согласился,
вспылил и даже накричал.

Почему у меня так резко делятся окружающие на святых и –

бесов, на лютых друзей и преданных врагов? А-а-а!..»

Запись оборвана. Ниже:

«Читаю Маркеса «Сто лет одиночества» – роман-миф, роман-притча о развитии человечества, где каждый обречен на одиночество, и только оно господствует в мире.

Быть может, мы сами не хотим взглянуть в лицо правде, насколько чудовищно одинок каждый из нас. У каждого свой путь и одиночество тоже свое, такое разное, такое непохожее, всегда выматывающее и опустошающее холодом.

Шопенгауэр прав. Он сказал: «В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле».

По радио «Свобода» Женя Ловчев – известный в мое время футболист – сказал о себе: «Я жив любовью людей ко мне». Он был великий футболист.

Мой младший брат жив любовью людей к нему, в которой он нуждается, видно, до зарезу. Поэтому он старается быть всеми любимым. Всем хочет помочь.

А я? Я тоже пытаюсь питаться любовью людей. Но я не стремлюсь помочь всем, потому что тогда не поможешь никому. Или поможешь кому-то за счет других, которые стоят в очереди за помощью.

…Разнообразие – это лучшее средство от скуки (тоски). Разнообразие держит человека в тонусе. Невыносимая скука на сборах – не лучшее средство от скуки».

На одной странице дневника посреди листа крупными буквами было написано:

«ПОЕДИНКУ НАДО СЛУЖИТЬ ВСЕЙ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ!»

И дальше:

«Чем опасней для меня противник, тем ясней я вижу, что передо мной на дорожке находится другая Вселенная. Надо понять ее законы, раскрыть особенности ее движений.

Этому поединку, а любой поединок является «этим», надо послужить всей своей жизнью.

Читая книги такого класса, как «Сто лет одиночества» Маркеса, или Марка Аврелия «Наедине с собой», или Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости», я чувствую, что не могу «схватить» мудрость, во всяком случае, настолько, чтобы понять, что она такое и от чего она зависит. Потом наткнулся на Экклезиаст, и он совсем меня запутал. Потому что учил тому, что «не проворным достается успешный бег»… Как же так, подумал я, а кому же? «Не храбрым – победа». А кому? «Не мудрым – хлеб». А как же мудрый Иосиф, который предвидел семь сытых и

семь голодных лет и запасся хлебом для себя и для всего своего народа, и для окружающих народов?.. «Не у разумных богатство, – настаивал Экклезиаст, – и не у искусных благорасположение». «Но, – меня поразило, – время и случай для всех их».

Значит, вся мудрость жизни состоит в том, чтобы понять свое время и словить «свой случай»? Какое свое время и какой случай я не словил?

Я словил полтора десятка лет своего капитанства. Особенно годы наших побед. А дальше что?»

Последняя запись без даты:

«В лодке жизни я не пассажир, я – гребец!»

* * *

– И все-таки, в чем секрет его побед? – спросил я Дода Тышлера.

– Науке сие не известно. Я о фехтовании написал несколько книг – все равно не понимаю. Понимаю, что оно стимулирует так, что ставит на дыбы двигательные и умственные способности человека. Но это относится ко многим видам спорта. Что еще? После шахмат фехтование на втором месте по интеллектуальной составляющей… Может, сочетание возможностей у Марка выигрышное? – сказал Дод.

Марк был улыбчив.

Как сказала бывшая чемпионка мира по рапире среди женщин Татьяна Любецкая: «Во всяком случае, в фехтовальном зале я никогда не видела его хмурым».

Раздается звонок:

– Как дела? – спрашивает Марк.

– Нет проблем, – отвечаю я.

– Да? – с тревогой в голосе. – Нет проблем? Значит, ты умер.

Про Марка и про его юмор ходили анекдоты и легенды.

Таня Любецкая рассказывает:

«В Вене сборная команда России пошла смотреть фильм, который в Австрии очень хвалили.

Началась лента: секс. Сплошной. Перемежается порнухой: порнуха – секс, секс – порнуха. Я почувствовала, как в полной темноте щеки у меня нагрелись – жутко покраснела. Вышли из кинотеатра. Идем, молчим. Неловко друг перед другом. Не знаем, как лицо держать.

Марк задумчиво говорит:

– Плохо, когда языка не знаешь. Ничего не понятно!

Мы так и грохнули! Попадали! И стало легче».

Марка никогда не волновало то, что он – еврей. И вдруг в 2010 году он узнает от кого-то из знакомых, что попал в книгу «Знаменитые евреи». Звонит мне:

– Слушай, тебе не попадалась книжка «Знаменитые евреи»?

Я никогда не знал, разыгрывает меня Марк или говорит серьезно.

Отвечаю:

– А что?

– Там я среди ста шестидесяти пяти героев еврейского народа между Фрейдом и Эйнштейном.

– Ты ближе к Фрейду или к Эйнштейну?

– Где-то посредине.

На всякий случай я сделал крюк по дороге на работу, и на Арбате в «Доме книги» действительно есть такая книга. Толстенькая, квадратная. На обложке – фото Эйнштейна и Фаины Георгиевны Раневской.

Марк Мидлер на 137-й странице. О нем рассказано коротко и сухо. Как о Фрейде и об Эйнштейне.

Вот только зачем он мне позвонил?

Хотел похвастать? Такого не было никогда. Ни до, ни после. Даже в шутку, производную от книги о евреях гениальных и близких к тому, даже и в этом случае хвастать передо мной не входило в наши отношения.

Парадокс? А может, Марк – гений? Ха-ха. «Гений парадоксов друг…»

Глава пятая. Капитан

Немного главных спортивных дат и – результатов.

Олимпиада в Хельсинки. 1952 год

В личном первенстве Марк выбыл во втором круге. Начальство в Москве посчитало этот результат «приличным», поскольку команда советских рапиристов выпала из соревнований в первом круге. Пожалуй, можно сказать – это будет правдой, – все фехтовальщики СССР нервничали на этой Олимпиаде сверх всякой меры. Руководство требовало результатов, а спортсменам не хватало современной техники поединка, актуальной тактики и опыта международных встреч. Зато здесь своими глазами Марк впервые увидел будущих своих соперников – самых успешных фехтовальщиков мира, с которыми ему вскоре предстоит драться. Чемпион мира и Олимпийских игр в личном первенстве – «современный д'Артаньян», как о нем писали в популярных спортивных изданиях, или «непредсказуемый каталонец», как его называли в фехтовальных кругах, с девяти лет привыкший держать рапиру в руке француз Кристиан Д'Ориоля, и основной соперник Д'Ориоля итальянец Эдоардо Манджаротти. Претендент на золотую медаль на турнирах сколь угодно высокого уровня, Манджаротти – мировой рекордсмен по количеству наград разного достоинства за победы на международных турнирах по рапире и – шпаге.

На годы и годы эти двое стали для Марка объектами восхищения и самыми опасными противниками. Господство Манджаротти в рапире и шпаге и Д'Ориоля в рапире начало несколько слабеть только по прошествии следующих двух Олимпиад после Хельсинки.

Олимпиада в Мельбурне. 1956 год

Как и на предыдущих Играх, победителем мельбурнской Олимпиады в фехтовании на рапирах стал «непредсказуемый каталонец».

Здесь Марк сумел подняться в финал, правда, занял там только предпоследнее – седьмое – место.

Но уже к этому времени Марк впервые победил Д'Ориоля. Это произошло осенью 1955 года на международном московском турнире «СССР – Франция».

Олимпиада в Риме. 1960 год

Чемпионом в личных соревнованиях по рапире становится

самый молодой коллега по команде, где Марк – капитан. Это двадцатидвухлетний ленинградец Виктор Жданович.

Мидлер занял пятое место в финале. Это – личный рекорд по сравнению с предыдущей Олимпиадой, но Марк успокоился только, когда, опередив итальянцев, французов, немцев, англичан, американцев и поляков, возглавляемая им команда завоевала золотые медали и звание чемпионов Олимпийских игр в командных соревнованиях по рапире.

Олимпиада в Токио. 1964 год

…Идет финал командного турнира рапиристов. Встречаются давние соперники, а на тот день – сильнейшие рапирные команды мира, сборные Польши и СССР.

От поляков на финальный олимпийский помост вышли Франке, который за день до этого стал чемпионом Олимпиады в личном первенстве, Парульский, который за год до этого стал чемпионом мира, и призеры множества международных турниров Скрудлик и Войда.

Против них – Мидлер, Жданович, Сисикин, Свешников.

Счет финала за два боя до конца его – 7:7.

Но при этом поляки намного обходят наших по уколам, так что на худой конец их устраивает ничья, тогда как нашим нужна только победа.

В предпоследнем бою встретились экс-чемпион мира Ришард Парульский (фехтовальщик с классной своей нестандартной техникой) и Марк Мидлер.

При выигрыше Парульского счет, соответственно, станет 8:7 в пользу поляков. Тогда, даже при проигрыше ими последнего боя, счет уравняется и поляки все равно чемпионы.

Если же победит Мидлер, для нас остается еще шанс на золотые медали – победа в последнем бою.

«Я помню, – рассказывает Мидлер, – что в начале боя чувствовал себя скованно и неповоротливо под грузом ответственности. Фехтовал слишком осторожно. Но когда счет стал 3:1 в пользу Парульского, я подумал: если далее будет 4:1, это похоже на разгром… Пан или пропал. Волнение меня оставило. И как только арбитр произнес «Aleez!», я пошел во флеш. Встречную атаку стрелой одновременно сделал Парульский. Ему не терпелось меня добить».

В результате бойцы с удвоенной силой врезались друг в друга, высекли из масок искры. И рухнули на помост.

На несколько секунд Мидлер потерял сознание. Когда пришел в себя, увидел, что лежит на краю дорожки. Постепенно поднялся – голова кружится, все не в фокусе, а на другом конце

помоста расплывчатое изображение – Парульский нюхает нашатырь. «Когда мы вновь встали к бою, – вспоминает Мидлер, – я вдруг почувствовал, что он боится: его клинок дрожал, и это укрепило мою руку. Теперь я знал, что выиграю».

В начале боя Парульский все сыпал флешами и очень остро чувствовал дистанцию – кольнет, а сам уже далеко. Но после «нокдауна» он ушел в защиту. Защита не была его сильным местом. И хотя он потом еще вел в счете (4:3), все же Мидлеру удалось его, в конце концов, одолеть.

А в следующем и последнем финальном бою предстояло отличиться Сисикину. Правда, прежде чем отличиться, он заставил изрядно помучиться свою команду. Он выходил против личного чемпиона тех Игр – обаятельного и импозантного Эгона Франке. Поляк фехтовал быстро и технично. Легко и искусно владел множеством приемов. Сисикин – боец не менее высокого уровня. Словом, они могли продемонстрировать элегантный, изысканный диалог клинков. Но на фоне того счета, каким завершилась первая половина их поединка (4:1) в пользу Франке, элегантность и изысканность вряд ли могли устроить нашу команду.

И вот тут-то, на грани поражения, Юрий сумел наконец раскрепоститься и сравнять столь крупный счет – ситуация почти безнадежная в бою со столь опасным противником.

Сейчас уже никто не помнит, как был нанесен решающий, пятый, укол, но осталась фотография – Сисикин протягивает Франке руку для рукопожатия, Франке застыл, схватившись за голову, а на заднем плане подпрыгивающий от радости Свешников зажимает себе рот рукой, чтобы не закричать.

В последний день Олимпиады Марк написал жене в Москву записку: «В этот раз, моя родная, победа нам досталась как никогда тяжело».

Много позже я спросил Марка, как он отреагировал на удивительный бой Сисикина.

– Я сказал Юре: «Ты дрался прямо как… Сисикин. Вот это ты – Юра! Вот это команда!»

– Он ответил что-нибудь?

– Да. Сказал: «Ты – капитан!»

* * *

В книжке В. А. Аркадьева и Т. Л. Любецкой Виталий Андреевич отметил: «Создать рапирную команду, подобную той, которую собрал Марк Мидлер, пока больше никому не

удавалось…»

Но как объяснить тот факт, что брат, будучи с 50-х по 70-е годы XX века неоднократным чемпионом Олимпиад и первенств мира, как лидер и капитан советских рапиристов ни разу ни на Олимпийских играх, ни на первенствах мира не завоевал золотую медаль?

Один из учеников Марка, чемпион мира в личных поединках на рапире Дмитрий Шевченко, в беседе со мной сказал: «Для Мидлера ценность коллективной победы была всегда выше личной. Он был воспитан по-советски».

Кажется правдоподобной и дополнительная версия: то ли сознательно, то ли подсознательно, то ли по привычке Марк вызывал одновременно уважение к себе, опасение как противник и раздражение…

У судей – раздражение, что затевает скандальные разборки, и – опасения, что он прав и сумеет публично свою правоту аргументировать и поставить арбитра в неловкое положение. У противников и их тренеров Марк вызывал дополнительный адреналин, потому что был самым авторитетным и грозным рапиристом страны в 50-х–60-х годах XX века, первым победителем знаменитых венгров, французов, англичан, поляков и итальянцев, чемпионов Олимпийских игр и мира – Манджаротти, Д'Ориоля, Спаллино, Камути, Порульского, Джея, Франке.

Для бойцов и тренеров он представлял особую угрозу и особенный соблазн в 60-е–70-е годы, в самый разгар холодной войны, которая резко подняла политическое значение спорта. Как раз в это время Марк стал бессменным капитаном отечественной сборной, много лет не знавшей в мире себе равных, как говорили, усыпанной золотом команды, победить самого опытного и зрелого бойца которой значило нанести психологический удар членам команды. Поэтому на поединок против Мидлера тренеры бойцов и сами бойцы особенно концентрировали свои возможности. Словом, давление, оказываемое на Марка, в целом было необыкновенным. Я не говорю о болельщиках, а только о фехтовальной среде. Слишком много сильных противников в фехтовальном мире было у капитана советской сборной в течение пятнадцати лет. Тем сильней была у капитана сборной советских рапиристов Марка Мидлера «жажда золота мира» для своей страны.

Дмитрий Шевченко продолжил тему о личном золоте:

«Марк Петрович приучил нас разбираться в поражении. При разборе он часто находил вину, упущение или ошибку проигравшего, подзуживал: «Ты, мол, меня не слушал, и вот

результат». Я и говорю: «Марк Петрович, а что ж у вас-то не сложилось?» Он отвечает: «Ну, не всё складывается, как хочется. Не всё мы до конца контролируем». Ушел от ответа».

Мне брат однажды сказал:

– Все, что я хочу, у меня получается.

Я спросил:

– Почему же ты не получил золотую медаль чемпиона мира в личных соревнованиях ни на одном первенстве мира, ни на одних Олимпийских играх, а только – за выигрыш своей команды?

– Нас так воспитывали, – сказал Марк. – В личных соревнованиях – как повезет, а командные – основная задача, потому что чемпионами становятся все, получают медали все. Для страны в общий зачет больше медалей. Ну, и нас тоже не обижают. Дают почетные звания, премии… Когда Саша Карелин в Сиднее проиграл и ушел, как говорится, «в несознанку» – прервал все контакты с окружающими, первое, что он сказал, когда заговорил после долгого молчания, было: «Я подвел всех ребят». Заметь: не себя. Всех!

Звучит патриотично. Можно подумать, что Марк был «командным» бойцом из патриотических соображений. Или из практических: ведь действительно командная победа приносит стране-победительнице много медалей. Они весомей одной личной чемпионской.

И при выборе претендентов на участие в Олимпийских играх и чемпионате мира нельзя исключать возможности того, что руководство Федерации фехтования и тренерский совет предпочтут, при прочих равных, скорее, командного бойца, чем «личника». Марк был «командник». Не случайно он пятнадцать лет был бессменным капитаном национальной сборной команды по рапире.

Давид Тышлер говорил: «В командном турнире психика и интеллект работают по-другому, чем в личном поединке. Психологически «личники» сильно отличаются от «командников». Один сильней бьется, когда выступает за себя. Другой – когда за команду, стенка на стенку, двор на двор».

У меня на языке вертелся вопрос:

– Марк, так что, твой патриотизм – причина твоих невыигрышей в личном зачете?

– Ну, ладно, – ответил он, – есть еще причина. Как бы тебе это объяснить… В решающих боях за первое место и на Олимпийских играх, и на чемпионатах мира золотая медаль становилась для меня реальностью, на концах пальцев чувствовалась возможность стать первой рапирой мира. И тут соблазн близкой личной победы на всемирном уровне в конце концов сковывал… Лишал

ощущения свободы. Вместо наслаждения боем начинаешь мучиться. Как муха в паутине… Командное первенство другое дело. Там за мной стоят мои ребята, за которых я отвечаю как капитан. Я им должен подать пример. Не за себя идет бой. За нас. «Я» играет здесь служебную роль. И нет никаких миражей.

Таня Любецкая, ученица Марка, в своей книге «Диалог о поединке» написала: «У Марка Мидлера слишком страстное желание победить».

«Видимо, слишком страстное желание победить, – вспоминает Виталий Андреевич Аркадьев, – мешало ему порой вести бои вполне по-своему. И, кроме того, и это немаловажно, первый из наших, дравшийся на равных с зарубежными корифеями, он испытывал на себе особенно сильный судейский прессинг. Пятнадцать лет бессменный капитан сборной рапиристов, он пользовался безусловным авторитетом команды. И даже тогда, когда наивысшие личные успехи ребят (Свешников – чемпион мира, Жданович – олимпийский чемпион), казалось, могли освободить их от подчинения капитану, авторитет неизменно оставался у Марка».

* * *

Выходя на бой, «экипаж Мидлера» хором выкрикивал угрозу в адрес команды противника, придуманную Марком: «Сколько раз увидим, столько раз побьем!» – вспоминает заслуженный мастер спорта Юрий Сисикин.

Рассказ Марка из интервью Елене Гришиной:

«…Нам пришлось драться с самыми виртуозными бойцами в мире. Извините, но сейчас я вынужден буду говорить нескромно – резать правду-матку в глаза. На протяжении пятнадцати лет я был капитаном сборной. Я старался всегда фехтовать так, чтобы ребята за мной тянулись. И они знали: если Мидлер в команде, значит, Мидлер выйдет и выиграет свой бой. Костьми ляжет, но выиграет. Не помню, в каком это было году: на одном из розыгрышей Кубка европейских чемпионов, во встрече с командой ФРГ мы имели счет 8:8, мало того, количество уколов тоже оказалось одинаковым.

Возник вопрос: кто пойдет фехтовать в решающем бою?

И все, кто был в команде – Жданович, Сисикин, Свешников, молодые, вроде бойкие, – встали и в один голос заявили: «Петрович, выходи ты с ним на решающий бой. Никто, кроме тебя, не пойдет». Они меня просто выпихнули на дорожку. Фамилия этого немца Вельман. Он выиграл во встрече все бои у

нас, в том числе и у меня. Что было делать? Я вышел и этого немца растерзал – 5:2.

Шампанское потом все вместе пили».

Этот бой вспоминает и Виталий Андреевич Аркадьев:

«Кубок Европы в Париже в 1965 году. В финале наши рапиристы встретились с командой ФРГ, и те бои были крайне упорными с перевесом то в одну, то в другую сторону. К концу встречи обе команды набрали равное количество побед, а при подсчете уколов выяснилось, что и тут все одинаково. В таких исключительных случаях, по правилам, каждая команда выдвигает по одному фехтовальщику, и поединок избранных должен решить исход командной встречи, в данном случае – кому достанется Кубок Европы.

Немцы выбрали Вельмана, который в этой встрече выиграл все четыре боя.

От нашей команды вышел Мидлер, победивший в трех боях из четырех и проигравший как раз этому Вельману.

Можете себе представить ответственность и напряженность поединка, когда от тебя одного зависит успех всей команды и ты должен выиграть у лидера, которому только что проиграл. Но Марк был как раз тем, кто мог это сделать. Он вышел на помост и, я думаю, вложил в этот поединок всю свою волю, которой был так знаменит.

Марк потом рассказывал, что шел на этот бой с совершенно четким планом поединка и чувствовал, что если этот план он выдержит и не будет бросаться в авантюры, то выиграет.

Высокий худой левша, Вельман неутомимо и виртуозно играл дистанцией и, легко «растаскивая» любого противника, в конце концов почти всегда делал одно и то же – удочку – контратаку с отходом назад. И противник, только еще собираясь нанести туше, неизменно «проваливался» в дистанции и оказывался у Вельмана на «крючке».

Значит, надо было сбить его с этой виртуозной пляски и, загнав на «метр», откуда ему уже некуда отходить, атаковать такой короткой и быстрой флешью, которая не оставит немцу шанса на контратаку.

И поначалу все шло гладко.

Три совершенно одинаковых туше Марк быстро провел один за другим, словно отрабатывая прием на мишени. А Вельман, возвращаясь после каждого туше с «метра», тщательно поправлял маску, словно в ней был какой-то изъян.

Но, поведя в счете 3:0, Марк, как это часто бывает даже с испытанными рапиристами, успокоился и дважды атаковал Вельмана так беспечно, словно тот был без рапиры. И скоро счет

стал 3:2.

Второй полученный укол отрезвил Мидлера. Но почему-то теперь было не так легко сбить Вельмана с дистанции и заставить невпопад сунуть «навстречу».

Казалось, он тоже сделал выводы после полученных уколов.

И все же Марк был уверен, что в неожиданный момент, застигнутый врасплох, Вельман непременно «скатится» на свою любимую контратаку. Надо было только создать ему этот «врасплох». И он ходил и ходил в поисках момента, и души болельщиков застыли от ожидания.

Я так волновался, что даже не совсем понял, как был нанесен очередной укол. Только увидел внезапно вспыхнувшую острую завязку и услышал сухой треск клинков, сплетенный с яростными криками фехтующих.

Аппарат показывал туше Вельману, и счет стал 4:2.

Теперь Марк снова чувствовал себя свободно, но это уже была не беспечность, а полная раскрепощенность, как бы озаренная безошибочной интуицией, которая и сделала его хозяином дорожки.

А затем, неожиданно сыграв в сумбурное нападение, он широко показал финт в сторону и пригласил тем самым Вельмана на его любимую контратаку. И в следующую секунду, легко и быстро перехватив в защите его клинок, нанес жесткий решающий укол в грудь».

* * *

«В 1960 году, – засвидетельствовал Юрий Сисикин, – на Олимпийских играх в Риме, мы проигрываем в финале итальянцам. Мидлер собрал команду: «Носы не вешать, все равно выиграем. На каждый бой собираться, как на последний. Итальянцы скоро выдохнутся, надо побольше «таскать» их по дорожке. Темп боя увеличить до предела, ни минуты передышки. Физически мы подготовлены лучше – выдержим».

И Марк стал показывать пример, обыгрывает Пеллегрино. Тут же Жданович выравнивает счет.

Начинается второй круг.

Но какой-то рок преследует нас со Свешниковым. В равных боях мы проигрываем решающие уколы.

Марк и Жданович снова сравнивают счет.

Видно, что итальянцы еле ноги таскают.

Обретя второе дыхание, мы со Свешниковым делаем отрыв – 6:4.

Марк побеждает соперников – 7:4.

Заключительная победа Ждановича делает нас чемпионами XVII Олимпийских игр. Счет 8:4.

По окончании встречи Эдоардо Манджаротти заявил репортерам: «Нынешняя команда советских рапиристов состоит из одних «звезд». Ее долго никто не победит».

В образной интерпретации спортивных обозревателей Марк Мидлер и его команда рапиристов выглядели так:

«Если перед ними стена, то Мидлер найдет в ней какую-нибудь щель, даже щелочку, и пройдет, протиснется.

Свешников разрушит стену.

Сисикин перемахнет через нее, а Жданович – вежливо, но настойчиво постучит в дверь и потребует, чтобы ему открыли.

Марк Мидлер «вплетается в замыслы противника». Свешников «ломает эти замыслы». Сисикин – «перелезает через тактику противника, как через забор». («Советский спорт», 9 июля 1964 г.).

Спортивный корреспондент журнала «Огонек» пошел еще дальше: «В бою четверка напоминает ту, что описана Александром Дюма. Изящный виртуоз Виктор Жданович похож на д'Артаньяна. Портос – это Герман Свешников, фехтовальщик с мощной рукой и силовой манерой боя. Движения Марка Мидлера сдержанны. Немногословный и строгий, он более всего походит на графа Атоса. Поединок Юрия Сисикина напоминает быстрый и волнующий танец. Он фехтует с улыбкой под маской. Этот один из самых «коварных» бойцов напоминает нам Арамиса». («Огонек», № 24 1966 г.).

При всех индивидуальных различиях мнения соратников по команде о капитане сводятся к следующему: провоцировал, насмехался, унижал, оскорблял. Случалось. Но он капитан – по самому большому счету.

Перед Олимпиадой в Мексике в 1968 году за неделю до выезда он выбил в бою большой палец. Со вздувшейся фалангой Марк не мог фехтовать. Рапира перестала быть управляемой. Капитана заменили. У нас ведь, кажется, нет незаменимых. Страна полна талантов. В том числе в фехтовании. В итоге впервые после многих лет, участвуя в турнире без Мидлера, команда проиграла.

«Марк есть Марк! Он – наш капитан!»

«По сути, он был сильнейшим, весьма результативным «играющим тренером», – вспоминает Давид Тышлер… – 1961 год. Сижу около нашей команды рапиристов на первенстве мира в Турине. Четверть финала командного турнира. Наши проигрывают бой за боем англичанам.

В британскую команду входят Хоскинс, фехтовальщик настолько выдающийся, что в Великобритании проводится турнир его имени, дальше Джей, двукратный чемпион мира в личном первенстве, и два брата Поля, очень сильные фехтовальщики, в двадцатку мира входят. И начали наших бить. И ведут 8:4. Англия – противник, жуткий для нас.

На следующий бой вышел Марк Петрович. Сначала, оглянувшись на своих «подельников», заявил… (А он всегда с этой своей командой восьмикратных чемпионов мира обращался, как старослужащий с новобранцами, по дедовщине). Он сказал:

– Неудачные засранцы. Вы никогда драться не умели и без меня были щенки. Со мной научились. По одному-то бою вы можете выиграть?

Сидит Жданович, он был в личном первенстве олимпийским чемпионом. Сисикин – второй на Олимпийских играх в личном первенстве. Свешников – действующий чемпион мира. И все вместе они олимпийские чемпионы в команде. А Марк их третирует. Мало того, берется мировым чемпионам, гениальным рапиристам показать, как надо фехтовать!

Мидлер выходит с кем-то из англичан, падает, разбивается, маска слетает, с судьей скандалит, потеет, с носа капает. Он сильно потел в критических ситуациях, думаю, не от нагрузки даже, а от напряжения. А у него курносый нос. Более курносый, чем у тебя, младший брат. И у старшего твоего брата капает с носа-то!

И выигрывает этот бой. Становится 5:8. Возвращается.

– Ну что, засранцы, видели, как надо? Покажите мне хоть что-то, иначе вас послать надо лопатами работать, а не рапирами.

Наскипидаренные, они выиграли по своему бою и на один укол обошли англичан. Ворвались в полуфинал. Стали чемпионами мира. Вот и скажи: хорошо это или плохо оскорблять заслуженных мастеров?»

Так или иначе, Марк создал под верховным руководством Виталия Андреевича команду, к описанию которой я бы добавил отмеченное Аркадьевым в статье «Золотые клинки»:

«Французские специалисты после победы Ждановича на Олимпийских играх заявили, что новый чемпион во время боя выглядит, как истинный француз.

Итальянские тренеры утверждали, что советский рапирист фехтует в чисто итальянской манере.

Между тем лучшие советские бойцы, за относительно небольшой срок вставшие во главе мирового фехтования, создали свой прогрессивный стиль поединка. Новаторство позволило им совершить скачок вперед. В этом огромная заслуга капитана

сборной Марка Мидлера, сумевшего создать собственную методику тренировки».

Насколько я понимаю смысл методики (я не говорю о конкретных приемах), в тренировках и в боях Марк подчинил разнообразие и классическую красоту поединка его рациональности.

В одной из наших бесед он пояснил: изысканные действия достались фехтованию от галантных барочных веков. Наступает время, когда зрелищность стала уступать целенаправленности. Это объективный процесс. Некоторые (как, например, Жданович) с успехом идут против ветра. Но для большинства современных профессионалов победить изящно или (в рамках правил) криво, косо – не имеет значения. Нельзя исключить возможность того, что манера профессионального бойца фехтовать криво-косо или, скажем, убого по арсеналу приемов, тоскливо прямолинейно и однообразно, скоро будет фигурировать в качестве новой эстетики. Эту эстетику оправдывает поражение, которое ты нанес противнику.

…«Это не значит, что я культивирую «корявое» фехтование, – говорил Марк. – За исключением случаев, когда нестандартность приносит победу. Тогда придумываю, как можно ее обезвредить и одновременно нахожу ей место в арсенале. Главное, шепчу себе: а коряга-то не только успешна – по-своему она красива. Основное – поцеловать лягушку. Глядишь, она станет царевной».

* * *

– В философии есть направление, – сказал брат, – в рамках которого считается, что, например, математическая формула верна, когда она красива. Я, напротив, уверен в том, что рапирная стойка, движения бойца, его действия и сама его психология красивы, если они любым образом приносят ему выигрыш… Бои на шпаге Григория Крисса до того, как он стал чемпионом мира по шпаге, многие смотрели с недоумением. Крисс стоял в стойке, необыкновенно раскоряченной. Нашлись «выкидыши», которые называли Григория «корягой». Но когда он стал выигрывать один за другим международные турниры по шпаге, та же фехтовальная элита признала Крисса великолепным исключением из правил классики.

– Правильно ли я тебя понял: твой подход, о котором упомянул Виталий Андреевич, состоит в том, что ты переоцениваешь классическую рапирную стилистику с точки зрения современных требований – убыстряешь проведение

приемов, уменьшаешь в поединке количество сложных атак, сокращаешь саму их сложность, основой боя делаешь простые однотемповые атаки, избавляешься от четырех из девяти принятых классических защит…

– Сегодня аристократизм не пропал. Просто на первый план вышел прагматизм, прямая нацеленность на результат – нанести удар, укол. Он может быть нанесен не очень красиво, но должен быть нанесен. Без околичностей. Без «архитектурных излишеств». Без завитушек…

Как сказал мне президент Федерации фехтования России Александр Юрьевич Михайлов, кореянка Ким Джи Ен стала в 2012 году на Олимпийских играх в Лондоне чемпионкой Игр, применяя один прием – в точно выбранный момент быстро колола навстречу. После Олимпиады Ким Джи Ен на крупнейших международных турнирах поднимается на первое-второе места. Подтверждает неслучайность своей победы. По сути, убедительно доказывает закономерность своей награды.

– В двадцатом веке не было ни одного случая выигрыша Олимпийских игр на одном приеме, – сказал я. – Соперницы кореянки – они же виртуозные фехтовальщицы (Загунис, Великая…) – не могли придумать контрприем? Это невероятно!

– Вот так, – заключил Михайлов – быстро и вовремя, отлично выбирает момент и – колет прямо и просто – навстречу. Можно, конечно, заявить, что она тупо делает одно и то же. Но результат – золотая медаль – налицо.

Идя после разговора с Михайловым домой, я вспомнил давние сетования Марка на одну из его учениц:

«Я ей говорю: «Не коли подряд все время навстречу! Что, ничего в фехтовании больше не изобрели, помимо…» Семь раз сказал! Она восьмой раз колет навстречу. Ну, как еще с ней!.. И ведь стала чемпионкой мира!»

Иными словами, сложные завязки, многоэтажные приемы – аристократизм фехтования – остался в первой половине XX века. Уже в 60-е –70-е годы, когда фехтовала «золотая четверка» во главе с Марком, немногие бойцы в России сохранили аристократизм, от которого было неотъемлемо разнообразное изящество приемов. Некоторым бойцам, например, Виктору Ждановичу в рапире, Давиду Тышлеру в сабле, удалось, правда, интегрировать аристократический стиль фехтования в прагматику современности. Но это – исключения, к числу которых можно в какой-то мере отнести и Мидлера. С той оговоркой, что для него определяющим был все же факт победы. Это отличало Марка от того же Ждановича.

Поэтому Марк защищал, например, пятого номера своей

команды – Юрия Шарова, известного в фехтовальном мире тем, что побеждал, не затрудняя себя ни разнообразием уколов, ни изяществом.

Шаров был предельно предсказуем.

В августе 1955 года я дрался против него за первое место в юношеском чемпионате страны. С тех пор он не изменился. Одно и то же: четвертая защита и прямой укол. Случается, берет шестую. Но, как правило, четвертую. Бесконечный круг четыре.

Казалось бы, на этом Шарова «запросто можно поймать», как пренебрежительно говорил Жданович, боец, известный своей виртуозностью.

Верно. Поймать мог. Жданович. Может быть, еще несколько десятков виртуозов клинка в мире.

Но у Шарова было много других противников.

Я, например, не мог «Шарика», как его называли в команде, поймать. Тем более запросто.

Я видел, что Шаров делает одно и то же. Но он так выбирал дистанцию, скорость, темп и момент защит и атак, что его «словить» мне, как и множеству других фехтовальщиков, не удавалось.

Шаров левша. Стоит узко в профиль. Видеть – ясно вижу, понимать – абсолютно понимаю, а попасть – не попадешь.

Марк всегда выигрывал у Шарова. Тем не менее на обсуждении кандидатур в сборную команду страны по рапире на Олимпийские игры Марк добился того, что «однообразного левшу» – Шарика, вновь и вновь брали в команду.

В присутствии самой высокоэкспертной тренерской элиты, руководства Спорткомитета и звезд фехтовального мира Марк, защищая Шарика, сказал: «Из восьми защит, существующих в фехтовании, сегодня, считаю, рапиристу достаточно четвертой и шестой. Главное – знать момент и ситуацию, в которой вы используете эти защиты. Шаров хорошо чувствует время и место. И приносит свои победы. – И добавил: – Вы сначала выиграйте у Шарова, а потом выгоняйте его из команды».

Романтика плетения кружев давно и прочно уступила кратчайшим быстротным действиям. Зрители часто не успевают увидеть и понять, что произошло. Так бывало и раньше, но эволюция фехтования – его убыстрение, упрощение, даже определенное огрубление, уменьшение вариативности действий, все менее вычурная эстетика при максимальной результативности.

Произошла замена красоты виртуозности, красоты самого процесса поединка на восторг достигнутого результата.

Но широкому зрителю малоприятно ничего не понимать и

видеть только, как, отмечая уколы, зажигается то одна, то другая лампа. То есть в момент, когда современная видеотехника способна сделать поединок, как никогда раньше, зрелищным, сам он потерял большую часть зрелищности.

Но это не вина фехтования. Еще полвека назад знаменитый венгерский тренер Янош Кевеи, воспитавший великих польских саблистов Заблоцкого и Павловского, предсказал, что фехтование должно стать рациональным. Он еще сказал, что фехтование станет стремительным и, подчеркнул, акробатичным. Но он не сказал главное: что фехтование станет заметно более простым внешне – по рисунку действий бойцов на дорожке, и гораздо менее зрелищным с точки зрения любителей эффектности.

Это – проблема: Марк считал фехтование элитным видом спорта, не понятным массе зрителей. Но непонятным пока. Он полагал: если, например, показывать поединки по телевидению и их интересно и грамотно комментировать и как обязательную использовать рапидную и стоповую видеотехнику, этот вид спорта может стать более зрелищным. А чтобы фехтование стало массово популярным, его развитием должна заняться команда во главе с человеком государственного ума. Лидер команды должен понимать фехтование в тонкостях, видеть его перспективы и быть инвестором фехтования как Глобального Проекта.

Такой человек есть. Это Алишер Усманов – президент Международной Федерации фехтования. Мастер спорта по сабле, бывший член сборной команды Узбекистана по этому виду оружия, Усманов, определенно, сказал Марк, «чувствует возможности заинтересовать фехтованием массовую аудиторию».

– Ему это удастся? – спросил я брата.

Марк молчал дольше обычного. После огромной паузы ответил:

– Алишер – боец. – Помолчал и добавил: – Необыкновенный боец.

Глава шестая. Награда

Вернусь к личной жизни Марка.

В двадцать пять лет Марк женился на участнице ансамбля «Березка» Людмиле Поляковой. К этому времени, к Олимпийским играм в Мельбурне, он полностью сложился как профессиональный спортсмен. Я не заметил, чтобы его тяготила необходимость на много месяцев покидать дом.

Как профессионалы выносят спортивные сборы, которые забирают 80 процентов года? Хорошо, если в субботу-воскресенье можно съездить домой. А если сбор в другом конце страны, как это нередко бывает?

Поскольку у Марка с детства был острый дефицит в домашнем тепле, брат, как он мне однажды сказал, переживал на сборах «синдром капитана дальнего плавания».

Письмо от 21 августа 1964 года:

«Белоснеженька, тут невмоготу. Как в тюрьме… Сюда приехал Дод. Сказал, что был у нас и видел тебя. Мне стало как-то легче. Вроде бы и я побывал дома. Надо терпеть… Ты ведь у меня герой. А герои не плачут. Потерпи. Ведь ты жена спортсмена. Раз тебе так крупно не повезло, будь мужественна. Твой Марковка».

Еще письмо:

«Люсенька, я не достиг мудрости такого уровня, чтобы получать удовольствие от жизни на сборе. Здесь по две-три двухчасовые тренировки в день. В перерывах поесть и упасть на койку. После работы в свободное время делать нечего. Одно спасение – свободного времени мало. У входа в барак, иначе наше жилье не назовешь, стоит стол. Тут мы режемся в домино. Это наши «развлечения».

Цахкадзор – живописная долина на высоте 1800 метров в Цахкунийских горах Армении. Записка со сбора:

«Люся, здесь плохо без тебя».

Со сбора во Львове:

«Гнусно и тоскливо. Но уехать не смогу. Прикидка. Если выступлю хорошо, сразу приеду. Если плохо, вынужден буду остаться, чтобы отстаивать свою кандидатуру в сборную команду страны на Кубок Европы, состоится с 17 по 21 марта в Париже. Любящий тебя Марковка».

На турнирах, как только бои оставались позади, к нему возвращается мучительная тоска по дому.

20 октября 1964 года, в разгар токийской Олимпиады, он пишет жене:

«Стал чемпионом Олимпийских игр – выполнил твое задание… Победить на этот раз было очень трудно. Думаю о тебе. Постоянно».

22 октября 1964 года. Токио. Олимпиада подходит к концу: рапиристы во главе с Марком вновь получили золотые награды.

«В делегации настроение паршивое, так как по большинству видов спорта наши сильно проигрывают в общем зачете американцам. Но мы-то, рапиристы, свое дело сделали… Дни тянутся необыкновенно долго. Скучно, скучно, скучно. Скорее бы домой. Вы мне оба – ты и сын – снились этой ночью… Так не хотел просыпаться!.. Так хотел покатать тебя и сына на спине!»

Я присутствовал при случае, который, как узнал позже, подтолкнул красавицу Людмилу к окончательному решению стать женой Марка Мидлера.

Брат тогда только что получил квартиру за свои успехи на международных турнирах и доживал в нашей коммуналке последние месяцы. Однажды ночью брат появился дома весь в крови. В свете ночной лампочки я увидел, что его лицо буквально располосовано кровавыми дорожками. Оказывается, когда он вышел с Людмилой из ресторана, на Трубной улице на него напали трое парней. Один попытался сорвать медаль, другой схватил Марка за руки, а третий со спины прорыл на лице Марка ногтями кровавые полосы.

Следующая сцена той же трагикомедии произошла на следующий день. Люся приехала навестить пострадавшего. У нас были пятеро непрошеных посетителей. Двое плохо двигались, у третьего правый глаз был, по-моему, близок к тому, чтобы вытечь. И двое родителей: мать и отец – пожилые люди с усталыми рабочими лицами.

Разговор о ночной драке.

Каждому лет по двадцать. Двое здоровяки, Паша и Антон. Третий, по прозвищу Свист, пожиже.

Марк и Люся сели на кровать в углу комнаты, гости – на табуретки. Что до меня, то я люблю во время серьезных разговоров постоять.

– Ну, расскажите, Паша, что было вчера ночью, почему сейчас явились?

Паша с трудом шевелил языком:

– Мы за-интере-сова-лись (слово «заинтересовались» он разделил на четыре части и произнес в четыре приема) вашей медалью. Немного поспорили с ребятами, кто наденет… вашу золотую… Мы извиняемся…

– Не годится, – сказал Марк, – я прошу, скажите настоящую причину, по которой вы на меня наехали!.. А вас, я тогда

услышал, зовут Антон, – обратился брат к другому посетителю, который в этот момент поднес руку к распухшему левому уху и остановил кисть в воздухе, вероятно, вспомнив, что касаться открытой раны для себя хуже.

– Мы вышли из «Узбекистана», – глухо, как из бочки, сказал Антон, – и вы вышли с девушкой…

– При чем тут моя медаль? – перебил Марк.

– Вот я и говорю, – вмешался Паша, – на пиджаке у вас была эта штука… Свист говорит: почему у него, то есть, извините, у вас медаль? Мол, зачем она вам! Пофартит перед своей этой? Давай посмотрим, что за медаль! Ну, вот, мы подошли. А дальше вы знаете.

– А дальше, – сказал Марк, – вы толкнули девушку и втроем схватились за меня: двое с боков и один – сзади.

– Не совсем, – вяло пробубнил Антон.

– Ты вынул нож, – перебил Марк, – и (нашел, кому угрожать холодным оружием!) сказал: «Давай медаль».

– Правый в висок, левый в печень, – констатировал Свист, потирая область виска. – Вы что, боксер?

– А вы думали, что я мать-героиня?

– На медали человек с рапирой, – вмешался я и пояснил: – Штука, с помощью которой в прошлом люди защищали свою честь.

– Честь? – недоуменно переспросил папаша.

– Ну, и что произошло дальше? – продолжил допрос Марк.

Гости молчали.

– Я напомню, – сказал брат. – Ты, – обратился он к Антону, неожиданно перейдя на «ты», – со спины сзади полосовал мне ногтями лицо. Вот этот, – брат покосился на Свиста, – похоже, у меня удачно получилось – сразу лег, а вот этот, – кивнул на Пашу, – взял бы удобней нож. А то держал, фраер, как сигарету.

– Зачем же ломать руку, да еще ногой по яйцам? – простонал Антон, потирая причинное место. – Удар ниже пояса!

– У чемпиона страны отобрать медаль? – сказал я. – Даже у чемпионки по фигурному плаванию или по стоклеточным шашкам так запросто медаль не отобрать. Шибко драться будут. А фехтовальщиков вообще лучше не трогать! У них реакция быстрая. Очень быстрая!

– Марк Петрович, я вас молю, как мать, не подавайте на него в суд, – жалостно попросила женщина, кивая на Антона.

– Марк Петрович, – повторил за ней, как эхо, папаша Паши, – простите нас и примите от нас…

Он неловко вытащил из бокового кармана конверт.

Марк спросил:

– Что я вам плохого сделал?

Папаша судорожно запихнул конверт обратно в карман.

Теперь гости молчали.

Марк тоже молчал.

– Хорошо, – наконец решил он. – Вы свободны… до следующего раза!

Гости, бормоча слова благодарности, заспешили к выходу.

Все это время Люся, сложив ладони на коленях, молча наблюдала происходящее. Теперь она вынула из сумочки крохотные блокнот и ручку, черкнула несколько слов, отдала блокнот Марку и, не попрощавшись, стремительно вышла…

Пробежав глазами записку, Марк протянул ее мне. Круглые веселые буквы выстроились в признание: «Хочу быть твоей женой!»

– Слава Богу! – с облегчением сказал Марк, поднимаясь.

– Обожди минуту, – попросил я. – Недавно ты мне сказал: со шпаной в уличные драки не вступай, лучше быть на минуточку трусом, чем на всю жизнь мертвецом. Говорил ты это или нет?

– У меня не всегда слово сходится с делом, – с улыбкой, но виноватым голосом признал Марк. – Часто мы говорим одно, делаем другое. Мало кто точно знает, как он поступит в опасности. Разум говорит: отдай медаль – трое молодых трезвых многовато. А подсознание диктует, кого и как бить. От кого и как защищаться. Как защитить девушку. Разум считает риски – это конечно. Но «суха, мой друг, теория всегда, а древо жизни вечно зеленеет». У меня подсознание сильнее сознания…

– Как это возможно, – сказал я, – осторожный человек, а морда кирпича просит…

– Не знаю, – удивился брат…

…Когда он отозвал свое заявление, уже было отправленное в суд, я спросил:

– Чего отпустил их? Они же будут продолжать в том же духе.

Марк ответил:

– Зачем за один проступок наказывать дважды? Я побил немного. Надо дать возможность их побить и другим.

Этот случай, который завершился свадьбой Марка и Люси, позволил мне сделать наблюдение, интересное для меня по факту, – расчетливый и осторожный брат, казалось бы, вопреки логике своего характера, готов внезапно драться при обстоятельствах, совершенно не гарантирующих благополучный для него результат.

Это противоречие между декларацией Марка («Лучше быть на минуточку трусом…») и его действиями побудило меня

вспомнить, что брат несколько лет в 90-х годах отказывался от моего предложения написать вместе с ним на примере его жизненных впечатлений книгу о подковерной борьбе и подсидках, запрещенных приемах, закулисных интригах и финансовых махинациях в нашем отечественном профессиональном спорте на примере постсоветского фехтования.

Я возвращался к этому своему предложению каждый год. Последний раз, за полтора месяца до инсульта, Марк сказал:

– Настрочить такую книгу – значит плюнуть в прошлое.

– При чем тут это? Мы просто расскажем честно…

– Да? – с иронией спросил Марк и отвернулся.

Кроме меня, ему предлагал написать о нем книгу Валерий Штейнбах, талантливый и глубокий литератор – исследователь спорта высших достижений.

Марку предлагали написать книгу о нем множество спортивных журналистов.

Он отказывался и терпеливо повторял:

– Я навидался… Но… не плюну в прошлое.

Мне он пояснил (за несколько недель до потери сознания):

– Сделать нормальную книгу о спорте невозможно. Нормальной я считаю работу, которая не скрывает изнанку нашего спорта высших достижений. Я видел лицевую сторону олимпийского спорта и его изнанку крупным планом. Не договаривать нет смысла. А говорить правду в полном объеме… Я никогда не хотел, чтобы, пока я жив, с моих слов вышла книга о том, например, какими способами наши спортсмены и тренеры увеличивали в двадцатом веке свое благосостояние…

– Могу тебе сказать не для книги, – повторил однажды Марк, – пока я жив… а там, что хочешь, то и делай. Представь себя на месте старшего тренера страны перед поездкой на международный турнир. Вот тебе конкретный разговор тренера и спортсмена, который пробивается и не может пробиться в поездку. Ты приватно говоришь спортсмену: «Я тебя включу в международный турнир на выезд за рубеж, а ты мне отдашь свою валюту». С этого момента мы начали полоскать с тобой грязное белье! Ради чего, спрашивается? Разве только из-за того, что без полоскания белье так и останется грязным. А после промывки?.. Хорошо, мы, предположим, продолжаем разоблачать прошлое…

– А может, и настоящее? – спросил я.

– Нет! – решительно сказал Марк. – Для настоящего придет свое время. «Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе». Н. А. Некрасов, – хмуро улыбнулся брат. И продолжал: – Варианты сделки бывают разные: например, по результатам прикидок боец не попадает в сборную. Тем не

менее его берут запасным номером, и он едет с основным составом команды. Только идиот не догадается, что при победе команды балласт (его в нашей среде кличут «пассажир») получает наравне со всеми главными действующими лицами огромную премию и звание заслуженного мастера спорта. Звание ему оставят, а премию себе заберет тот спортивный вип-деятель, который протолкнул «пассажира» в поездку… Ну, ладно, продолжим патолого-анатомическое и «патоаналитическое» вскрытие. Теперь я скажу и вовсе запрещенку – специально для того, чтобы, когда и если ты после моей смерти будешь цитировать наш разговор, редактор, главный редактор и генеральный директор издательства трижды выкинули мои слова из книги.

Сначала скажу нечто вполне благопристойное. Во второй половине двадцатого века множество наших спортсменов завоевывали золотые медали не столько ради материальных благ (эти блага – деньги, квартиры, машины – были в сопоставлении с сегодняшними сравнительно скромны), сколько ради личного престижа, неразрывно связанного с престижем страны. Тогда принимали всерьез ныне осмеянное понятие «трудиться во благо Отечества».

А теперь главное, ради чего я «начал заживо»: патриоты тоже хотели кушать и кормить своих жен и детей. Наконец, они хотели кормить свои команды. А жили бойцы и тренеры, как правило, так, что Эвери Брендедж публично назвал их «бедными русскими ребятами». Напомню тебе, что Брендедж с 1952 по 1972 год был президентом МОК.

Так вот шли 60-е – 70-е – 80-е годы. И, конечно, тренеры и руководители делегаций пускались на уловки, чтобы как-то обеспечить и свою жизнь, и жизнь команды – манипулировали командировочными деньгами.

– Давай уж говори до конца, – сказал я.

– Смотри. Как главный тренер и руководитель делегации ты распоряжаешься средствами, которые отпущены на гостиницу, на автобус для команды, на то, на се, на пятое, на десятое. На какое мошенничество совершенно сознательно ты идешь? Например, оформляешь квитанцию на автобус, даешь шоферу пятьдесят долларов, а там на автобус – сто пятьдесят долларов, значит, сто долларов остаются у тебя в руке. Так же можно в гостинице сделать – поселить в пристойные, не тесные комфортабельные комнаты не по одному, а вдвоем. Есть люди – и их немало, – которые предпочитают иметь соседа по просторному номеру, не жить одному. Вдвоем для них психологически комфортней. А оформить можно каждому отдельный апартамент. Бутылку водки,

банку икры тому, кто оформляет, и он выпишет все, что хочешь…

Кто-то из руководителей команд мошенничал для себя и для ближайшего окружения. Кто-то делился с командой. Чтобы вовсе не делились, такого не припомню. Любому руководителю делегации нужно привезти домой победу своей команды. Или ты хочешь вернуться с проигрышем и с жалобами команды в «вышестоящие органы» на то, что ты вор?

Черная полоса, но так добывались и наши победы. Как сказала матушка Анна Андреевна Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы…»

То, чего я коснулся, – пустяки по сравнению… В спорте высших достижений крутятся миллионы и вершатся судьбы. А ты: «Книга разоблачений»!..

Еще одна тема разговора, запрещенная братом, – конфликт с подопечными.

Абсолютное вето. Он нарушил собственное свое табу один раз. Но об этом позже.

Чтобы понять, в чем дело, и продвинуться в понимании характера моего брата, я спросил Дода Тышлера как давнишнего друга Марка:

– Что за причины стоят за столкновениями Марка с учениками?

Ответ Тышлера я записал на диктофон, воспроизвожу запись:

– Когда Советский Союз прекратил свое существование, Марка назначили старшим тренером. Он сумел сколотить из молодых ребят – Шевченко, Мамедов, Ибрагимов… команду. Бойцы с его тяжелой руки стали олимпийскими чемпионами.

Это был 96-й год. Олимпиада в Атланте. После нее – денег, зарплаты сколько-нибудь пристойной нет. Марк резко сократил свои уроки. Да и ребята стали плохо тренироваться. Искали где заработать.

Марк был практиком. Притом максималистом. Он решил создавать новую команду. С этой он ничего не выиграет. Зачем нужна «артель напрасный труд»! Бойцы возмутились и обиделись. Возник конфликт. Расхождение оказалось серьезным. Оно длилось годы. Возможно, продолжалось бы и сейчас… Он переживал… Они здоровались, они уважали его, они становились стеной, если кто-то плохо говорил о Мидлере: не сметь – это наш учитель. И на этом все кончалось. Не общались.

– В какой-то мере они тренировались у Марка? – спросил я. – Остались его учениками?

– Де-юре. Де-факто тренировки не достигали и полнакала. При полном накале, может быть, они выигрывали бы первые

места. В Сиднее Шевченко на Олимпийских играх завоевал третье место, проиграв первому один укол. Это был 2000 год.

– Значит, он, не будучи, как ты сказал, де-факто учеником Марка…

– Нет, я, видимо, неточно сформулировал: он был подопечным и считался учеником. Он премию получил. А к себе не подпускал. Юридически было записано – Мидлер. Но формальное и реальное не совпадали… Не знаю, кто здесь прав – не прав. Работать бесплатно очень тяжело. Не все умеют работать бесплатно.

– Марк работал?

– Ну, это же Марк. Конечно, работал. За год до этого первенство мира было в Корее, в Сеуле, 99-й год. Отношения с ребятами плохие. Никакие. А он старший тренер и везет их на первенство мира. И в полуфинале команда Кореи, дома у них – как судить будут? Я сажусь рядом с Марком. Он жалуется: «Тухлая команда, они не слушаются, не тренировались». Я говорю: «Зачем ты так? Они хорошо дерутся, они с опытом, со стажем». – «У корейцев не выиграют». – «Потому что ты неправильно себя со своими бойцами ведешь, оставляешь бойцам ощущение конфликта. Они чувствуют его и у тебя, и у себя и видят следы ваших взаимных обид. Но ты же умеешь управлять людьми. Сядь еще ближе к дорожке на стульчик, возьми протокол, как будто ведешь запись боя. В какой-то момент схватки крикни своему: «Давай!» И он забудет обоюдные ваши огорчения и сосредоточится на фехтовании. И ты придумаешь что-нибудь бодрое и отвлекающее с другими… Вы победите корейцев, потому что твои гладиаторы по классу и опыту выше. Но бойцам нужна положительная твоя энергетика. Не отнимай у них твою часть их успеха». Чем кончилось? Люди Мидлера с разгромным счетом – 9:2 – выиграли.

Дод вздохнул и после паузы продолжил:

– Казалось бы, всё хорошо. Но дело в том, что отношения Марка с подопечными после общих (его и их) побед по возвращении в Москву становились все хуже. К этому особенно подтолкнуло то, что нашелся богатый человек, которому удалось убедить Марка давать частные платные уроки. Жена этого человека была по фехтованию примерно пятнадцатая в стране, красивая, способная, складная… Муж пошел к Марку: «Я плачу тебе, потренируй, чтобы Бела в команду попала». Я понимаю Марка, у него были материальные проблемы… Но что произошло? Ученики видят, что тренер тратит значительную часть времени на ученицу, которая пришла со стороны. Они – подопечные – становятся бесхозными. Унесенными ветром…

Ребята окончательно обиделись. Марк на Олимпиаде сидел со мной среди зрителей и не подходил к команде…

Тут непонятно главное: что лежит в основе конфликта? Ответ на этот вопрос дал бы мне возможность приблизиться к пониманию характера брата, его установок и реакций. Живя с ним рядом много лет, приглядываясь к нему с детства, я не мог принять всерьез предположение, что причиной причин его конфликтов, в частности, с учениками, являются страсти вокруг поездок, премий и денег…

Мне нужно было проконсультироваться с человеком, который анализировал историю и психологию спорта высших достижений на его переходе от советского к постсоветскому периоду. Я посоветовался с давним знакомым Марка, доктором исторических наук, профессором Валерием Штейнбахом, автором и издателем множества книг и статей (в том числе по фехтованию), исследователем эволюции Большого спорта.

Предлагаю фрагмент беседы:

– Что было за занавесом спорта высших достижений? Как определить разницу между тем спортом и нынешним? Из-за чего чаще всего бывал и бывает конфликт между тренером и спортсменом?

В. ШТЕЙНБАХ: Раньше когда-нибудь вы слышали, чтобы заранее государство объявляло, какие будут премиальные за выигрыш золотой олимпийской медали? Сколько будет за серебро. За бронзу. Раньше люди также потом и кровью отвоевывали победы. Ничего в этом смысле не изменилось. Но большинство известных мне чемпионов не говорили о том, какие деньги они заработали в итоге. Престижем было другое… А может, стеснялись малости воздаяния. Сегодня не конфузятся. Заявляют, не оглядываясь по сторонам: «Я за это столько-то получил». Поднялась оплата достижений – изменилась психология спортсмена.

– А его свобода от государства увеличилась? Ведь они были, как рабы на галерах?

В. ШТЕЙНБАХ: Сейчас они высокооплачиваемые гладиаторы. Разве можно сравнить, сколько человек получил за Олимпиаду 52-го или 56-го годов (например, за бронзовую медаль) и сколько он получил за такую же бронзовую медаль на Олимпиаде в Сочи! Порядок цифр абсолютно другой. Сейчас это миллионы рублей. В спортивных энциклопедиях мы стали писать: «специальность – профессиональный спортсмен». Раньше профессионалы числились «студентами», «преподавателями», «военнослужащими»… Теперь – конец трагикомедии.

Современный спорт – тяжелая и опасная, но высокооплачиваемая профессиональная работа.

Валерий Львович не стал из своего тезиса делать вывод о том, что фундаментом конфликтов тренера и учеников была переломная экономическая ситуация в спорте высших достижений – переход Большого спорта к большим деньгам в руках относительно большого количества спортсменов и множества «среднеуровневых» спортивных руководителей. Со всеми вытекающими из этого соблазнами и противостояниями, доходящими до того в нашем случае, что учитель фехтования (Мидлер) и ученик (Шевченко), приходя на тренировку, друг с другом годами (!) не здоровались.

* * *

Фрагмент интервью Елены Гришиной, взятого у Марка:

М. МИДЛЕР: Я тебе расскажу, как я Шевченко готовил к Олимпиаде. 1996 год. Мы перед Атлантой. Он на меня обиделся. Проходит мимо моего номера. Я открываю дверь – он не здоровается. Он меня будто бы и не знает. Я ему: «Дима, давай на урок». Он мне: «Я не буду брать». Это детский суицид называется. Это когда дети делают себе плохо, чтобы родителям было больно.

Е. ГРИШИНА: Назло бабушке отморожу уши.

М. МИДЛЕР: Верно. Вот это Шевченко. Он саботировал работу. Тогда я попросил Сашку Можаева, потому что Дима со мной не хотел разговаривать. Я ему говорю: «Саша, ты начальник ЦСКА, скажи Диме, что к чему, объясни».

Е. ГРИШИНА: Ну, конечно, Олимпийские игры, в конце концов!

М. МИДЛЕР: А я проходил мимо и случайно слышал конец разговора. Это в Чертаново, там, где эти занавеси висят. Они за занавеской стояли, а я проходил мимо и слышал. Шевченко говорит Можаеву: «Нет, я не буду этого делать, это в интересах Мидлера». А какие другие интересы у меня могут быть, когда мой интерес, чтобы он выиграл. Он проиграет, мне будет плохо – тогда он кайф получит. Вот характер у Димы!

А как я его готовил к Олимпиаде: ты сейчас умрешь от смеха. Я-то знал, что надо делать. Но он не хотел. Тогда я жил в первом номере от края в Новогорске. Захожу в соседний номер, во второй, там жили Клюшин и Пресс, и говорю: «Ребята, я вам дам список боевых действий, приемов, которые надо передать Шевченко на правшу и на левшу. А вы как будто сами скажите: «Ну, попробуй, сделай это». Найдем двух спарринг-партнеров». Я

нашел им Егорова и какого-то левшу еще, я не помню. Чтобы был и правый, и левый. И они его позвали. Ну, с ними он был нормально. Они вроде нейтральные. И они ему начали давать это задание. И он начал делать. Вот так он тренировался к Олимпиаде.

Е. ГРИШИНА: С ума сойти!

М. МИДЛЕР: И то на третье место вышел!.. Им мало того, что я вырастил из них великих спортсменов и чемпионов мира и Олимпийских игр? Недостаточно?!

Конфликты сопровождали Марка и с коллегами-тренерами, поскольку борьба каждого тренера за продвижение своих учеников была не только открытая, честная, по результатам, но и «подковерная». (Из выдающихся грандов самое яркое исключение составлял, пожалуй, Аркадьев, который не только никогда не участвовал ни в каких интригах, но в самые ответственные, напряженные и спорные моменты боя своего ученика садился в дальний угол зала, а в еще более острые моменты уходил из зала).

Что бы ни говорили о брате, он не тяготел к интригам, но, в отличие от Виталия Андреевича, не поворачивался к ним спиной. Поскольку Марк как капитан сборной команды Советского Союза по рапире, а позднее – как старший тренер этой команды, отвечал за результат ее выступлений, он, рискуя своей карьерой, отметал попытки тренеров «внедрить» в состав лучших рапиристов страны бойцов, которые, по компетентному заключению Марка, ослабили бы команду.

Он боролся за себя, поездки за рубеж и награды, за премии и звания, за валюту и за рубли, за учеников и в первую – главную – очередь за свою страну. Марк был опасен и на боевой дорожке, и в сражениях в кулуарах, и в силу своего жесткого характера, и из-за язвительного языка. Он был, что называется, «не свой» и к тому же объективно по личным и командным спортивным результатам, по победам учеников на международных турнирах, по авторитетности, уму, опыту мог успешно претендовать на звание главного тренера сборной СССР и на должность президента Федерации фехтования страны.

Марк боролся с превосходящими силами противника. Ученики не оставались в стороне, но по описанным выше причинам не всегда оказывались по одну сторону баррикад.

* * *

Из воспоминаний ученика Мидлера Ильгара Мамедова.

Мамедов – главный тренер сборной России по фехтованию, заслуженный мастер спорта СССР, участник четырех Олимпиад, двукратный олимпийский чемпион в команде, чемпион мира 1989 года в команде, серебряный призер чемпионата мира 1995 года, четырехкратный обладатель Кубка Европы, многократный призер и чемпион СССР и России, обладатель Кубков СССР и России.

«В конце 1998 года вновь начальство Федерации захотело избавиться от Мидлера. Вызвали его учеников. Не пригласили самого Марка Петровича. Было очевидно: руководство собралось договориться с учениками о том, что у них будет другой тренер. Для этого побудить учеников к тому, чтобы они сказали что-нибудь негативное о своем тренере. Неважно что. Важно, чтобы отстранить Марка Петровича и от негатива перейти к другому тренеру.

Двое из нас – я не буду называть фамилий, они известны всему фехтовальному сообществу – кое-как согласились тренироваться не у Мидлера. Третий сказал, что он ни за, ни против. «Если кто-то поднимет рапиру до уровня, на котором нас тренирует Мидлер, то я, – сказал этот третий ученик, – не буду возражать против перехода к такому тренеру».

Я выступил последним, как если бы был уполномочен всеми приглашенными: «Мы не пойдем ни под Иванова, ни под Петрова, ни под Сидорова. Все, что мы имеем, мы получили от Марка Петровича. По своему уровню он тренер такого класса, что фехтовальщик, который хочет иметь международный успех, при прочих равных будет тренироваться только у Мидлера».

Закончил Ильгар свой рассказ так: «Этот текст радости у руководителей Федерации не вызвал…»

* * *

В январе 2011 года в преддверии восьмидесятилетия Марка спортивный журналист задал ему в интервью традиционный вопрос:

– Встречая Новый год, за что подняли бокал?

– За семью, за детей, – ответил Марк. – Получается – и за учеников, они же мои фехтовальные дети.

Когда я упомянул об этом жене Марка, Люся с поразившей меня горькой улыбкой сказала: «Он любит своих учеников больше, чем своих детей!» Интонация и выражение лица Люси исключали сомнения в ее искренности.

Потом я говорил с обоими детьми брата – с Сашей и с

Вадимом. Тот и другой утверждали, что не были обделены любовью отца.

Тогда как же в действительности относился Марк к своим подопечным, которых беспощадно тренировал и которых немилосердно третировал?!

Глава седьмая. Дать в морду? Или воздержаться?

Это было в сентябре 2004 года.

Руководство 234-й московской школы, где Марк учился, сразу после Олимпийских игр в Афинах (они закончились 29 августа) пригласило брата провести со старшеклассниками своего рода «мастер-класс».

Я сопровождал Марка в качестве его спарринг-партнера для демонстрации фехтовальных приемов.

Школьный спортзал был на ремонте, поэтому четыре девятых класса, человек, наверное, семьдесят, сидели в креслах актового зала и человек пятнадцать – ближе к сцене на полу перед сценой, не отделенной от зала ничем, кроме занавеса, за которым мы с Марком переоделись в фехтовальные костюмы.

Перед школьниками завуч Елена Леонидовна – на вид, по-моему, лет двадцати пяти, кареглазая, необыкновенно симпатичная, вопреки грозно сдвинутым бровям.

– Друзья мои, хочу представить вам бывшего ученика нашей школы, Марка Петровича Мидлера – двукратного олимпийского чемпиона по фехтованию, многократного чемпиона Советского Союза, России и мира, заслуженного тренера СССР и России. Давайте встретим Марка Петровича и его младшего брата, мастера спорта по рапире Александра Мидлера! – сказала Елена Леонидовна (выражение милого ее лица и голос сохраняли оттенок угрозы).

Зрители нестройно захлопали.

Мы вышли и отсалютовали залу и друг другу. Марк опустил рапиру и повернулся к школьникам:

– Это фехтовальное приветствие. Его придумали испанские мушкетеры за двести лет до того, как 16 ноября 1613 года в Южной Франции, в Гаскони, в старинном замке, который сохранился до сих пор, родился Шарль де Бац Кастельмор, граф д'Артаньян. Как вы знаете, он существовал реально… Но я хотел бы поговорить о различии между мушкетерами тех времен и современным фехтовальным спортом, о том, что из целей фехтования исчезло то, что было самым главным для д'Артаньяна – мотив защиты личной чести.

– Честь, с чем это есть? – улыбнулся сидевший ближе всех к нам вихрастый подросток.

Марк наклонился к нему:

– Привет. Как тебя зовут?

– Лукин я, Сережа. Сергей Лукин.

– Лук он, ботан он! – крик из зала, смех.

– Лукин, что ты сделаешь, – обратился к нему Марк, – если тебе сегодня при выходе из школы дадут по лицу?

Лукин открыл рот и… постучал пальцами по передним зубам.

– Закрой рот, Серый! – крик из задних рядов. – А теперь отвечай!

Марк в зал:

– Драться? Отступать? Кричать?

– Отвечу тем же! – кто-то из зала.

– Да, – согласился Серый-ботан, – врежу!

– А если их двое, трое или группа?

Из зала:

– Покинуть поле брани. Огородами и к Котовскому.

Марк:

– Бежать, струсить?

– А чего еще?

Из зала:

– Биться до последнего!

– Звать на помощь!

Марк:

– А если никто не услышит, или опоздает, или не захочет прийти… терять время, рисковать?..

Зал зашумел предложениями… Потом стал стихать. Ждали, что скажет гость.

Марк стал в стойку и сделал несколько фехтовальных шагов в зал.

Сидевшие на полу наблюдали. Сидевшие в креслах поднялись, чтобы лучше видеть.

Марк вернулся как ни в чем не бывало из стойки и продолжал:

– Вопрос стоит шире: как быть с обидами и оскорблениями, которые сыплются на нас каждый день? За дело и за так, оправданно и не очень. От чужих и своих, от родных и близких, мужчин и женщин, старых и малых, – Марк говорил все быстрей. – От подростков и пенсионеров, от учителей и учеников, от начальства и коллег, друзей и соперников, подруг и врагов, знакомых и незнакомых?..

Зрители молчали. На лицах многих я видел недоумение. Что действительно делать?

– Каждое утро, – размышлял брат (что было странно в фехтовальной куртке и с рапирой в руке), – я желаю себе, чтобы в течение дня и вечера мне не двинули по морде в прямом или переносном смысле. Не то чтобы чувствовал, что заслуживаю,

просто всегда есть шанс быть униженным и оскорбленным… Ударом на удар? – задумчиво продолжал Марк. – Рискуешь здоровьем. Не отвечать – тоже рисковать здоровьем, так как будешь переживать, что не подрался.

Головы поворачивались за Марком.

– Так что же нам делать с личным достоинством? – обратился брат к аудитории, на этот раз словно лектор (что могло показаться совсем нелепым с маской в левой руке и боевой перчаткой на правой). – У вас есть какие-нибудь идеи или хотя бы предложения?

Зал молчал. О ближайшее окно яростно билась муха.

– Может, подскажет мировая история и история России? Самое удивительное, – Марк ходил по залу вдоль сидящих ребят; перебежали с последних рядов кресел и уселись на полу, – что личного достоинства, то есть того в нас, что можно обидеть и даже оскорбить, унизить, долго не было вообще. Кажется, и сейчас личное достоинство – как и честь – не у всех прощупывается. А есть люди, для которых отсутствие чести вообще не проблема. Пустой звук. Дадут по лицу, тогда и будем думать. А так, чего зря волноваться? Может, и не дадут!..

Марк неторопливо подошел к окну и, аккуратно положив рапиру на подоконник, выпустил муху в теплый от солнца сентябрьский школьный двор.

– В принципе вам может повезти, и вы будете жить во время, когда вашу честь унизить никто не сможет. Разве только иностранцы… Поясню: великий римский оратор Марк Туллий Цицерон и полководец консул Антоний более двух тысяч лет назад публично оскорбили друг друга. Ни тот, ни другой не дрались – унижение было словесным. Цицерон обратился к слушателям, к римским сенаторам, и сказал: «До каких же пор мы будем терпеть Антония?! Вчера этот человек в абсолютно голом виде бегал по улицам Рима. Смущал порядочных женщин!» Сказал и сел.

Мне со стороны показалось немного странным, что слушателям Марка – не всем ребятам знакомы имена и далекая ситуация – это выступление не навеяло скуку. Зал внимательно слушал, вероятно, пытаясь понять, что от них хочет гость.

Марк продолжал:

– Антоний поднялся и в ответ: «Все вранье, а если ты, Цицерон, как я вижу, надеваешь непомерно длинную тогу, так это не потому, что это модно, а потому, что у тебя безобразные, волосатые и кривые ноги». И сел. А что было дальше? Ну, кто скажет?

– Драка! – кто-то с пола.

Сережа:

– Цицерон врезал Антонию!

– Да нет же! Дальше случилось нечто удивительное. А именно – ничего не случилось. Ни консул Антоний, ни сенатор Цицерон – никто из римлян никому из римлян ни словесно, ни кулаками, ни оружием не врезал в защиту собственного достоинства! Вот если бы Цицерона оскорбил, скажем, гражданин Спарты, то, как гражданин Рима, Цицерон немедленно вызвал бы оскорбителя на поединок. Но «свой своего» оскорбить не мог – это не почиталось в Древней Греции и Риме оскорблением. Достоинство в те времена было преимущественно достоинством полиса, города, государства, республики, чьим гражданином ты был… Прошло несколько столетий. Примерно в V веке нашей эры наступило время, когда люди почувствовали, что кроме чести родины – надо заботиться о личном достоинстве. Честь стала требовать защиты не только от иностранца, но и от своего соотечественника… Появился обычай дуэли. Но какой? Полагалось вызывать обидчика или того, кто тебя оскорбил, на поединок и убивать его перед лицом судей. Этот поединок отличался от современного тем… кто скажет?

– Тем, что чаще всего победа в суде посвящалась Прекрасной Девушке, – прогудел из заднего ряда бас.

«Сзади сидит преподаватель?» – подумал я.

– Не Прекрасной Девушке посвящалось, Петр Фомич, а Прекрасной Даме, – раздался из средних рядов чей-то восторженный девичий писк.

В зале оживились, задвигались.

– А главное для нашей проблемы: считалось, что победитель потому победил, что честен, – продолжал Марк. – А кто погиб, того Господь – поэтому суд и назывался Божий Суд – и назначил быть убитым как Бесчестного. Как человека, не имеющего Чести. Тяжесть полученных и нанесенных тобой противнику ран и увечий определяла меру твоего личного достоинства и степень твоей честности и бесчестности. Соответственно, сами поединки стали называться поединками чести… И вот мы приближаемся к нашим столетиям. Со временем людей, чувствительных к вопросам чести, становилось все больше. С пятнадцатого по двадцатый век не десятки рыцарей, как бывало в Средние века, а тысячи и тысячи дворян сознательно искали поводы для поединков. Появились профессиональные соискатели и поборники личного достоинства. Самый известный из них – наш соотечественник Михаил Лунин – подходил к незнакомому человеку и говорил примерно так: «Милостивый государь! Вы сказали то-то и то-то». – «Милостивый государь, я вам ничего не

говорил». – «Как? Вы утверждаете, что я солгал?» Дуэль готова.

Теперь вплотную к нашему времени – двадцатый и двадцать первый век. В Советском Союзе гораздо более важное значение, чем оскорбление личности, имели для большинства людей в стране честь коллектива: партии, комсомольская, пионерская, честь предприятия, воинская честь… В 70-е годы ваши отцы обернулись и увидели… нет на свете никакой Чести. На экраны выходит картина кинорежиссера Марлена Хуциева «Июльский дождь». Кто видел?

Зал молчит. Преподаватель молчит.

– Отличное кино, советую посмотреть. Так в этом фильме герой замечает: «В наше время после того, как один другому сделал подлость, противники встречаются и спрашивают друг друга: «Ну, как дела, старик? – Спасибо, ничего. А у тебя как? – У меня тоже в порядке. – Ну, я тебя поздравляю, привет». Как сказал современный поэт:

И честь вымирает, как парусный флот,
И рыба в каналах вверх брюхом гниет.

Я застоялся, мне было холодно и, главное, непонятно, зачем я здесь во всем фехтовальном снаряжении с маской в одной руке и рапирой – в другой… К чему эта лекция на мастер-классе?

Бросив на меня взгляд и вновь обратившись к залу, Марк сказал:

– Почему ближе к концу двадцатого века в наших судах появились тысячи дел о защите чести и достоинства? Кто знает? И кто скажет, отчего эти процессы кончаются только штрафом? Вас устроит, что вам одной рукой дали по лицу, а другой рукой протянули деньги? Смотря, как ударили, и смотря, сколько заплатили?

Марк подождал с ответом. В зале хихикнули и смолкли. Аудитория вконец притихла.

– Я и сам не знаю ответ, – сказал Марк, – могу высказать только предположение.

Задние ряды навалились на впередисидящих, и те подвинулись ближе к нам.

– Потому что, – сказал Марк и, перебросив рапиру в другую руку, сжал правую ладонь и поднял одетый в перчатку в кулак, – потому что индивидуальное наше достоинство, личная наша Честь постепенно, не торопясь, возвращается к нам из отдаленного прошлого, а отношение государства нашего к личному достоинству человека, к его чести еще не определилось.

Марк опустил кулак и продолжил:

– Пока мы сидим здесь, что происходит по судебному приговору? По приговору суда оскорбитель откупается от оскорбленного деньгами, как будто такой приговор и штраф восстанавливают вашу честь. Вы спросите, какое это имеет отношение к фехтованию? Фехтование – это спорт, в котором издавна развивали у человека физическое совершенство, техническое мастерство, тактический талант, стратегическую мудрость, честь и благородство.

Марк вновь подошел к окну и растворил его шире. В зал проник городской шум. Несколько человек обернулись. На их лицах отразились досада, раздражение, как бы защитная реакция от шума.

Это, видимо, устроило брата. Он улыбался.

– Лучшим фехтовальщиком в мире можно стать и не зная всего, что я рассказал. И, вероятно, вы ждали, чтобы я продемонстрировал, каким ударом д'Артаньян убивал людей, и научил вас этому приему. Но, – Марк снова вернулся на сцену и, продолжая говорить, сделал выпад в мою сторону, – я хочу показать вам истоки фехтования и его духовную подоплеку, чтобы вы, вооружившись рапирой, шпагой или саблей, пусть даже спортивной, поняли, что, может быть, даже бессознательно, включились в одну из многовековых проблем…

Теперь Марк повернулся лицом к залу и, сделав прыжок и выпад, оказался почти вплотную к Серому-ботану.

– Сколько стоит врезать тебе по морде?

– Наедине? – деловито заинтересовался Сергей.

– При всех! – твердо сказал фехтовальщик и поднялся с выпада. Теперь брат стоял в шаге от Серого.

– Нисколько! – у «ботана» покраснела шея.

– Врежешь? – отступил Марк. – Значит, выход все-таки бой?.. Но красивый. Типа того, что мы видим в кино. Однако такое элегантное показательное отстаивание своей чести, личного своего достоинства реально главным образом для людей здоровых, не очень пожилых и – для лиц, специально подготовленных. Притом, если ты боксер, каратист или какой бы то ни было другой профессионал поединка, твои возможности суд квалифицирует как применение холодного оружия. В конце концов, надо суметь треснуть обидчика умеренно, нежно и обходительно, так, чтобы тебе в суде не инкриминировали превышение мер самообороны и не впаяли бы приличный срок. С другой стороны, если ты его не уложишь, он может уложить тебя… Нет, в открытую мордобой нам не подходит. А что подходит? Каким образом не уронить себя до ничтожности, не превратиться в подследственного, в хама, в жертву? И как сберечь

свою честь от публичного обсуждения на суде, что, по-моему, несовместимо с личным достоинством? Сегодня за честь и достоинство судятся каждый день. Выкупают и то, и другое. Хорошо, когда заплатят. А то и вовсе бесплатно оскорбляют. А иногда даже оскорбят и с тебя же деньги возьмут.

Что изменилось по сравнению с тем прошлым, о котором я вам рассказал? Расхожей стала формула, по которой оскорбленный говорит тому, кто его унизил: «Вообще-то такое оскорбление смывается кровью, но я готов взять деньгами».

Раздались неуверенные смешки, и зал притих.

С минуту Марк не нарушал молчания. Затем повернулся ко мне:

– Восемь защит!

Мы приняли фехтовальные стойки, и брат в замедленном темпе провел восемь атак подряд простым выпадом, я показал восемь защит, принятых в классическом фехтовании.

Обернувшись к залу, Марк сказал:

– Ни одна из защит не гарантирует от укола. От этого не спасает и комбинация защит, – и брат провел несколько небыстрых (чтоб зрители успели рассмотреть) атак, каждая из которых заканчивалась уколом, как я ни пытался обороняться.

– Ни одна из атак не гарантирует укола.

Марк кивнул мне, и я провел комбинацию из четырех атак. Брат не сделал ни шагу назад, я завяз в его защитах и получил в грудь молниеносный рипост…

– Невооруженный фехтовальщик почти так же опасен, как вооруженный, поскольку этот вид спорта развивает чувство боя, силу, неутомимость, гибкость, реакцию и интеллект и делает клинок в руке фехтовальщика реактивным снарядом, который с взрывным убыстрением летит к цели. И получается, что фехтование – это профилактика угроз, с которыми вы сталкиваетесь. Поэтому рекомендую, – продолжал Марк, – во-первых, быть искусно подготовленным к поединку, ведь не случайно фехтование по традиции называют искусством. Во-вторых, не вступать в бой без того, чтобы использовать и другие, кроме металла, способы защитить достоинство и честь. Первый вариант: Александр Васильевич Суворов приехал в отпуск к своей семье в Полтаву. Здесь он поссорился с генералом Нащокиным, который был известен своей вспыльчивостью. После взаимных оскорблений Нащокин дал генералиссимусу по лицу… Суворов вызывать наглого генерала на поединок не стал. Прошло несколько месяцев, и тот же Нащокин вновь влепил Александру Васильевичу пощечину. Тем не менее Суворов не только не прислал к наглецу секундантов, но при дальнейших встречах с

Нащокиным каждый раз бежал от него и кричал: «А ну его к черту, он дерется!»

Марк обвел взглядом зал и остановился опять на «ботане»:

– Это рекомендация номер один. Она предназначена для человека, который не побоится при защите личного достоинства показаться трусом. Или шутом.

Сергей:

– А я чего-то не врубаюсь, Марк Петрович. Почему Суворов не стал защищаться?

– Потому что он был абсолютно смелым! – подсказал бас из последнего ряда.

– Правильно, Петр Фомич! – сказал Марк. – Суворов был необыкновенно смел. Получил семь ранений, так как при отступлении своей армии под угрозой превосходящих сил противника шел один в контратаку со шпагой в руке, и солдаты поворачивали и бежали за ним на врага. После того как он, вооруженный шпагой, бросился впереди своих полков на штурм неприступной турецкой крепости Туртукай – и они сумели завоевать ее, Суворов был приговорен военным судом к смертной казни. За то, что пошел сам и повел других на штурм без согласования с начальством. Александра Васильевича спасла императрица Екатерина Великая. Она сказала: «Победителей не судят» и отменила смертный приговор.

Таким образом, способ номер один: будьте, как Суворов. Имейте репутацию смельчака и вы можете спокойно подставляться под пощечины. Или бегать от обидчика. Вам не понадобится, чтобы защитить свою честь, ни рапиры, ни шпаги. При любом вашем решении – драться или нет – многие вас примут за чудака, но мало кто посмеет считать вас человеком без личного достоинства… Эта модель поведения годится для героя, который не только необыкновенно храбр, но и независим от мнения окружающих. Словно он святой. Суворова, между прочим, и предлагали причислить к лику святых.

Второй вариант защиты личного достоинства – опустить «противника» словесно, но без бегства и без рукоприкладства – лучше всего поставить оскорбителя в беспомощно позорное положение. Однажды на параде у юного тогда Ермолова, который был еще только командиром батареи, сбилась с шагу лошадь. Командовавший парадом граф Аракчеев через весь плац перед всем строем высокомерно и громко заявил Ермолову: «С лошадьми обращаться не умеете!» На это Ермолов: «Такая наша судьба, ваше сиятельство, вечно терпеть от скотов». Строй задохнулся от хохота. Лицо Аракчеева покрылось пятнами, он стремительно повернулся и почти бегом покинул площадь. Ну, и,

конечно, граф посылал потом Ермолова в самые кровопролитные военные кампании. Но Ермолов и сам стремился к опасности. А что касается его чести, она была абсолютно спасена и предстала окружающим как безупречная победительница. Ермоловский метод защиты личного достоинства существует. Это – остроумно замаскированная словесная контратака, которая ставит противную сторону в беспомощное и беззащитное положение.

Марк выждал с минуту, пока в зале не стал стихать обмен мнениями.

– Третий вариант – пропустить унижение, как если бы его не было, проигнорировать. «Собака лает, ветер носит». Метод безмолвного ухода от оскорбления иногда хорош. Его недостаток в том, что наша реакция легко принимается за нашу тупость, а чаще за трусость…

Четвертый вариант – защита личного достоинства путем аргументированного отказа от защиты чести. Беря за основу прагматическую жизненную философию, человек полагает, что лучше жить настоящим трусом, не играть, как притворялся Суворов, а реально быть трусом, у которого нет никакой чести, нежели тем, кто обладает высоким личным достоинством, но мертв. Помните, как один герой Шекспира – Фальстаф – говорит: «У меня нет охоты отдавать жизнь раньше времени… Что такое честь? Слово. Что заключено в этом слове? Воздух. Кто обладает честью? Тот, кто умер. А он чувствует ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неощутима? Для мертвого – неощутима. Но, быть может, она будет жить среди живых? Нет. Вот почему честь мне не нужна. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом». Таким образом, вы защищаете свое личное достоинство тем, что – с честью или без – остаетесь живы. И со спокойной душой радуетесь жизни. Тебе дали в лицо, а ты обтерся и пошел на дискотеку.

С дальнего края третьего ряда раздался чей-то протестующий тенор. Текст невнятный. Ясно было только, что говоривший не согласен…

Брат подождал.

– Дополнительные варианты спасения личного достоинства. Самые неожиданные. Первый: ты спасаешь честь того… кто тебя оскорбил. Таким образом, ты избавляешься от угрозы твоему достоинству. Поясню: однажды некий житель древних Афин счел, что его унизил и оскорбил Сократ. Оскорбленный, уязвленный афинянин в ярости заявил философу: «Пусть я умру, если не отомщу тебе». Сократ ответил: «Пусть я умру, если из тебя не сделаю друга». Сделать из врага, нанесшего тебе оскорбление, настоящего друга, – по-моему, это высший пилотаж. Это самый

мудрый способ восстановления личного достоинства.

Наконец, последний вариант психологического фехтования в защиту собственной чести. Представьте себя в роли какого-нибудь знаменитого спортсмена, которого на соревнованиях несправедливо засудили. Ведь есть такое понятие, как спортивная честь. Взяли и попрали его спортивную честь.

Смысл метода самозащиты состоит в том, что, когда человека «опускают», он каким-то образом встает духовно в полный рост так, что ему практически невозможно помешать. Встает в полный рост и… не идет по головам обидчиков и оскорбителей. Дает им реальный урок благородства.

Как это можно сделать без клинка в руке? Поясню на примере. На Олимпиаде 2004 года в Афинах многократному олимпийскому чемпиону по спортивной гимнастике Алексею Немову абсолютно откровенно, по сути, убийственно, словами специалистов, занизили оценку за выступление. В ряде стран это вызвало несогласие многих российских и зарубежных экспертов, наблюдавших турнир по телевидению, и, конечно, крайнее негодование всего зрительного зала. Через двадцать минут судьи повысили оценку. Но это не спасло ситуацию, Немов не завоевал заслуженную золотую медаль, хотя гимнаст безукоризненно выполнил самую сложную программу. С явным ущербом для своей профессиональной чести бесспорный фаворит турнира, Алексей не попал даже в число призеров Олимпиады. Начался скандал – зрители неистовствовали. К гимнастическому снаряду подошел следующий участник – из США, – но люди на трибунах продолжали вопить и требовать смены судей… Немов, пораженный, я бы даже сказал, потрясенный реакцией зрителей, вышел и поблагодарил их за поддержку и ушел. Зал продолжал бушевать. Немов вышел к публике вновь. Он прижал палец к губам – дал понять, что нужно вести себя тише. Вот и все. Больше он ничего не сделал. Спортсмен сохранил и, как я покажу дальше, приумножил личное достоинство, не поддавшись соблазну натравить людскую массу на судей.

Честь не часто бывает рентабельной. Но случается. Немов стал первым россиянином, который получил высшую награду «За честную игру», главный приз Fair Play. На эту награду претендовали сорок выдающихся спортсменов из двадцати шести стран мира. Присудив Fair Play россиянину, международное сообщество возвысило честь Алексея. Оно признало, что Немов поступил этически безупречно. Вывод: благородство поступка – один из самых надежных способов защитить личное достоинство.

Другое дело – победа требует тактики, а тактика требует хитрости. А благородство требует безупречной порядочности. В

том числе по отношению к противнику. Порядочность и хитрость нередко противоречат друг другу. Иногда исключают друг друга. Часто надо выбирать между хитростью, ведущей к победе, и порядочностью, которая увеличивает возможность вашего поражения. Большинство фехтовальщиков выбирают первое. Меньшинство – второе. Я для боев выбираю комбинацию первого и второго. Такую: хитрость в поединке ни при каком соблазне победы не должна становиться подлостью. А благородство в бою не должно оборачиваться тупостью… Теперь ваши вопросы и «финишная прямая» – некоторая наша фехтовальная практика.

Сначала сидели молча. Потом стали хлопать, затем вскинулись ладони.

Марк вытянул руку с рапирой.

– Вы обратили внимание, – сказал он, высоко подняв вооруженную руку, на то, что я не ответил на конкретный вопрос: как сегодня при помощи фехтования защитить свое личное достоинство и честь? И возможно ли это? Во всяком случае, не дал вам коротких и простых решений. Только поставил проблемы и дал пищу для размышлений. Смысл нашего мастер-класса состоит не в том, чтобы вы получили готовые ответы, а в том, чтобы начали думать в предложенном направлении.

Молчание, потом опять поднялись руки.

Полненькая, симпатичная девочка в очках, очень тихо, очень застенчиво:

– Марк Петрович, можно спросить? А если… а кого берут в фехтовальщики?

– Как тебя зовут?

– Ира Смольянова. А что, нельзя спросить?

– Нужно. С твоей комплекцией, Ира, и тоже в очках блистала на фехтовальных дорожках чемпионка мира Эмма Ефимова. Она изобрела неповторимый прием, названный в ее честь «крючок Ефимовой». Эмму называли «грозой чемпионов». Так что приходи и занимайся фехтованием, уверен, что тебе будет интересно. Еще вопросы?

Из зала громко:

– Покажите этот крючок, пожалуйста!

– Прием кажется несложным. У вас может даже возникнуть ощущение, что его может выполнить любой. Но… тонкость-то в том, в какой момент вы сделаете «крючок» и попадете ли в цель. Ефимова была неожиданна, внезапна, молниеносна и точна.

Марк дает мне команду «Ан гард» и показывает прием.

– Разрешите вопрос, Марк Петрович, вопрос сложный, зато глупый, – поднялся Сергей-ботан. – Если бы мировая четверка во главе с вами фехтовала против мушкетеров Атоса, Портоса,

Арамиса и д'Артаньяна, у кого больше шансов выиграть?

– Этот вопрос часто задают фехтовальщикам… Как ты думаешь, в чем отличия между человеком, который фехтует, рискуя быть раненым или убитым, и спортсменом, победа которого сводится к нанесению условных уколов условному противнику?

– Ну, думаю, что…

– За несколько сотен лет, которые прошли со времен мушкетеров, фехтовальщики забыли многие старинные приемы, но придумали множество новых. В целом, я склоняюсь к тому, что техническое превосходство было бы на стороне спортивного фехтования. Но, учитывая психологию дуэлянта, я бы не решился отдать победу спортсмену. Опасность гибели, по-моему, побуждает большинство людей особенно ценить свою жизнь и сконцентрировать все свои силы, чтобы избежать поражения. Конечно, спортсмен тоже концентрирует все силы для своей победы. Но это не сравнимо с опасностью смерти. Поэтому спортсмен-чемпион за счет блестящей техники, скорее всего, нанесет ранение мушкетеру, и, быть может, не одно. Мушкетер же, скорее, зарежет спортсмена, если тот пропустит хоть один боевой мушкетерский прием. Но, в общем-то, вопрос сложный и не такой уж и глупый, – улыбнулся Марк. – Во всяком случае, будь у меня машина времени, я бы не рвался к дуэли ни с мушкетерами, ни с гвардейцами кардинала. Лучше быть на минуточку трусом, чем на всю жизнь мертвецом.

– Марк Петрович, а вам приходилось быть трусом?

– Мне и мертвецом не приходилось. Кто еще что хочет спросить?

Из задних рядов выходит длинный переросток, в руке бумажка.

– Я из Инта кое-что скачал, можно?

– Как зовут?

– Да не важно, можно прочитать? Это про фехтование.

– Важно, важно. И как зовут, и что там про фехтование.

– Олег я.

Из зала:

– Олег – вещий он! Много вещей знает!

– Ну и? – подбодрил Марк.

Олег неторопливо расправил бумажку и прочитал:

– «Один средневековый капитан, будучи вызванным на поединок, выбил шпагу из рук противника и отпустил его с миром и добрым напутствием. Когда же победитель повернулся, готовясь уйти, пощаженный противник подобрал выбитую шпагу и заколол капитана со спины». Это же подло, Марк Петрович!

– А не поворачивайся спиной к побежденному.

– Как это не поворачивайся, Марк Петрович, не понимаю! Вот и Швабрин в «Капитанской дочке», тот же – извините – ведь мерзавец! Вы помните его дуэль с Гриневым. Когда тот обернулся на крик слуги, Швабрин этим воспользовался и нанес Гриневу смертельную рану.

– Во-первых, Швабрин нанес укол Гриневу не в спину, а в грудь, – сказал Марк. – А во-вторых, у нас разрешены уколы в спину. Правила позволяют.

– Об этом и речь! Значит, что – непорядочность разрешена?

– Ан гард! – скомандовал Марк и двумя атаками прижал меня к стене зала. Несколькими приемами заставил пригнуться и, вытянувшись во весь рост надо мной, нанес под прямым углом болезненный укол мне в спину.

Остановились. Сняли маски.

– Это называется «горбушка». Изобрел прием чемпион мира 1965 года в личных соревнованиях по рапире Герман Свешников, – Марк, поправив погнувшуюся рапиру, продолжал: – И лежачему тоже можно нанести укол до остановки боя судьей. Упал? Не падай. Или защищайся, упав! Тогда будешь молодцом. Это совсем другая мораль, чем у Пушкина, спортивная мораль. В каждое время и в каждом месте – своя мораль, свое благородство и своя низость. Есть правила, их надо соблюдать. В их границах цель – разгромить противника – оправдывает средства.

– Так все-таки считать, что сегодня фехтование – благородный спорт или нет? – с неожиданной требовательностью спросил Олег. – Вы уверены, что сегодня правила фехтования так уж благородны?.. И последний вопрос, тоже глупый и, возможно, наглый: в фехтовании в вашем исполнении есть благородство?

Не дожидаясь ответа Марка, подросток снова расправил смятую бумажку:

– Я вот еще кое-что выписал: «Чемпион по фехтованию Станислав Поздняков дает интервью: «Я ведь говорю о благородстве не ради красного словца. Как-то на чемпионате мира встречался с соперником. В эпизоде, когда мне нужен был один укол для победы, судья ошибочно присудил его в мою пользу. Я убедил судью, что укола не было, и бой продолжился». Видите – для Позднякова главное не победа, а благородство поведения. Не так ли?

Зал одобрительно загудел, подбадривая «Вещего Олега».

– Цитировать надо полностью, – спокойно ответил Марк, – во-первых, бой, о котором рассказал Станислав, он выиграл, о чем заявил в том же интервью. Не известно, как он отреагировал бы, проиграв. А во-вторых, ты внимательно читал статью? Поздняков

десятикратный чемпион мира по сабле, четырехкратный олимпийский чемпион, пятикратный обладатель Кубка мира и тринадцатикратный чемпион Европы. Поздняков – фехтовальщик от Бога. Интервью таких людей надо выписывать точно по тексту. Так вот, после слов, которые ты записал на эту шпаргалку, дальше Станислав рассказал, у меня хорошая память, что на следующем турнире он встретился с тем же саблистом и проиграл. Причем решающий укол, который принес сопернику победу, был опять ошибкой судьи. И дальше Поздняков отметил: «Мой соперник промолчал, не возразил, но у меня остался противный осадок». А следующая фраза такая: «Все-таки фехтование – это благородный вид спорта». Так что Станислав Алексеевич, хоть и гений фехтования, но и гении не всегда правы. Благородно не фехтование, а – в конкретной ситуации – фехтовальщик в силу своего характера и воспитания. Не хочу указывать на конкретные проявления неблагородства на фехтовальной дорожке, но отмечу, что среди великолепных фехтовальщиков в прошлом встречалось, например, множество наемных киллеров. С незапамятных времен они делали на дуэлях себе состояние и карьеру… Подержи!

Марк отдал «Вещему Олегу» свою рапиру, вынул из фехтовального мешка, прислоненного к стене, потертую книгу, показал ее залу, открыл на закладке:

– «Капитан Фракасс». Автор Теофиль Готье. Неплохой авантюрный роман. Писатель работал по документам Франции семнадцатого века. Послушайте, как видимость поединка использовали профессиональные воры.

«На другом конце моста поднялся шум, и толпа бросилась туда. Оказалось, там фехтовальщики дрались на рапирах. Они кричали: «Бей, бей!» и с остервенением нападали друг на друга. Они сражались двое против двоих и, казалось, пылали друг к другу неукротимой ненавистью, отстраняя клинки секундантов, пытавшихся их разъединить.

На самом деле эта ссора имела целью вызвать скопление народа, чтобы карманникам легче было орудовать в толпе. И действительно, не один любопытный вмешался в сутолоку с туго набитым кошельком, а выбрался из давки, утратив, сам того не ведая, свои денежки…»

Марк аккуратно вернул книгу на место.

– Марк Петрович, – сказала Ира, – простите, а если вам нанесут укол, который судья не заметит, вы признаетесь?

– Нет.

– Почему?

– Потому что моя задача драться. А дело судьи – судить. Это

я о благородстве фехтования и дуэлей. Что касается фехтования, как спорта, каждый должен решать свою задачу.

– Но, Марк Петрович, – это «Вещий Олег», в одной руке рапира Марка, в другой бумажка с записью из Интернета, – я из Интернета списал: некоторые профессиональные бойцы иногда сами признаются, когда им нанесли невидимый для судьи укол. Вот так и написано: это Виктор Жданович.

– Жданович – романтический парнишка. Он следует идеалам барона Кубертена, для которого олимпийский и мировой спорт высших достижений должны быть честной игрой. Но Кубертену не удалось добиться этого, хотя барон и возглавлял организацию олимпийского спорта. Это – во-первых. А во-вторых, благородные поступки в спорте высших достижений чаще всего совершают, по моим наблюдениям, когда спортсмен может себе это позволить: например, он уже обеспечил себе все, чего добивался. Или, наоборот, когда победа в этой схватке уже его не спасет. Вот тогда он готов проявить благородство, кстати сказать, в надежде, что улучшит отношение к себе ценителей благородства в спорте.

– Значит, фехтование не благородно! – завопил кто-то из заднего ряда.

– Зато интересно! – сказал «Вещий Олег», размахивая рапирой Марка.

– Ну, конечно, – не согласился Серега Лукин, – интересно, что один одерживает над другим верх при помощи обманов.

– А в каком великом произведении сказано: «Да, умный человек не может быть не плутом?» – спросил Марк.

– В «Горе от ума», – мгновенно ответил «Вещий Олег».

– Благодарю, – сказал Марк, забирая рапиру у Олега. – В этом-то всё и дело. Фехтование – модель реальной жизни, когда приходится изобретать всё новые и новые способы достичь победы, цели и не потерять жизнь. К плутовству можно причислить множество приемов фехтовального боя, когда они только-только изобретены и до поры до времени известны единственно изобретателю.

Зал снова замолк. Ребята с интересом слушали фехтовальщика.

– Не принятый фехтовальным сообществом и в этом смысле «плутовской», «нечестный» – особый способ атаки или защиты действовал безотказно, пока его не «разоблачали». В то же время или несколько погодя придумывали способ защиты от «неотразимого» приема и принимались ломать голову над открытием другого нового приема. Новый обходной маневр, новая уловка опять какое-то время действовала. У Шекспира профессиональный дуэлянт, бретер Тибальт, своими

непостижимыми, как сказано в «Ромео и Джульетте», «бессмертными» плутовскими действиями клинка – особыми фехтовальными уловками passado и punto reverso, – Марк показал на мне оба приема, – обрекал в поединке противников на беспомощность. У Дюма в «Графине де Монсоро» королевский шут Шико убивает учителя фехтования Никола Давида обманным секретным «ударом Крильона». Граф де Сен-Люк победил графа де Монсоро «ударом короля». Удар, от которого невозможно защититься, неотразимый укол – это мечта фехтовальщика. Время от времени мечта сбывается.

Марк обернулся ко мне:

– Ан гард! Эт ву прэ? – и надел маску.

– Прэ! – ответил я, опустив маску, и в то же мгновение на меня обрушилась атака броском, стремительная настолько, что я не успел поднять рапиру.

Марк снял маску и в зал:

– Легенда о происхождении атаки броском, которую фехтовальщики называют флеш-атакой, говорит, что первоначально флеш была новым неклассическим и поэтому «плутовским», крайне результативным, просто убийственным приемом итальянских бретеров. И вот как-то раз один такой бретер, хвастаясь собственной непобедимостью, торжественно поклялся, что оставит жизнь тому из своих противников, кто сумеет отразить его коронный удар. Этим противником оказался неопытный шестнадцатилетний юноша, который в момент неотразимой бретерской атаки всего-навсего поскользнулся на арбузной корке и таким образом «уклонился» от укола. При этом начинающий фехтовальщик оказался не только удачливым, но и наблюдательным. Он запомнил флеш-атаку и впоследствии от него флеш распространилась как прием, крайне опасный, но от которого есть контрприем – уклон, как говорят фехтовальщики, вольт. Не так давно новые молодые чемпионы придумали контрприемы, овладев которыми можно противостоять «горбушке» Свешникова и «крючку» Ефимовой… Но мы с братом не будем показывать эти приемы – пусть они будут пока что для вас секретны.

– Марк Петрович, а вы дрались на дуэли? – не выдержал Лукин.

Марк расстегнул верхние пуговицы нагрудника. Обнажился тусклый, видимо, давнишний глубокий шрам под горлом.

– Дрался, не на дуэли. Эта царапина получена в драке. Фехтовальщику все равно, что у него в руке: шпага, алебарда, дубина, вилка, палка… Или вообще ничего нет. В любом случае он имеет преимущество перед противником. Поскольку

фехтование требует молниеносной реакции и атлетизма. Предмет в руке – это продолжение руки. А рука – продолжение мозга. Есть такое фехтовальное понятие – «думающая рука». Повторю, фехтовальщик в принципе может обойтись в драке без какого-либо предмета. Не случайно стойка фехтовальщика, защиты и атаки часто напоминают боксерские. Фехтование объединяет в себе тактику и стратегию бокса и шахмат, интеллектуальную глубину шахмат и динамику движений, сопоставимую с боксом. А что касается дуэли, то она один раз случилась. Моим противником был шпажист-профессионал, двукратный чемпион мира по командной шпаге… Мы дрались на подоконнике. Узкий, длинный подоконник. Причину дуэли поймете, когда вспомните одну картинку из «Войны и мира» Льва Толстого. Офицер Семеновского полка Долохов поспорил с англичанином, что он, Долохов, выпьет бутылку рома, не отводя ее ото рта и сидя на окне третьего этажа со спущенными наружу ногами. Окно было достаточно высоко, чтобы, упавши из него, разбиться до смерти. Вот так и мы с этим моим противником… Кураж!

Заминка. Школьники не знают, что такое «кураж».

Всезнающий «Вещий Олег» вспомнил:

– Тихо, «кураж» – от слова courage – безрассудное мужество, отвага!

– В России, – продолжал Марк, – кураж и куражиться значит заносчиво показушничать. Кураж – небрежно подзывать официанта, громко высказывать свои политические убеждения, нагло смеяться. Кураж – это расставленные пальцы. Это – «понты». Но в фехтовании не так. Куражась перед противником, вы преодолеваете свой страх. Фехтование помогает преобразовать ваш мандраж в кураж. А кураж в победу над противником. Возникает ощущение, что ты сможешь решить любую проблему. Твоим возможностям нет предела. Ты способен одолеть что угодно и кого угодно. В этом состоянии рвешься в бой… – сказал Марк. – Вот мы и бились с шпажистом, – тихо продолжал Марк. – Я ранил его в ногу.

– А дальше? – шепот из дальнего ряда.

– Впрочем, – громко сказал Марк, не отвечая на вопрос, – кураж не единственная причина разного рода современных дуэлей. Несколько лет назад дралась на боевых шпагах пара депутатов парламента Аргентины. Причина поединка – столкновение политических взглядов – самый распространенный повод. Недавно была дуэль на боевых шпагах в Париже между балетмейстером одного из театров и спонсором театра. Причина поединка – увлечение соперников артисткой труппы. Спонсор – пожилой аристократ – получил от учителя танцев ранение в руку.

– Кого предпочла актриса? – поинтересовалась Ира, сняв очки.

– Как только узнаю, непременно доложу, – улыбнувшись, сказал Марк, надел лежащую на стуле левую боевую перчатку и встал в левостороннюю стойку. – Ан гард!

Если правша Марк был для меня едва ли разрешимой проблемой, то, взяв рапиру в левую руку, он стал для меня абсолютно непостижим. И со словами: «Из четвертой защиты круг шесть и с шагом вперед с выпадом перевод во внешнюю сторону, алле!» – надев маску, провел атаку, затем расстегнул нагрудник, опустил рапиру.

– Зачем я рассказываю и показываю это? Вам интересно?

– Да! Да! Интересно! Интересно! А кому… пусть мотает!

Ира подняла руку:

– Марк Петрович, фехтование опасный вид спорта? Ведь можно очень поранить. И вообще…

– Ира, а вы знаете безопасный вид спорта? Меры безопасности в фехтовании надежны – и маска, и нагрудник, и наконечник клинка. Но все бывает. На фехтовальной дорожке случаются и серьезные ранения, и даже убийства. Это бывает крайне редко, и о трагедии раньше предпочитали молчать. Сейчас настали другие времена. Времена сравнительно открытой информации. Ну так вот: я был очевидцем трагедии на фехтовальной дорожке: мастер спорта Леонид Алексеев (имя и фамилию я сейчас изменил, как и подлинное имя и фамилию его невольной жертвы. – *А. М.)* на сборе к Спартакиаде народов СССР за несколько дней до Спартакиады убил шпагой в тренировочном бою мастера спорта Павла Платонова… Шпага Алексеева попадает в атаке в крохотную дырку под мышкой у противника, проходит вдоль тела и колет в сердечную артерию. Павел успевает только сказать: «Ты мне очень сильно попал», и падает. Я был рядом, говорю: «Паша, вставай…» Леня до этого очень хотел выступить за команду Москвы на Спартакиаде. Но он был запасным. А Павел был в основном составе команды. После того, что произошло, Леня отказался выступать, но его обязали, потому что другого запасного бойца у команды под рукой не было. Надо кого-то готовить, а времени не оставалось. А при отказе команды выступать из-за неполного состава шпажисты нанесли бы удар всей сборной Москвы. Команде московской шпаги надо было выступать любой ценой. Леню заставили. Вышел на бой. В его руке шпага дрожала так, что ходила ходуном. Ни в одном бою он не нанес ни одного укола. Бледный был смертельно. Его качало из стороны в сторону. Но это редкий, очень редкий случай… Федерация фехтования ввела жесткие требования к инвентарю.

Костюмы стали выпускать на подкладке из пуленепробиваемой ткани «Кевлар», маски из сверхпрочной стали, клинки из стали типа «Марагинг», которые практически не ломаются. Изменились требования к прогибу клинка и к нагрузке на конец рапиры или шпаги… Тем не менее бой есть бой.

Марк снова обращает ко мне рапиру:

– Ан гард! – И говорит: – На мое начало атаки седьмая защита и – на длинном выпаде – укол с оппозицией под руку!

Еще минут десять приемов и перемещений по фехтовальной дорожке.

Наконец – последнее: атака дубле с двумя купэ. Я – выжатый лимон.

Марк снял маску:

– Но я хочу вернуться к проблеме чести и достоинства, потому что эта абсолютно-**не**-проблема-для-современного-фехтования является водоразделом между ним и дуэлью. Главный мотив дуэли – защита личной чести. Главный стимул спортивного фехтования, если мы говорим о профессиональном спорте, – добыть славу чемпиона для себя, для своей страны и заработать деньги. И когда ты поднимаешься на пьедестал победителем Олимпийских игр, чемпионата мира, Европы, страны, своего города – ты воспринимаешь это как честь. А некоторые люди устроены так, что их достоинство высочайше воспаряет при победе команды, в которой они сражались. Наконец, заработок денег, чтобы достойно содержать семью, тоже повышает чувство собственного достоинства.

Но это, так сказать, другие разновидности, другие типы чести. Надо признать, что пути фехтования, как традиционной кровопролитной защиты личного достоинства, и фехтования, как средства поднять престиж своей страны и заработать деньги, разошлись и расходятся все более широко. Но я не хочу, чтобы из современных стимулов к победе моей и моих учеников исключался старый традиционный мотив защиты личной чести! Подведем итоги. Как нам защищать нашу честь и достоинство от унижений и оскорблений?

Зал молчал.

Молчал Лукин, молчал «Вещий Олег», энциклопедист, молчала симпатичная Ира Смольянова, в зале переглядывались и смущенно молчали.

– А может, и нет никакой проблемы? – негромко прервал тишину Марк. – Есть недоумение… Обратите внимание – наше достоинство и честь это наши индивидуальные самоощущения, которые не всегда улавливаются юридическими законами и гражданскими судами, правилами ведении боя и регламентами

спортивной этики. И получается такая картина, а за ней видится мировая проблема фехтования как спорта и – восстановления достоинства как самоощущения. Смотрите! Шпаги устарели – и, видоизменившись до мирного своего варианта, перешли в спортивное фехтование, булавы и кулаки для защиты чести не всегда и не для всех возможны и приемлемы, терпеть молча значит опускать унижение в сердце, отлаяться – мы не собаки, не обращать внимания, «не брать себе в голову» – значит, при жизни стать теплым мертвецом, фальстафить значит оправдывать низость, малодушие, трусость, наконец, превращать оскорбителя-недруга в друга – мы не Сократы, прощать обидчика по-христиански – мы не святые, судиться и получать за свое унижение деньги, продавать честь – это уж совсем подлое дело. И что же в сухом остатке?

Сотни тысяч дуэлянтов и в Европе, и в нашей России рисковали жизнью в дуэлях, и не мелкого полета люди, такие как Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Столыпин, Брюсов, Набоков, Белый, Волошин, Гумилев, люди – гордость России, принимали вызов, шли ва-банк, чтобы не позволить кому бы то ни было посягнуть на их личное достоинство. Молчите? А может, ничего не надо делать? Жили же люди без чести до пятого века нашей эры. Так что вопрос, что делать ради защиты личной чести и достоинства, так и остался открытым. Или, может, все-таки нам с вами напрячь, так сказать, коллективный разум и выработать, наконец, руководство по защите личности от поругания. Вот вы и подумайте, друзья мои. Есть вопросы?

Зал загудел:

– Нет! Еще! Расскажите еще! Есть, есть вопрос.

– Хорошо, последний.

Ира Смольянова тянет руку, подскакивает:

– Марк Петрович, а в кино вы снимались?

– Однажды помощник режиссера в фильме «Сирано де Бержерак», который собирался снимать Эльдар Рязанов, обратился ко мне с просьбой поставить дуэльные сцены. Я приехал на «Мосфильм», там в это время шли пробы. На роль Сирано, помню, пробовался ленинградский актер. Прямо там, в комнате, где на огромном столе стояли старинные кувшины, я с этим актером с листа поставил сцену. Фехтовали на столе, делали кульбиты. Весь набор приемов я, к счастью, знаю, ничего придумывать не надо было. Когда Рязанов посмотрел пробу, сказал: «Изумительно!» Потом мне дали подстрочник, чтобы все дуэльные сцены совпадали с текстом стихов. Это было непросто, но я работал с упоением. И вдруг фильм закрыли, потому что автор сценария убежал в Англию. Работа прекратилась, и как же

обидно было!

* * *

…Мы выходим из школы в окружении толпы ребят и идем по Цветному бульвару к Садовому кольцу. Сережа Лукин гордо несет фехтовальный мешок Марка, «Вещий Олег» – мой мешок, толстушка Ира Смольянова несет наши маски. Остальные – кто впереди, кто сзади. Нас провожают до Самотеки.

Глава восьмая. Тренер

Когда-то старший брат впервые привел меня на тренировку фехтовальщиков и сказал:

– Представь себе, что ты шахматист, но тебя заставляют на тренировке боксировать. Или, наоборот, ты боксер, но тебе говорят: ринг в ближайшие десять минут занят, сыграй блиц-партию в шахматы. В фехтовании слились лучшие качества шахмат и бокса. Это поединок. Поединок помножен на интеллектуальное напряжение. Позиционная борьба, комбинаторика острейшая, и при этом тебя не бьют по голове и по печени.

С тех пор Марк давал мне уроки трижды, но в двух случаях они кончались тут же, а в одном – через шесть минут. В двух случаях из трех он, усадив меня в шестую фехтовальную позицию, мгновенным вывинчивающим движением вырывал у меня рапиру из пальцев.

Тут я сделаю небольшое техническое пояснение, тем более уместное в книге о фехтовальщике.

Подчеркиваю: фехтование – сложный тактико-технический вид спорта.

Чемпион мира по рапире Сергей Городецкий пишет в своей книге «Фехтование – моя жизнь», что французская хватка ручки должна быть началом овладения искусством поединка на холодном виде оружия. Это касается рапиры и шпаги. Добавлю: французской называется чуть изогнутая, чтобы удобней было ладони, почти прямая ручка. Ее достоинства одновременно являются ее недостатком.

Достоинства: французская ручка рапиры и, соответственно, французская хватка дают возможность тонко работать пальцами. Ручка рапиры или шпаги сжата сверху вашим большим и снизу – указательным и средним пальцами. Остальные пальцы и ладонь лишь слегка поддерживают оружие снизу. Именно на указательный, большой и средний пальцы приходится основная работа. Поединок, который корректируется главным образом тремя пальцами, побуждает фехтовальщика к виртуозности управления клинком.

Однако если вы держите рапиру или шпагу тремя пальцами, а остальные и ладонь ее только придерживают, у вас легко выбить клинок из руки.

Другое дело – оружие с ручкой в виде пистолета, в который вы вкладываете всю кисть. В этом случае холодное оружие становится более «горячим» – рапиру или шпагу выкрутить или

выбить из руки фехтовальщика много сложнее. Поединок становится менее тонким, теряет в изощренности, но становится более атлетическим.

Два раза я держал в руке перед Марком французскую рапиру, мгновенно вылетавшую у меня из руки. На последнем из трех данных мне уроков Марк батманом, то есть ударом сильной части своего клинка по слабой части моей рапиры, выбил ее у меня, хотя в моей руке было оружие с пистолетной ручкой. То ли я слабо держал, то ли он сильно и резко ударил.

Так или иначе, он учил фехтовальному искусству жестко.

Выбил и прибавил:

– Сопляки в спорте не нужны. Тем более в фехтовании. И еще меньше нужны в нашей жизни.

Почему все-таки Марк не хотел дать мне больше уроков? Может, считал, что фехтование для меня развлечение, а не работа? Однажды он прямо так и сказал: «Бывает, что потрясающие по своим данным фехтовальщики выступают ради развлечения. Это меня всегда удивляет. Как можно таким серьезным делом заниматься играя!»

В то время Марк был действующим спортсменом. Он еще не готов был тренировать. Ведь тренер позволяет себя колоть.

Как пишет Голубицкий о тренерской работе: «Вместо того чтобы брать уроки, приходилось их давать. Вместо того чтобы самому колоть, приходилось позволять ученикам колоть меня».

Эдоардо Манджаротти, шестикратный чемпион Олимпийских игр, тринадцатикратный чемпион мира, самый знаменитый в XX веке фехтовальщик Италии, уходя из спорта, говорил: «Жизнь фехтовальщика состоит из того, что в начале и в конце ее он – мишень для уколов рапирой и шпагой и ударов саблей. В начале потому, что он новичок и не может толком защититься от партнеров и от тренера, на пике карьеры он колет других. После ухода из действующих спортсменов он становится в качестве тренера живой мишенью для учеников. Когда нужно перестроиться после получения уколов, частого в особенности у начинающих, эта перестройка легка и солнечна. А вот начать специально подставлять грудь под удары и уколы не физически (на тренере толстая защитная куртка), но психологически не для всех и не всегда приятно».

Это принципиально отличает тренера от действующего спортсмена.

Марку пришлось строить новую для него систему отношений со своей новой работой. Но он сумел перенести в тренерскую деятельность то, что подходило, как считал Марк, и бойцу, и тренеру.

Старший сын Саша вспоминает:

– Отец брал с собой пару своих учеников и меня, давал уроки. Благодаря этим урокам, я стал мастером спорта и членом сборной команды Москвы. Тренировался я с полной отдачей, как профессионал: у него невозможно превратить фехтование в развлечение. Но я сказал отцу, что быть тренером после спортивной карьеры я не хочу. Он ответил: «Не бросай фехтование. При любом стечении обстоятельств у тебя всегда будет кусок хлеба. Я в твоем возрасте, в двенадцать лет, уже зарабатывал фехтованием на жизнь. Знаешь такую игру «Делай сам»? Вот и играй в эту игру».

Во время того единственного урока на рапире, который дал мне старший брат, он предупредил меня, что понимание этого вида спорта совсем не то же самое, что восприятие чего-то «благородного и красивого». Оно, конечно же, красиво, но «даже не жди, что ты поймешь этот вид спорта сейчас или в ближайшие недели. Тем более не жди в эти недели удовольствия от тренировок. Полное взрывное осознание того, что тебе принесет поединок на клинках, и радость этого поединка придут или не придут самое меньшее месяца через два. Но полностью заберет тебя фехтование, когда ты будешь читать противника, как захватывающую книгу».

Итак, что в фехтовании подходит и бойцу, и тренеру? Читать партнера (будь то противника или ученика), как открытую книгу. Не ограничиваться поверхностным пониманием этого вида спорта, идти в глубину, в фехтовании это очень глубокая глубина. Я вспоминаю, как Марк однажды сказал мне: «Фехтование – это серьезное дело. Глубокое. Конечно, можно и на поверхности вполне удачно ловить рыбу. Но тому, кто проник в глубину, мало поверхности». Наконец, он учил относиться к фехтованию, как к пожизненной возможности заработать кусок хлеба.

И это все, что извлек Марк из огромного своего бойцовского опыта для тренерской работы? Нет, конечно. Что еще – это видно из наблюдений за Марком его Учителя, тренера тренеров Виталия Андреевича Аркадьева. И коллег Марка по оружию. Аркадьев считал, что «Марк перенес из бойцовской деятельности в практику тренерской работы свою энергетику и увлеченность фехтованием. Я предвидел, что Марк будет хорошим тренером, судя по его отношению к своим тренировкам и выступлениям».

Как сам Марк отвечает на вопрос, насколько проблемным для него был переход из бойцов в тренеры?

Фрагмент из интервью с Марком известного спортивного журналиста:

КОРРЕСПОНДЕНТ: Будучи спортсменом, вы чувствовали в

себе тренерскую жилку?

МАРК: Все не так однозначно. Однако главное то, что я не мыслил себя вне фехтования. В свободное время думал о фехтовании, писал о нем. В промежутках между тренировками говорил и спорил только о моем любимом виде спорта. Идти по организационно-карьерной линии мне было не интересно. Еще выступая, я пробовал тренировать. Так что переход на тренерскую стезю прошел гладко.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Вы тренировали и мужчин, и женщин. Есть разница?

МАРК: У женщин все иное – психология, ход мыслей. На первых порах я этого не понимал. Считал, что их надо тренировать, как мужчин. Порой раздражался, что не получается, ругал подопечных. Видимо, хотел от них того, что было не в их силах. Женщина более интуитивна, зато аналитическое мышление у мужчин развито сильнее… В целом же, думаю, тренер должен уметь апеллировать к сильным сторонам спортсмена. И даже недостатки его не изживать. А работать над ними до такой степени, чтобы они превращались в достоинства.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ваша наиболее значительная тренерская победа?

МАРК: Долго перечислять придется. Я начал работать тренером в конце шестьдесят восьмого года, а уже в семидесятом мой Валера Лукьянченко попал в сборную и стал чемпионом мира в команде. Затем уже Володя Денисов стал чемпионом – тоже в команде. Тогда-то и появилась идея назначить меня старшим тренером сборной. Это произошло на пороге семьдесят второго года, и с тех пор – с небольшими перерывами – я старший тренер сборной команды по рапире.

Интересная деталь: начиная с семидесятого и по сегодняшний день я каждый год готовлю в сборную от одного до четырех своих личных учеников. Многие из них стали чемпионами мира в команде. А вот личного чемпиона все не было. И, наконец, в девяносто пятом году этот титул завоевал Дима Шевченко, с которым я проработал пятнадцать лет.

КОРРЕСПОНДЕНТ: А на следующий год команда рапиристов выиграла Олимпиаду в Атланте.

МАРК: Среди четверки, которая поехала на Игры-96, были три моих личных ученика – Мамедов, Ибрагимов, Шевченко. Четвертый – Павлович – был учеником Юры Лыкова, которого я же и воспитал.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ну а что же произошло в Сиднее, где российские рапиристы провалились, заняв лишь восьмое место в командных соревнованиях? Вы можете это объяснить как тренер?

МАРК: Перед соревнованиями я всё сделал, и команда была готова. Но на этот раз, перед Сиднеем, мне помешали.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Кто?

МАРК: На заключительном этапе подготовки президент Федерации Юрий Бычков снял меня – главного тренера – с двух последних выездов команды, что не могло в дальнейшем не сказаться. Но это не всё. Вопреки плану – да и здравому смыслу – последний сбор пришлось проводить не на базе, в Нахабино, где мы тренировались два последних года, а в Новогорске. Новогорская база была в те дни переполнена. Нам обещали, что в зале будут тренироваться только мужская и женская команды рапиристов, а там еще оказались батутисты и мужская сборная волейболистов. Из-за перенаселенности ребят размещали по трое в комнате. Плюс работали без врача. Словом, заключительный этап подготовки к Олимпиаде был скомкан – по вине руководства федерации.

Вспоминает Давид Тышлер:

– При психологии прирожденного бойца Марк обладал еще и тягой к активному вмешательству в свое собственное будущее. Он внутренне готовил себя к переходу на тренерскую работу. Поэтому, когда ему отчетливо дали понять, что пора – тридцать семь лет, – слез и обмороков не было. Работа есть, должность есть, деньги есть. Теперь надо было найти талантливых учеников.

АВТОР: Как проявлялся характер Марка в отыскании учеников?

Д. ТЫШЛЕР: Приведу пример. Вот Марк выбирает своим учеником Володю Денисова, который в это время является почти инвалидом…

АВТОР: Инвалидом в переносном смысле?

Д. ТЫШЛЕР: Нет, в прямом – вдавленное плечо. Проблема с грудной клеткой… Я говорю: «Что ты взял такую задачу? А если что с человеком случится?! Врачи не разрешают. Другого не мог? А Марк мне: «Если что с Денисовым случится, я буду отвечать. У Володи характер бойца. И обучаемый здорово. Денисов за полтора месяца регулярных нормальных тренировок переместился по итогам своих боев с двадцатого места на шестое. За один сбор. Так стоит попробовать?»

Попробовал. И Денисов стал в 1972 году чемпионом СССР. В том же году он завоевал серебро на Олимпийских играх в командном первенстве по фехтованию на рапирах. И еще через короткое время стал в команде двукратным чемпионом мира 1973 и 1974 годов по фехтованию на рапире.

То есть что я хотел сказать? Что Марк подбирал учеников,

видя заложенные в определенного человека возможности, неочевидные для меня.

Проницательность Марка подтверждает и Елена Гришина.

Чтобы на тех, с кем он работал, был знак качества, «Марк Петрович, можно сказать, волшебно отбирал себе в ученики. Не только по результатам».

«Однажды, – вспоминает Гришина, – он, сидя со мной на трибуне и наблюдая юных фехтовальщиц, сказал: «Вот девочка способная: стопа длинная, нога длинная, высокий подъем и тоненькая щиколотка, воздушная. Вся девочка узкая и легкая, как лань. Это то, что нужно для фехтования».

Я бы сказала, удивительная целевая зоркость. Он провидел вряд ли известные большинству тренеров возможности учеников».

* * *

В целом отношение Марка к различным сторонам тренерской работы ясно из приведенного ниже интервью.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Будучи капитаном «великолепной четверки», вы фактически были и бойцом, и примером, то есть в этом смысле в какой-то мере тренером для своих коллег по команде. Сейчас, когда вы только тренер, считаете ли вы, что лучше было бы совмещать эту работу с бойцовской практикой?

МАРК: Нет. Надо принять четкое решение. Или – или. Готовить спортсменов на уровне чемпионов страны и мира и самому выступать на таком уровне практически – при современном развитии большого спорта – невозможно. А делать посредственно и то, и другое – нет смысла.

Ученикам от тренера нужно системное знание, а создание системы подготовки мировых чемпионов требует от тренера полной отдачи. Система – это не то, чем можно эффективно заниматься в промежутках между другими занятиями.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Чтобы создать систему, надо быть Менделеевым или Дарвином.

МАРК: Я не спорю. Я лишь сделал попытку.

КОРРЕСПОНДЕНТ: В чем суть этой системы? Обычный спортсмен способен это понять? Или для этого надо быть гениальным?

МАРК: Концепция создана для нормальных спортсменов. Таких звезд, как Паша Колобков в шпаге, Саша Романьков в мужской рапире или Лена Белова в рапире женской, Господь коснулся перстом. Им дай разрозненные элементы тренировки,

они сами их гениально интегрируют. А остальным нужна система подготовки. Не набор разрозненных приемов, а система – определенное сочетание технической, тактической и психологической подготовки рапириста. Объяснять конкретику не буду… Системный подход дал возможность ежегодно, начиная с 1970 года, подготавливать членов основного состава рапирной команды страны. В том числе Олимпийских чемпионов и чемпионов мира.

КОРРЕСПОНДЕНТ: У вас секретов не уворовывали?

МАРК: Вот, смотрите, есть тарасовская система подготовки хоккеистов высокого класса. Всё открыто, все видели, как он работал, многие у него тренировались, а хоккей сегодня чахнет. В любом пироге есть, помимо рецепта, искусство кулинара. У композитора семь нот. А у художника семь основных цветов, но может получиться какофония или шедевр. Даже по системе.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Вся наша система состояла, насколько я понимаю, в старом анекдоте, по которому, чтобы чай был лучше, заварки надо класть побольше. Наши спортсмены тренировались – и продолжают в том же духе – больше спортсменов других стран. При тренировках пять дней в неделю по два раза в день плюс турниры по субботам и воскресеньям – можно и зайца на барабане научить…

МАРК: Объем и интенсивность тренировки доведены до разумного предела. За счет чего же идти к более высокому результату? Да за счет предвидения тенденций развития мирового фехтования и принятия опережающих мер.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Что вы имеете в виду?

МАРК: Надо постоянно быть впереди конкурентов хотя бы на один шаг, прежде всего в технико-тактическом и психологическом плане. Течение жизни таково, что, двигаясь в общем потоке, мы будем объективно стоять на месте. А в нашем королевстве, как сказала Алиса, «чтобы стоять на месте, нужно бежать вперед».

КОРРЕСПОНДЕНТ: У вас на этом бегу дыхание не перехватывает? Вообще, в этой лодке жизни вы как себя ощущаете? Не задыхаетесь? От такой быстроты?

МАРК: Я в этой лодке не задыхаюсь. Не задыхаюсь ни от страха, ни от скорости. Потому что я не пассажир. Я – гребец.

* * *

Один из тренеров, кому Марк позволял делать записи на индивидуальных уроках, которые Мидлер давал своим ученикам (этот человек просил его не называть), передал мне после

кончины моего брата «Блокнот наблюдений за Марком и его высказываний».

«3 ноября 1987 года. Марк разговаривает с учеником тихо. Вот те из его слов, которые я смог услышать и разобрать:

– Каждый человек получает в жизни набор инструментов для работы над собой. У одного главный инструмент – сила. У другого – мудрость. У третьего – ловкость. У четвертого – хитрость. Жизнь устроена для работы человека над собой, чтобы человек изменил себя изнутри. Эта работа идет на всех уровнях – физическом, эмоциональном, интеллектуальном. В конечном счете, это духовная работа… И первая сложность в ней – определить, что в тебе временное. А что – постоянное. Что ты можешь изменить. Что ты должен изменить. Должен самому себе. Что не нужно и невозможно менять. Потому что корни не выдергивать надо, а приспособить их к требованиям жизни.

– Корни… приспособить… – говорит ученик. – Например?

– Представь, что с твоим ростом метр семьдесят пять ты дерешься с противником, у которого рост метр девяносто. Любой тренер скажет тебе, что нужно в бою с таким соперником сокращать дистанцию и входить в ближний бой. Некоторое мое отличие, может быть, состоит в том, что я предложу тебе арсенал возможностей сокращения дистанции для ближнего боя, в котором быть относительно невысоким и сравнительно не длинноруким из недостатка превращается в достоинство. Надо уметь пользоваться в бою своими как сильными, так и слабыми сторонами. Многие пытаются компенсировать слабые и проигрышные свои стороны сильными и выигрышными. Я учу преобразовывать то, что считается слабым и проигрышным, – в сильное и выигрышное. Учу, признаюсь, иногда оказывая сильное давление… В прошлом некоторыми из моих партнеров по команде переплавка проигрышного в выигрышное под давлением довольно тяжело переносилась. Сейчас она мучительна для некоторых моих учеников».

Теперь мнение автора, основанное на беседах с коллегами по команде и с учениками Марка, а также на многолетних наблюдениях тренировок моего брата и турниров с его участием. Партнеров по команде и учеников он заставлял перешагивать через самих себя. И выкапывать в самих себе сверхсилы. Этому – ничему иному – служили его провокации и ирония в адрес ученика и в адрес партнера по команде, порой доходящая до черты, за которой ирония превращается в оскорбление и вызывает у подопечного и у коллеги справедливую обиду, переходящую в ярость и сгущающуюся в ненависть. Он накачивал их адреналином, насильно толкая их к победе. Я думаю, что

некоторые из его учеников стали чемпионами в том числе и – в какой-то мере – «от злости» на Мидлера. Или, скажем так, в ярости на него. Во время соревнований он постоянно подходил к фехтовальной дорожке и отчетливо шептал руководящие указания. Этого никогда не делал тренер самого Мидлера Виталий Андреевич Аркадьев.

Аркадьев тихонько сидел, как правило, в дальнем углу на трибуне, а в особо напряженные моменты боя уходил из зала, чтобы не видеть кульминацию поединка. Разумно берег нервы. Себе и бойцу.

Мидлер, напротив, быть может, не менее разумно, все время оставался в нескольких шагах от боя или на расстоянии вытянутой руки. Запомнился случай, когда, в конце концов, один из учеников Марка, ставший в скором времени чемпионом мира по рапире, несколько раз в коротких перерывах между фазами фехтовального боя шипел тренеру в ответ на его подсказки: «Марк Петрович, отстаньте, наконец!» При последней подсказке ученик, сдернув с лица маску, обратился в отчаянии к судье, воскликнув: «Да уберите от меня этого Мидлера!»

И что? А ничего. Мидлер продолжал работать.

Однажды он мне признался: «Я им всем прилично надоел».

При этом он говорил: «Тренер не может научить ученика. Тренер может помочь только тому, кто хочет учиться. А не хочешь – пошел вон!»

Такая установка была для моего брата не менее болезненна, чем для его подопечных. Слишком много труда и надежд он вкладывал в каждого из них.

Ситуацию, при которой с учеником «не срослось», брат воспринимал как свое личное поражение. Как сказала мне жена Марка, «больше всего в жизни Марк любил своих учеников».

– Больше своих сыновей? – спросил я.

Она сказала без всякого колебания:

– Как сыновей.

– Это нормально? Правильно с точки зрения жены – для тебя, Люся, детей, семьи? – спросил я.

Она ответила, отвернувшись:

– Поинтересуйся у Марка.

Я поинтересовался. Он ответил:

– Ученики? И не говори мне об этой компании засранцев!

* * *

Лена Гришина, на интервью которой с Марком я уже не раз

ссылался, сказала мне:

– Он сам мне признался: «Я достал всех». Марк Петрович мастерски находил поводы для того, чтобы насмеяться, обидеть, поиздеваться и оскорбить. Но я решительно утверждаю, что Марк – хороший человек. Он мог бы сказать: «Оскорбляю, смеюсь над тобой. Но не над тобой издеваюсь. Над твоей ленью. Над твоей трусостью. Над всем тем, что мешает тебе стать чемпионом».

Со времени, когда Марк стал капитаном сборной команды страны, и до последнего дня его тренерской работы он находился среди соратников по команде и среди учеников, которых (и тех, и других) было бы верно назвать «оскорбленные и униженные чемпионы». Они ведь и после того, как поднимались на пьедестал, бывало, оставались для него «тупицами».

Лена Гришина сказала как-то мне еще более определенно:

– Ты, скажем, уже чемпион мира, а Марк Петрович говорит: «Ты – полное говно!» Вот и рассуди, кто ты на самом деле! Настоящий педагог! – заключила Гришина.

– Лена, если Марк Петрович так шутил, то это неудачная шутка, – сказал я, – вряд ли такое можно поставить ему в заслугу. Тем более что он не из грязи выводил в князи, а изначально имел дело с успешными фехтовальщиками.

– Все зависит от уровня амбиций, – пояснила Гришина. – У Марка Петровича они были очень высоки.

– Я говорил с несколькими людьми и с самим Марком о тренерах, которые получают дивиденды с чужого труда…

– Марк Петрович не отрицал, что он «шлифовщик», – сказала Гришина, – как он сам говорил, «доводчик»… В фехтовании есть категория тренеров, которые берут подростков и начинают учить. Ученик растет, и растет его мастерство. И так до восхождения в чемпионы. Это один тип тренера. Требовать от олимпийского чемпиона, чтобы он «делал» олимпийских же чемпионов из новичков, все равно, что требовать от учителя начальной школы, чтобы он превращал обыкновенного первоклассника в выпускника МГУ. Когда речь идет не о физкультуре при помощи рапиры, шпаги или сабли, а о профессиональном спортивном фехтовании, распространена традиция перехода ученика от тренера первоначального уровня к тренеру, который доводит уже состоявшегося молодого мастера до масштаба гроссмейстера. Такой тренер отсматривает среди юных, скажем, чемпионов спортивного общества или чемпионов города наиболее перспективных с точки зрения этого супертренера и поднимает уровень их фехтования до высокого искусства. Говоря конкретно – до калибра чемпиона мира и Олимпийских игр… Марк Петрович относил себя к этой последней категории тренеров. Его и самого

вначале поднимала из новичков до титула чемпиона Москвы и чемпиона «Динамо» Раиса Ивановна Чернышева. Она порекомендовала Марка как перспективного бойца Виталию Андреевичу Аркадьеву. И Марк завоевал свои звания самого высокого ранга, будучи учеником Аркадьева как супертренера.

* * *

Так как обвинение в том, что «Мидлер специализируется на уводе талантливой молодежи от других тренеров», преследовало Марка многие годы, важно знать, что он об этом думает. И я нашел интервью, где брат говорит корреспонденту без обиняков:

«Меня называют за спиной «сливкосниматель». Объясняю: брал, беру и буду брать, пусть на меня никто не обижается, «полуфабрикаты». То есть спортсменов, которые уже проявились, что-то показали на своем уровне, но не более того. Я их брал, многих переучивал и потом уже, что называется, доводил до ума. Про меня так и говорили: «Это не тренер, это – «шлифовщик». Черновую работу оставляет нам, а сам стрижет купоны. Не столько ведет ученика, сколько доходит с ним последние несколько шагов до финиша и получает вместе с чужим учеником награду. Он не более чем «доводчик».

Согласен с тем, что я «доводчик». Поясню смысл, который я вкладываю в эту роль.

Группа альпинистов идет в экспедицию. Их вещи, снаряжение до подножия горы несут проводники-шерпы. Шерпы делают свою тяжелую работу, они получают за это свою плату, и большое им спасибо. Но вот когда альпинисты идут на штурм вершины, тут им шерпы не помогут, тут нужны профессионалы, которые разбираются во всех тонкостях, опасностях подъема на пик, взятия самой вершины и которые помогут совершить финальное восхождение, а потом еще и спуститься обратно живыми и невредимыми.

Каждый, я считаю, должен заниматься своим делом. Об этом еще профессор Преображенский говорил в «Собачьем сердце»: «… Я за разделение труда. В «Большом» пусть поют, а я буду оперировать».

Тот же самый Виталий Андреевич Аркадьев и с человеческой, и с профессиональной точки зрения называл это нерациональной тратой времени. Все равно что – нужен тебе академик, так пусть человек сначала рабочим побудет, потом разнорабочим, доучится до инженера и т. д. Это ж сколько времени пройдет, пока он академиком станет, и станет ли? Если бы я сажал детей в их

первые фехтовальные стойки, у меня бы не выросло столько олимпийских чемпионов и чемпионов мира».

* * *

Подробности перехода к супертренеру и особенности работы с Марком рассказал мне ученик Марка, чемпион мира в личных соревнованиях по рапире, заслуженный мастер спорта Дмитрий Шевченко.

– Дмитрий Степанович, – спросил я, – Мидлер говорил, что он – «шлифовщик». Берет алмаз и превращает его в бриллиант. Войти в число его учеников было для вас проблемой?

– Не знаю… Не в случае со мной. Когда я заканчивал учебу в спортивном интернате, я в принципе остался без тренера. Мне было семнадцать лет. Первый мой наставник, Геннадий Иванович Мякотных, осознавал, что уровень определенный, тот, что он мог дать, он дал. Алла Семеновна Тимошенко, второй мой наставник, работала в интернате не только тренером, но и преподавателем. Достаточного времени отводить мне она не могла. И вот в 1985 году я попадаю на сбор сборной СССР. Команда готовилась к международному турниру соцстран по фехтованию. Меня взяли на сбор ни за какие-то особенные заслуги, а потому, что был москвичом (я даже не входил в число кандидатов в сборную). Но в то время была широко распространена пословица: «Не родись счастливым, а родись в Москве». Своего тренера на сборе у меня не было. Мне в доступной форме объяснили, что я буду пушечным мясом для серьезных фехтовальщиков, так сказать, движущейся мишенью. Тем не менее, будучи на сборе, я мог даже стать участником соревнований, если кто-то из иностранцев не приедет. Так сказать, для количества. Это был шанс… Так и получилось. Кто-то не доехал, меня поставили, и я стал третьим призером на этом турнире. Практически сразу же Марк Петрович подошел ко мне и предложил сотрудничество. Мы начали с ним работать.

– И это не вызвало никаких вопросов у Мякотных и Тимошенко? – спросил я. – Бывшие тренеры не досадовали, что Мидлер увел чужого бойца, на которого они потратили годы? Марк сам мне говорил: вот растишь, растишь ученика, а его потом уводят.

– Я так скажу: Мидлер для сборной страны по рапире, для спортсменов и для тренеров лидер высшей лиги, гранд. Попасть к нему – необыкновенная удача для фехтовальщика. Это понимали спортсмены и, тем более, это осознавали тренеры.

(Это же подтвердила в беседе со мной Елена Гришина: «При том, что к Марку Петровичу попасть в подопечные было крайнее сложно, но в случаях, когда это удавалось, ученик становился чемпионом страны, мира или олимпийским чемпионом». – *А. М.)*

Но вернусь к беседе с Дмитрием Шевченко.

– Попасть в подопечные к Мидлеру было тем большей удачей, что он не гнался за количеством учеников. Он давал тогда в день в среднем пять уроков. А так как Мидлер – профессионал, то тренировать абы как он не умел. Работал беспощадно. Ни мне не давал поблажки, ни себе. Ни в темпе урока, ни в интенсивности, ни в продолжительности, ни в психологической напряженности. При такой работе много учеников не бывает. Штучная работа.

В поединке можно добиться победы, в конце концов, за счет физических данных, где-то хитростью, где-то техникой. Марк Петрович выращивал бойца универсального, но с акцентом на, так сказать, именную изюминку, заложенную в каждом. И культивировал ее.

Урок не был набиванием приемов, дрессировкой. Мы постоянно обсуждали – каждый со своей особенной точкой зрения – конкретные боевые ситуации: как в этой ситуации поступить. «В поединке, – говорил он, – нет неразрешимых проблем, есть неправильные решения». И поэтому он все время заставлял напряженно размышлять. Сначала в уроке, а потом в реальном бою – размышлять и учиться. Причем и в общетактическом плане, и конкретно – направленно к победе над вполне определенным противником. Например, спрашивал: «Ну, кого ты в первую очередь особенно хочешь победить? Ага, Романькова? Еще бы!» Александр Романьков – чемпион Олимпийских игр по рапире в командном первенстве 1988 года и пятикратный чемпион мира в личном первенстве в 1974, 1977, 1979, 1982 и 1983 годах. Романькова в фехтовальном мире назвали «Царь фехтования». За спортивные достижения он попал в «Книгу рекордов Гиннеса». «Ну, что же, – говорил Марк Петрович, – Романьков так Романьков», и предлагал тактическую схему фехтования против Романькова. Абсолютно конкретно.

Когда нужно было овладеть каким-то приемом, Марк Петрович вместе с учеником выбирал того фехтовальщика в стране и в мире, кто лучше всех исполнял этот прием. «Старайся сделать, как он. Представь себе его. Будь в его образе. Сделай так же, но постарайся сделать чуть лучше». И повторял известные слова Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». И Марк Петрович раз от разу повторял: «Стойте на плечах гигантов – не лежите на плечах карликов!» И мы сознательно шли на заимствования у самых

опасных для нас бойцов, на улучшение самых результативных приемов и выработку контрдействий.

Марк Петрович говорил: «Для того чтобы победить, нужно уметь всё, что умеет противник, плюс немного того, в чем он не силен». Вот мы и брали лучшее у соперников. Отечественная школа поединка на дуэльном холодном оружии на том и строилась – рапире и шпаге учились у итальянцев, французов и венгров, сабле – у венгров и поляков. И приемы даже называли именами европейских фехтовальщиков.

Например, я высокого роста, и у меня были проблемы всегда с фехтовальщиками низкорослыми: они очень быстрые, опережали меня в скорости, успевали под меня подныривать, и очень проблематично мне было в первое время в них попадать. И был такой французик Виард. Он до сих пор ездит на международные турниры, теперь уже в роли судьи. А тогда, в девяностые годы, мы с Марком Петровичем после долгих мытарств и экспериментов противоядие против француза выработали и назвали этот контрприем «виард». И закрыли проблему. Недавно я видел Виарда…

Марк Петрович был третьим моим тренером. Первый – Геннадий Мякотных – приучал меня к приоритету в фехтовании командных общих целей над личными интересами – выше всего ценить правило «один за всех и все за одного». Второй мой тренер в жизни, это когда я уже учился в спортивном интернате, – Алла Тимошенко – учила меня принимать как руководство к действию то, что, ее словами, «трудолюбие выше таланта».

Марк Петрович обучил меня тактике ведения боя, как строить схватку, как получать удовольствие от поединка. Так что я ему очень благодарен за то, что он с определенного уровня (это несколько нескромно, зато правда) поднял меня на высший этаж мастерства.

* * *

Из интервью Елены Гришиной с Марком:

Е. ГРИШИНА: Начиная с какого уровня спортивных успехов можно было надеяться попасть к вам в ученики?

М. МИДЛЕР: Пусть на уровне секции, на первенстве «Буревестника» или МГС «Динамо» фехтовальщик занимает где-то третье место, второе, где-то первое. Надо убедиться в том, что его не все бьют, он – не мешок…

Е. ГРИШИНА: Но «не мешков» много. Вы же не всех брали…

М. МИДЛЕР: Мой принцип был такой: отсматривал

«полуфабрикаты». Они имели своих «родных» тренеров, у кого они начинали. Нередко тренеры не делали секрета из того, что считают Мидлера колючим и пакостным. Это – во-первых. Во-вторых, Мидлер заберет, а премия дается тренеру, который слепил чемпиона, – как это Мидлеру отдать, когда в корне есть свой первый учитель!.. Но некоторые тренеры хотели своим ученикам добра. Вот Вилявин Валерка в Горьком, он сказал: «Забери Володю, если хочешь с ним работать. Я не претендую».

Е. ГРИШИНА: А Володя – это какой?

М. МИДЛЕР: Денисов. Его моя жена звала – Боннский лев. Он первый из наших выиграл крупнейший международный турнир – «Боннский лев». Вот его приз стоит, он мне подарил. Лев в синюю клетку…

Е. ГРИШИНА: Да-да, вижу.

М. МИДЛЕР: Вот, а это за Будапешт. Фарфоровый. Вот, Люся его звала «Боннский лев». Такой невоспитанный мальчик, можно принять за шпану. Его брать никуда не хотели. Я его взял. У него грудь была впалая, вот такая вот. Сразу сказали: да он не выдержит соревнований, он больной, его обследовать надо у врача. Я говорю: «Ладно, я беру». А вижу, он такой хитренький. Хитренький был. Я его взял. Вилявин отказался.

Е. ГРИШИНА: То есть вы таких хитреньких брали?

М. МИДЛЕР: Нет, я брал из приглянувшихся мне тех, которых уступали тренеры. Или тех, кто на момент нашего с ним знакомства фактически не имел своего тренера… Я приехал в Подольск на сбор – Олег Глазов был тогда старшим тренером по юниорам. Вижу – они работают. Ко мне Глаз подошел, говорит: «Петрович, ну, что, у меня тренеров нет никого. У тебя есть здесь твой ученик, все равно ты приезжаешь. Возьми еще учеником одного кого-то». Я говорю: «Ну, ладно, возьму кого-нибудь. Только одно условие, чтобы у него не было родного тренера. Беру беспризорного».

Е. ГРИШИНА: (*смеется*).

М. МИДЛЕР: «А вот, – говорит Глаз, – вот Шевченко. Смотри, – говорит, – длинный. Чувствует дистанцию. Когда его уже почти колют, действует в последний момент…»

Я различаю в уколе две фазы. Укол, как снаряд, сначала долетает и только затем взрывается. Сначала полет, траектория – он хорошо чувствовал доставку клинка… И – укол. И когда его атаковали, он в последний момент… Дай руку (*показывает*) – в последний момент, вот буквально два сантиметра оставалось отсюда, он выхватывал…

Е. ГРИШИНА: Снимал.

М. МИДЛЕР: Снимал. Да. И колол. И ничего. И навстречу с

отходом. Рука длинная – при его-то росте. Вот это его репертуар был. Но психика такая… Упертый… Терпит, терпит до поры… Я имею в виду не только фехтование. А в фехтовании он мог ходить по дорожке сто лет, что-то там выхаживать, никогда сломя голову не бросался и, конечно, отлично пользовался своими физическими данными.

Отработал я с Шевченко в нагруднике каждый день пятнадцать лет. Готовил его ко всем соревнованиям. Все, что он выиграл, – это «из-под меня». А он со мной даже не здоровается. Я – враг. Вот так и родители многим детям видятся врагами, поскольку ругают… Я требовал все время, добивался чего-то, заставлял. Стаса Позднякова не надо заставлять, потому что он сам изнутри такой – боец. А Шевченко надо было побуждать.

Е. ГРИШИНА: А Анвар Ибрагимов?

М. МИДЛЕР: Он выступал за «Локомотив». Тренером там был Меламед. И мне Меламед сказал: «У меня такой мальчик есть! Приглядись. Особенный». Я говорю: «Ну, давай». Анвар интересный: рост у него мой, сто семьдесят восемь, а растянутый такой, что, шаг вперед, выпад делает – аж до конца дорожки… До Меламеда тренером Анвара был Аюпов из Уфы. Тот в основном ставил Анвара в классическую стойку в шестой линии и говорил: «Острее кончик, кончик острее, – вот самое частое его замечание. – Держи кончик острее». Я начал Анвара учить, как надо обходить оружие… Он физически одаренный, пластичный. На дорожке был по-спортивному злым. А по жизни добрый. Мягкий…

Е. ГРИШИНА: А Ильгар?

М. МИДЛЕР: Ильгар – боец. И к тому же, у него какое свойство: он не будет сидеть и ждать, он ищет варианты. Знаешь, есть такие активные муравьи, которые первые пролезают – раз, сунет нос, усами туда-сюда, нет, сюда-туда. Он варьирует в поединке и шире в своей деятельности в целом. Он и бизнес, там, и фехтование, и то, и сё, и пятое-десятое. Везде в курсе, везде хорош. Я его профессионализм и предприимчивость в бою и в жизни высоко ценю.

* * *

Рассказывает ученик Марка Ильгар Мамедов:

– Меня предупреждали, что когда я стану учеником Мидлера, меня будут душить. Душить, чтобы убрать Мидлера как неугодного людям, авторитетным в Федерации фехтования. Вытеснить его из зарубежных поездок.

…16-го августа 1986 года я получил от Марка Петровича первый фехтовальный урок. Через месяц был первый положительный результат… В сентябре 1986 года я выиграл открытый чемпионат вооруженных сил. Может быть, это было соревнование среднего уровня. Но я в жизни так не фехтовал. Получались обманы, получались домашние заготовки, получались примочки… Получалось! Чемпионат вооруженных сил позволила выиграть не техника моя, а тактика, выношенная Мидлером… Еще через семь месяцев занятий начались частые победы. Советы Мидлера имели практический характер. Марк Петрович щедро отдавал секреты, которые он накопил. Я их тут же переносил в бой.

– Например?

Задавая этот вопрос, я осознавал, что ставлю Ильгара в двусмысленное положение. Мидлер относился к фехтовальщикам, которые считают приемы поединка ноу-хау того, кто эти приемы придумал. Годами вынашивал. Это золотой арсенал. Интеллектуальная собственность. И правильно, что многие выдающиеся спортсмены и тренеры не выставляют напоказ свои приемы.

Я ведь не мог запамятовать, что брат часто проводил тренировки в пустом зале, дожидаясь с учеником, когда кончатся общие занятия. Как фехтовальщик, в прошлом мастер спорта, я ясно сознавал неэтичность своего вопроса. Но во мне победило желание услышать неразглашаемое профессиональным фехтовальщиком от самого этого профессионала. Во мне рапириста победил журналист. Я, не удержавшись, спросил Ильгара:

– Что из рекомендаций Марка Петровича вы могли бы привести в качестве примера?

– Множество фехтовальщиков, – сказал Ильгар, – работают в зале почти бесшумно, только слышны клинки. Марк мне говорил, что если в решающие моменты боя рапирист дерется тихо, это значит, что он не уверен, нанесет ли он укол. Мидлер требовал «работать с голосом», то есть кричать. Это придает силу, от крика получаешь удовольствие, что переиграл противника. Он многократно мне говорил: «Крик придаст твоим действиям силу, точность и быстроту». Психологическая сторона здесь похожа на удар в карате, где, если хочешь победить, крикнешь, даже если не желаешь кричать. Я кричал и побеждал. Таких «маленьких» секретов Марк Петрович знал множество…

Обратите внимание, читатель! Ученик Марка Мидлера, заслуженный мастер спорта Ильгар Мамедов, чемпион мира и Олимпийских игр, открывает то, что, кажется, широко известно

фехтовальщикам и ни в коем случае не является тайной. Множество бойцов работает в зале почти бесшумно, а множество кричат. И для того чтобы кричать, не надо быть учеником Мидлера.

И все-таки это секрет. Почему? Именно потому, что брат выделил и акцентировал то, что считается само собой разумеющимся. Бойцу необходимо сознательно работать голосом. «Маленький секрет» Мидлера состоит в доведении «психологии крика» до сознания бойца. Знание, таким образом, превращалось в дополнительную силу. Я бы применил к такому знанию слово «тонкость».

Вернусь к беседе с Мамедовым. Ильгар закончил ее так:

– Я воспринимал совершенно все, что предлагал мне Марк Петрович. Конфликтов между нами не было. Конфликты у него были с начальством.

* * *

Это правда. С 1968 года, когда брат перешел на работу тренера, он после каждых Олимпийских игр, после каждого первенства мира по фехтованию указывал руководству Федерации фехтования России на ошибки, «уронившие» результат выступления российских фехтовальщиков на международной арене. Поскольку обвинения имели персональный и конкретный характер, Марк стал вызывать у начальства стойкое недоброжелательное отношение, я бы сказал оборонительно-наступательный рефлекс, что не мог не отметить наблюдательный ученик Марка, ставший в наше время главным тренером по фехтованию России, Ильгар Мамедов.

Что получилось? Марк Мидлер – один из самых сильных фехтовальщиков в мире – с начала 60-х годов прошлого века по десятые годы века нынешнего, долгое время находился в противоборстве с лучшими рапиристами планеты, с многими влиятельными коллегами, с некоторыми из наиболее знаменитых своих учеников и со своим прямым начальством.

От жесткой критики до язвительной насмешки, от бархатной байки до нелицеприятного поучения – в арсенале средств воздействия, к которым прибегал мой брат с начальством, учениками, коллегами, близкими и дома, и на работе, была своя суровая логика (эмоции брата с детства были под его контролем). Одно из объяснений логики и прагматики Марка как капитана команды и как тренера высказал давний коллега брата, олимпийский и мировой чемпион по сабле Марк Ракита. Его

слова о возможной пользе «кнута» в руке у Марка Мидлера как лидера своей команды и – как тренера-наставника своих подопечных я цитировал выше.

Другую попытку объяснить философию и психологию Марка в общем и целом, не только его логичность и прагматизм, но гуманность его общения с окружающими, сделала в беседе со мной Елена Гришина:

– При общении Марк Петрович, – сказала она, – действительно систематически находил над чем насмехаться, «цеплял», например, ученика за больные места. Не затем, чтобы утопить, а затем, чтобы вытащить. Вытащить в чемпионы. Не только благодаря положительным качествам ученика, но и вопреки лени, кто был ленив, трусости, кто был труслив, медлительности, кто был не шибко быстрым, поспешности того, кто слишком в бою торопился.

* * *

Однажды на тренировке я слышал, как Марк сказал кому-то из своих учеников:

«Я тебя облаял – ты пришел в ярость. Подцепил – ты рассвирепел. Хорошо. Тебе что-нибудь говорит фамилия Леонидас? Это виртуоз, который прославил бразильский футбол в тридцатые годы. Этот игрок во время матча Бразилия – Польша на чемпионате мира по футболу в 1938 году попытался снять бутсы и играть без обуви, босиком. Дело в том, что во время матча прошел ливень и после ливня поле превратилось в болото.

Судья был шокирован поведением Леонидаса на поле и категорически запретил ему «раздеваться». Тогда, как я слышал от отца, который знал историю футбола, Леонидас ударил кулаком свою правую бутсу, и один за другим забил полякам четыре гола. Бразилия победила 6:5.

Так что, когда проигрываешь и я на тебя наезжаю, ненавидь меня…. Тем хуже будет для твоего противника.

Тренер возится с тобой не затем, чтобы ты его любил или не любил. «Наставника и подопечного объединяет то, что вам обоим нужна победа. А для этого тренера не нужно любить», – говорил Виктор Тихонов. Благодаря этому тренеру советская сборная по хоккею в эпоху Тихонова не знала поражений. Игорь Ларионов, заслуженный мастер спорта из числа лучших хоккеистов сборной, описал в прессе, в журнале «Огонек», издевательства, которые позволял себе Виктор Васильевич над игроками.

Из этого, понятно, не следует, что каждый наставник должен

быть садистом… Но это разговор на пальцах, а надо смотреть конкретно: в какой ситуации, кто и что себе позволяет как со стороны тренера, так и со стороны ученика. Истина конкретна».

* * *

Из моих записей: «Марк Мидлер – тренер».

Теперь хочу показать свои записи с уроков, которые Марк давал своим ученикам индивидуально.

В зале находились только Марк, тот или иной ученик и я. Уговорить брата на мое присутствие в зале во время индивидуальных уроков мне удалось только трижды в жизни. По договоренности с братом имена этих учеников не называю из этических соображений.

Вот он только что объяснил ученику сложную тактическую комбинацию. В ответ: бессловесное недоумение.

– Я вижу, ты боишься задать мне вопрос, – говорит Марк. – Китайская мудрость учит: «Тот, кто задает вопрос, глуп в течение пяти минут; тот, кто не задает вопрос, – дурак навсегда». Выбери!

Проводит урок и говорит ученику:

– Твоя контратака требует темпа, совсем не такого. Твои действия в ответ на мою атаку напомнили мне анекдот: «В два часа ночи раздается телефонный звонок мужчине. Он с трудом просыпается, берет трубку. Голос: «Это соседка. Ваша собака не дает мне спать». В четыре часа утра у соседки звонит телефон. Сонный голос мужчины едва выговаривает слова: «Я вспомнил, у меня нет собаки!»

Подопечный смеется, напряжение снято, и, надвинув маску, ученик стал в стойку.

Идет урок. Ученик говорит:

– Марк Петрович, я боюсь делать атаку с двумя переводами, меня опередят уколом навстречу.

Марк терпеливо объяснил, как опередить опережение, и заключил:

– Ван Гог, конечно, был странный тип. Но он верно сказал: «Ключ к успеху – сделать привычкой всей жизни делать то, чего вы боитесь». И вот что я тебе скажу и буду повторять, пока ты не поднимешься до стабильного высшего уровня во всемирной рапире: я могу лишь помогать тебе, помогать при твоем яростном стремлении к победе, бесконечном терпении, абсолютной работоспособности, при крайних усилиях твоей воли и беспощадной эксплуатации твоего таланта. В общем и целом, при твоих данных я могу помочь развить твои сильные стороны до

наиболее сильных.

Другому ученику Марк угрожал тем, что запретит ему видеться с женой. Глядя в окно спортивного зала, как бы обращаясь вовне, Марк сказал:

– Мне тут довелось случайно узнать, что, если не ошибаюсь, в 1714 году Петр Первый подписал указ, по которому дворянин, не овладевший науками, необходимыми для успешной службы отечеству, не получал разрешения на женитьбу. В этом документе было ясно сказано: «Сначала цифири и геометрия, а уж потом брачные утехи»… А я тебе скажу: не осилишь технику и психологию фехтования на уровне высшей математики поединка, не буду отпускать тебя со сборов даже в субботу-воскресенье. Забудь о том, что ты женат! «Сначала цифири и геометрия, а уж потом брачные утехи».

Втолковывая талантливой ученице тактику боя, брат привел при мне аналогию с тем же петровским указом: «Дворянскую девушку, а ты, мне кажется, – сказал Марк ученице, – имеешь дворянские корни, в случае, когда родовитая особа не могла написать свою фамилию, не допускали к венчанию». Без того, чтобы ты безукоризненно знала последние достижения фехтовальной тактики, я не могу допустить тебя к турниру. Вы уж простите, ваша светлость».

Теперь о том, что показалось мне примечательным вне индивидуальных уроков – на самом турнире.

Я знал, что на турнирах большой значимости во время решающих поединков Марк жестко контролировал ход боя ученика. Был у дорожки и время от времени находил повод для остановки поединка, чтобы скорректировать подопечному ведение схватки.

Однажды я сидел в первом ряду на трибуне рядом с ним, когда он поднялся, попросил у арбитра минутный перерыв, отозвал с помоста своего ученика к лавочке, где мы сидели, и, не повышая голоса, сказал:

– Вспомни разработанную нами с тобой вместе стратегию боя против этого типа. Без своей стратегии ты попадаешь под влияние его тактики.

И пока ученик осторожно выпрямлял как бы погнувшийся в бою клинок, а противник в нетерпении переминался с ноги на ногу, Марк тихо сказал:

– Ты знаешь его сильные стороны. Мы с тобой их учли. Теперь обрати внимание, какие из своих коронок он выбрал для боя с тобой, что он любит делать здесь и сейчас против тебя. Смотри на схватку и с его, и со своей точки зрения. Соображаешь? Это же элементарно, Ватсон! Как говорил один умник, «лично я

люблю землянику со сливками, но рыба почему-то предпочитает червяков. Поэтому, когда я иду на рыбалку, я думаю не о том, что я люблю, а о том, что любит рыба». Ты понял?

Подопечный усмехнулся и пробормотал:

– Что же любит эта рыбка?

Повел поединок в иной манере. И выиграл.

* * *

Около ста лет назад два знаменитых философа, Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон, на продолжительное время оказались вместе в одной комнате. (Во время Гражданской войны правительство устраивало для научной интеллигенции возможность отдохнуть один месяц в году от голода, подлечиться и прийти в себя в так называемых здравницах. В общей на двоих комнатке такой здравницы в течение июня 1920 года Иванов и Гершензон написали друг другу двенадцать писем. Иванов, катастрофически худой от недоедания, был, тем не менее, здоров и весел, Гершензон – болен и слаб. Инициатива переписки полностью исходила от Иванова. Гершензон пытался сослаться на нездоровье. Но мыслитель есть мыслитель. В итоге получилась необыкновенная «Переписка из двух углов»).

Нечто подобное, во всяком случае по форме, получилось и у нас с братом, когда трижды за время его болезни мы, находясь в двух углах комнаты, тесной от наград, обсуждали философию, психологию, стратегию и тактику фехтования. Я свел эти беседы в одну.

Я: Фехтовальщику для успеха нужно много качеств. Они известны. Можно ли из них выделить самое универсальное и наиболее нужное для постоянных побед? Есть ли что-нибудь в философии и психологии поединков на рапире, шпаге и сабле, что является общим и главным условием успеха?

МАРК: Тебе не приходилось слышать о неплохих среднего уровня фехтовальщиках, предположим, такое: «Рапирист он хороший, но не боец…»? Это означает, что в фехтовальщике нет главного… Поскольку что такое боец? Это человек, который, я бы сказал, может «через не могу».

«Через не могу» драться – как абсолютное правило – фехтовальщики, ни женщины, ни мужчины, не могут. Как «не могу», так и техника разрушается, и голова не соображает. А когда человек «через не могу» контролирует события, это боец. При наличии свежих сил многие способны, раз, раз – скорость есть, и все в порядке. Поединки в фехтовании в командных

турнирах особенно трудны, так как идут после изматывающего личного первенства. Тяжелые бои ведутся «через не могу». На «свежачка» не получится. Когда после личного турнира на командном обострилась до предела необходимость драться «через не могу», тут возникают большие проблемы.

…Но я хочу сказать об исключениях. Они интересней правила. Самый яркий пример – это, конечно, Стас Поздняков. Я его называю сибирским самородком. Я его помню еще совсем мальчишкой, он жил со мной в одном номере на Олимпийских играх 1992 года в Барселоне. Ему тогда девятнадцать лет было. Тихий, скромный. Вот кто всегда умел «через не могу». Конечно, он очень талантлив и в плане физики, тактики. Он понимает и анализирует свои достоинства и недостатки, что свидетельствует о его уме. Но способность заставить себя работать на максимуме – в состоянии высокого эмоционального и физического напряжения – главное его достоинство.

Итак, основная психологическая особенность, отличающая бойца, – способность драться «через не могу».

Я: Как в фехтовании воспитать в себе бойца, кроме как заставлять себя драться за пределом смертельной усталости?

МАРК: Бой, видимо, важнейшая часть нашей жизни.

Я: Это, наверное, для тебя. Почему, например, не милосердие, не труд, не любовь?..

МАРК: Да, для меня ключевым является борьба. Перед смертью Фауст сказал: «…Жизни годы прошли не даром; ясен предо мной конечный вывод мудрости земной: лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».

(Брат невнятно пробормотал-проворчал эти строчки, но продолжал ясно и четко).

Я убежден, что Гете прав. Это не значит, что Данте ошибся, когда сказал: «Любовь, что правит Солнце и светила…» «Божественная комедия» и «Фауст» говорят о двух сторонах одной медали. Для меня первичен бой. Любовь надо завоевать!

Жизнь – и бой как часть жизни – простирается между крайними напряжениями и крайними расслаблениями. Отсюда и моя тактика: я предпочитаю учеников или, наоборот, противников вести путем их (и моих собственных) крайних напряжений. Как правило, предлагаю им взаимодействовать с самими собой, со мной и с противником на дорожке с упором главным образом на «через не могу». Относительно редко берегу себя и других от перенапряжений.

А вот Герман Свешников, например, на последних тренировках перед первенством мира 1966 года в Москве, когда он стал чемпионом мира, довольно часто и абсолютно спокойно

проигрывал своим противникам в тренировочных боях.

Я: Может, «темнил»?

МАРК: Не исключено. Но это не важно. Важно то, что он не напрягался. Я, напротив, стремлюсь на последних тренировках перед ответственными турнирами выиграть подряд все бои. С явным превосходством. Такую же тактику предлагаю ученикам. Почему? Да потому как раз, что у большинства людей, психология которых мне близка и к которым я принадлежу, победы перед решающими испытаниями создают бойцу моего типа наилучший, шелковый, можно сказать, бархатный, психологический фон для выступлений.

Конкретная ситуация требует какого-то (это я каждый раз определяю и устанавливаю) соотношения напряжений и расслаблений. Тактика состоит в отыскании с каждым партнером наиболее выигрышного сочетания инь и ян, как сказал бы китайский фехтовальщик.

Искусство фехтования в том и состоит (как и вообще любое творчество), что, не отказываясь от наработок прошлого, фехтовальщик, согласно ситуации и своему характеру, сильным и слабым своим сторонам, выстраивает иерархию приоритетов и действует во времени и в пространстве по темпу и по дистанции точно в соответствии с выбранными приоритетами. Кто может это делать на пределе возможностей человека как антропологического вида, тот и является идеальным бойцом.

Я: Как в поединке предвидеть действия соперника? Есть ли закономерности в бою, зная которые, можно «разгадать» противника и упредить его фехтовальную комбинацию?

МАРК: Смотри: мой ученик имеет дело с соперником, который ведет бой, постоянно отступая, как бы «растягивая» моего бойца. Это значит, что сильной стороной этого соперника является его контратака. В таком случае я тренировал своего ученика на выполнение им «двухэтажной» атаковой комбинации. Тогда первая атака моего бойца будет подготавливающей. Если противник вновь отступит, тут же последует непрерывная повторная атака. Но вообще-то я сам прибегал к такой «несколькоэтажной» схватке исключительно редко, вынужденно, скорее, в виде исключения. Я советовал основное внимание уделить одиночным, но ювелирно рассчитанным действиям. Надо убеждать ученика в их результативности при быстром и внезапном для противника выполнении, точном соблюдении дистанции и времени для применения абсолютно немудрящего приема, если и красивого, то своей эффективностью и простотой.

Я: Как тренер и спортсмен должны вести себя, когда фехтовальщик травмирован (мы не можем сказать, что этого не

бывает!), а отказаться бойцу не по характеру, да и это значит обрушить результаты команды? Спортсмен, выполняя выпад, повредил себе голеностопный сустав. Медицинская сторона дела очевидна: хлорэтилом заморозили сустав. Наложили тугую повязку из эластичного бинта. Категорически запретили бойцу делать выпад. Что в итоге? Как без выпадов выстроить бой технико-тактически?

МАРК: Я советую ученику то, что делал сам, – без единого выпада все время боя осторожно сближаться с противником. Осмотрительно провоцировать его на атаку. Отступая и теряя поле боя, соперник вынужден в конце концов броситься на тебя в атаку. Надо суметь вынудить его на это. И тогда парад-рипост. Элементарно, Ватсон. А можно очень короткую, без глубокого выпада, сжатую в пространстве контратаку. Тоже не бином Ньютона.

И не настраивайся на проигрыш.

Но это общая схема. Ее легко высказать и трудно воспроизвести. Противник тоже не кретин. Редко повезет, когда противник идиот.

Я: Какие эмоции мешают в бою?

МАРК: Раздражение по отношению к противнику. Спортивная злость помогает, а раздражение из-за того, что в противнике тебе «не нравится», мешает. Далее опасны – и надо в бою от них отказаться – недоумение, огорчение, сожаление и радость. Радуешься – теряешь бдительность. А слабых противников нет.

Еще из моих записей «Марк Мидлер – тренер».

Фрагмент интервью Елены Гришиной с Марком. (Я многократно обращаюсь к беседам Елены Гришиной с моим братом, поскольку она в прошлом высокого класса фехтовальщица, кроме того, она по сей день как пресс-секретарь Федерации фехтования России находится в центре фехтовальных событий. Лена умела разговаривать с Марком так, что ему легко было быть с ней открытым и искренним).

Е. ГРИШИНА: Вы сейчас помогаете сборной?

М. МИДЛЕР: Помочь можно тому, кто за помощью обращается. Не навязывать, как я иногда раньше делал… А они лишний раз не позвонят, не придут на тренировку посмотреть, не узнают сами… Можно же сесть, мои уроки записать…

(Это место интервью меня удивило. Я потому и начал цитировать сразу с него. Необычным мне показалось то, что, по другим источникам, Марк раньше не допускал на свои индивидуальные уроки и индивидуальные тренировки посторонних. Тем более тех, кто записывал… Марк считал

ненужным делиться своими наработками с – по его выражению – «халявщиками». Я могу объяснить перемену его отношения к посторонним «любопытствующим» разве что тем, что брат каким-то образом различал и отфильтровывал «халявщиков» от – как опять же он говорил – «нормальных людей, которые желают учиться, а не воровать приемы». – *А. М.*).

М. МИДЛЕР: Вот Корешков Лева – знаешь?

Е. ГРИШИНА: Конечно.

М. МИДЛЕР: Пришел на тренировку в свое время, какой-то серенький такой мужичок… сел на скамеечку гимнастическую в зале и начал что-то записывать. Я узнал, посмотрел – записывает уроки: что даю, как объясняю. В конечном счете у Левы сформировались четырехкратный олимпийский чемпион и семикратный чемпион мира Витя Кровопусков, чемпионка страны Надя Кондратьева…

В частной беседе со мной Елена Гришина напомнила, что к Марку как наставнику приезжал учиться даже тренер из Соединенных Штатов: «Слава Григорьев прилетел к Марку Петровичу из США. Конечно, гигантский опыт и гениальность Мидлера как тренера – достаточное основание для приезда откуда угодно»…

Однажды в беседе с Еленой Гришиной я вспомнил, как брат с такой довольно горькой усмешкой сказал мне, что за спиной его часто называют «Глот». Раздражение против соперника (кто бы ни был этот соперник), найдя у Марка свое выражение в ходе его боевой практики в привычке «наезжать», перешло и на тренерскую работу.

– Да, – сказала Гришина, – Марк Петрович как-то посетовал, что он своими наездами «наверно, всем надоел, особенно судьям и ученикам». А я бы не сказала, что он надоел. Мидлер был боец. Мидлер был профессионал.

В 1964 году, когда Марк стал двукратным олимпийским чемпионом, он дал мне по приезде с Олимпиады короткий рапирный урок. Брат вдоволь надо мной похохмил. И вдруг, прервав иронические ремарки, совершенно неожиданно для меня спросил:

– Ты в претензии на мою иронию? А тебе не приходило в голову, что это способ самозащиты?

– Я на тебя не нападаю. Это ты надо мной иронизируешь и постоянно издеваешься.

– Я готовлю тебя к жизни, которой живу сам.

– Ты собираешься поднять меня до олимпийского уровня?

– Я собираюсь опустить тебя до рояля, по клавишам которого меня постоянно возят лицом. Так как спорт – это модель нашей

реальной жизни, могу сказать, что состояние, которое мы испытываем, когда нам не удалось победить, является бочкой дегтя. Наши победы – ложка меда в бочке дегтя, в которой время от времени нам удается найти грязную ложку меда. Это и есть наш «мед победы». Его быстро съедают журналисты и спортивные деятели, что-то малое достается и нам. Но стоит проиграть, как нам покупают билет на следующие соревнования не в купе, а на боковую полку в непосредственной близости от туалета. Спортсмен в нашей стране сейчас, как гладиатор, имеет достоинство, только когда он победитель или на второй, третьей ступени постамента. Во всех остальных случаях он может спать в поезде на боковом верхнем месте рядом с клозетом, как приходилось «отдыхать» после поражений и мне… Ссылки на природу спорта и объективные обстоятельства: травму, семейное горе и прочее – всё воспринимается руководством враждебно и с брезгливостью. В такой атмосфере ты перестаешь себя чувствовать человеком.

– С каких это пор личное достоинство стало в нашей стране проблемой? Что, у нас нет более важных проблем? Марк, да о чем ты!

– Не знаю, как ты, но я лично всегда хотел чувствовать себя в жизни человеком. А не вошью.

Глава девятая. Мюнхен

Я писал, что Марк был в бою – одновременно – азартным, осторожным и бесстрашным. Он, по большому счету, ничего и никого не боялся. За одним исключением: он опасался государственной машины. На серьезных основаниях.

Возьму Хельсинки. Первую Олимпиаду, в которой участвовали советские спортсмены. Марку Мидлеру двадцать один год.

Из всех отечественных фехтовальщиков, впервые выехавших за рубеж, Мидлер – самый молодой.

Он рассказывал, как перед отъездом всю сборную еще раз, как следует, проинструктировали, каждому члену команды определили, кто он – рабочий, студент, военнослужащий… чтобы за рубежом не подумали, что он профессиональный спортсмен, и объяснили, как нужно себя вести в той или иной ситуации: ходить по Хельсинки рекомендовали минимум по трое, а разговаривать только с членами делегаций дружественных нам стран. Шла «холодная война», поэтому особое внимание обращалось на то, чтобы не вступать в контакты с югославами и тем более с представителями капстран.

Как-то корреспондент спросил у Марка, что ему особенно запомнилось на первой Олимпиаде.

Марк ответил:

«Самым запомнившимся было несовпадение моих представлений об Олимпийских играх и того, что я увидел.

Сразу, как только мы сошли с поезда, нас разделили на две группы: в одной советские спортсмены и спортсмены социалистических стран, в другой – все западные спортсмены. Всего было около семи тысяч спортсменов, представлявших семьдесят стран. Нас расселили в одном лагере, «капиталистов» – в другом. То есть жесткое разделение на два политических лагеря оказалось сильней, чем олимпийские принципы единства. Ведь всем известно, что Олимпийские игры – это, по традиции, всяческое перемирие. В это время полагалось остановить любой вооруженный конфликт, прервать войну, пренебречь любыми противоречиями и конфликтами.

Все это в 1952 году оказалось пустыми словами – и с западной, и с нашей стороны. Какой бы то ни было контакт со спортсменами из капиталистических стран и из Югославии карался, чаще всего, принудительной отсылкой на родину и нередко отчислением из сборной страны, а то и вообще из спорта. Я попал в эту ситуацию и едва спасся.

Мы собрались на стадионе перед началом парада-открытия Олимпиады. Только что было ослепительное солнце и ясное небо, и вдруг подул ветер, надвинулась туча, стала сгущаться тьма, и хлынул ливень. А у нас, у советской делегации, были красные галстуки и белые костюмы, белые рубашки и белые ботинки.

Делегации спортсменов бросились в подсобные помещения возле стадиона. Здесь сгрудились многотысячные толпы. Ко мне прижались какие-то промокшие люди. Бок о бок оказался молодой человек, который с интересом глядел на меня, а потом по-русски спросил: «Ну, как там у вас, в СССР?»

Оказалось – югослав. А тогда отношения с Югославией были хуже некуда.

Рядом со мной вся наша сборная. Я бы вырвался отсюда, но сжала толпа. Если бы он обратился ко мне по-английски, я мог бы сказать: «Не знаю языка». Но он говорил по-русски!

Что для меня не характерно, я испугался. Испугался страшно.

Как себя вести? Не отвечать собеседнику – идиотическое хамство. Я по-настоящему почти впал в панику. Это было бы смешно, если бы не было так стыдно».

Читая этот фрагмент давнего интервью, я подумал, что бесстрашие – это не отсутствие страха, а его преодоление. Бесстрашие достигается часто очень трудно и в течение многих лет, и процесс его достижения – это тоже бесстрашие.

Марку было что терять. У нас нет незаменимых, напомнил он мне, есть незамененные.

На мой взгляд, «под дождем с югославом» – это было воспоминание о своем страхе, оставшееся у Марка на годы как сильный противник, которого брат стремился победить.

Однажды я разговаривал о бесстрашии и о Марке с Героем Советского Союза, ветераном Великой Отечественной войны, бывшим морским пехотинцем. Работал он портным надомником, что-то я у него шил, не помню. Остался в памяти невысокий, широкоплечий старичок с бритой головой – Григорий Васильевич, – с каким-то странным дефектом речи, привносившим в его слова буквы «лд»…

– Знаешь, я-лд тебе скажу, смелость – это-лд от трусости. Почему среди бояк…

– Вояк? – переспросил я.

– Бояк-лд, – назидательно повторил он, – так много смелых?

Я молча ждал, чем он закончит.

– Потому что трусливому-лд человеку страшней всего показать, что он трус. А совсем ужас – убедиться, что твое предположение о себе как о ничтожестве на самом деле-лд истинная правда. Немногие могут спокойно вынести такое-лд

мнение людей и такое обвинение самому себе. Ты вот думаешь, морская пехота книжек не читала. Не прав-лд. Был такой поэт Мандельштам, так он разделил весь наш народ на три части. Первые – «непуганые». Это те, кого ничто в нашей жизни и никто не успел капитально испугать. Таких людей не очень-то много. Другие, скажем так, условно – их больше всего – «испуганные». Ну, понятно по самому слову, что эта братва-лд боится и того, и другого, и третьего, опасается, страшится… Вот ты такой есть-лд. А третьих этот, скажем так, поэт назвал «перепуганные». Это те, кого испугать уже невозможно. Они все страхи оставили за спиной. Перешли через… переступили. Вот брат твой-лд скоро переступит, который старший.

– Вы знаете Марка? – поразился я.

– Он ко мне месяца полтора назад заходил. Я ему куртку чинил спортивную. Вот он что-лд? И на него приятно посмотреть. Но, конечно, ему – это я говорю как бывший морской пехотинец – еще через свои страхи шагать и шагать.

Мне пришло в голову после этого разговора, что основатель кибернетики Норберт Винер был, наверно, прав, когда сказал, что «игра со страхом должна составлять самую важную часть жизни… Весь вопрос вот в чем, – заключил Винер, – вы играете со страхом или страх играет вами».

Я видел, что брат играет с собственным страхом, как тореадор с быком.

…В декабре 1956 года Марк вернулся с Олимпиады в Мельбурне. Раздал подарки, постоял, наблюдая наш двор, пока лишние не вышли из комнаты, и сообщил мне, зная по опыту, что я никому ничего не расскажу, что в Австралии у нас обнаружились родственники. Не в самом Мельбурне, а на противоположном побережье. Родственник или человек с фамилией Мидлер. «Я не знаю, кто этот человек, да и не хочу знать, – сказал Марк, и я не мог не заметить, как у него напряглись плечи, – прилетел на личном самолете специально, как я узнал позже, чтобы познакомиться со мной. Приземлился австралиец недалеко от олимпийской деревни. Когда какой-то пожилой загорелый человек в ковбойской шляпе направился ко мне с распростертыми объятиями, я повернулся и – рванул в коттедж. Я услышал за спиной крик изумления «What was happened!», вбежал в свой подъезд и защелкнул дверной замок».

Марк рассказывал мне это, как смешной казус, но я почувствовал в его словах словно бы упрек, который он бросил самому себе.

Я его спросил:

– Ты в претензии на себя за это? Ты испугался?

Он ответил:

– Не знаю.

– Но ты же лучше меня понимаешь, – сказал я, – человек прилетел через весь континент специально, чтобы встретиться с тобой, а ты от него сбежал!

– А ты что хотел, чтобы я из-за этого родственника или не родственника стал бы невыездным?

Это были годы запрета советским на общение с иностранцами. Если сколь угодно знаменитого нашего спортсмена замечали вне состязания в общении с иностранцем, чемпион мог запросто лишиться поездок за границу, если за это не последовали бы более серьезные наказания, вплоть до увольнения. А у него семья. И он ничего другого делать не умеет. Зная «правила игры», Марк не хотел их нарушать, в том числе и в случае встречи родственника за рубежом. Не думаю, что он упрекал себя, но то, что одним из чувств, которым он руководился, был страх – это наверняка. Страх, который мучил Марка как стыд. Множество людей находятся между страхом и стыдом. Многие из множества преодолевают стыд. Немногие преодолевают страх.

Марк относился к немногим.

Это – версия, не более того. Это я так хочу думать о моем брате. Хочу так считать, что не страх играл Марком Мидлером, а Мидлер играл со страхом…

Возможна и другая версия. В середине прошлого века барон Кубертен заметил: «Спортсмены на государственном обеспечении не являются ни профессионалами, ни любителями. Они – солдаты».

Приказ начальника – закон для подчиненных. В характере Марка сочетались солдатская исполнительность и осторожность с необыкновенной способностью концентрировать свою энергию для достижения собственной цели. Эта способность – плюс физическая и психологическая пластичность.

В государстве, где нет незаменимых, а есть «незамененные», он смог стать бессменным в течение пятнадцати лет – с 1953 по 1968 год, незаменимым как блестящий фехтовальщик и лидер-капитан команды.

Судьба была тогда к нему благосклонна. Показательный в этом смысле случай произошел в 1957 году.

В ответ на вопрос пресс-секретаря Федерации фехтования России Елены Гришиной о том, какую победу он считает самой дорогой в своей жизни, Марк сказал:

– Это был один из наиболее страшных – для меня – эпизодов за весь период моего присутствия в фехтовании.

Е. ГРИШИНА: Пятьдесят седьмой? Простите, Марк Петрович, но ведь в том году вы выиграли личную рапиру на Фестивале молодежи и студентов в Варшаве. Это ж была первая золотая медаль, которую за всю историю спорта завоевали советские фехтовальщики!

М. МИДЛЕР: Да, но дело в одном обстоятельстве… Это оказалась коррида какая-то… Сейчас поясню. В вечер перед утренними боями мы, вся делегация, поехали на праздник, день открытия, на Национальный стадион в Варшаве. На автобусах туда повезли, типа свободная прогулка. Мы гуляли и словно бы опьянели без выпивки… Еще бы! За границей ходим свободно. Это где-то на окраине Варшавы. Народ радуется. Музыка, песни… И вдруг – всем обратно в лагерь. Побежали быстро, и мы с Юрой Ивановым – помнишь такого фехтовальщика: он моложе меня на четыре года, петербургский левша – заблудились. Не нашли свой автобус. Команды – раз, раз, по автобусам разобрались, кто где, а мы…

Что делать? И начали добираться – нык, тык, пык, мык… Русских там не очень любят. По-русски чтобы разговаривать, объяснить, где что, – на такого человека нам не повезло. Не встретился…

На каком-то ехали трамвае. Эти старые трамваи… Он медленно идет, дребезжит по всей Варшаве. Потом пересадку делали куда-то. Как в лесу, наугад.

И все-таки добрались. Впритык. К отбою!.. Отбой в двадцать три часа!

Там уже в лагере паника – два советских гражданина исчезли за границей. В те времена это было ЧП, да еще какое! Я думал – всё, мне конец, невыездной до конца жизни.

Е. ГРИШИНА: Это абсолютно, можно сказать, писец?

М. МИДЛЕР: Да, думал, ну, всё! А там был руководитель делегации первый секретарь ЦК комсомола Михайлов, и второй – председатель Спорткомитета Романов Николай Николаевич. Оба – члены ЦК… Ну, Юра-то Иванов вроде не старший, он при мне, а мне председатель комитета сказал: «Завтра выиграешь, я тебя прощу. – (*Смеется и плачет*). – А так – выгоним».

Е. ГРИШИНА: Ой-ой-ой!

М. МИДЛЕР: Ну, сказал так в полу… полу…

Е. ГРИШИНА: Полушутку… А на самом деле…

М. МИДЛЕР: На самом деле, понимаешь…

Е. ГРИШИНА: В то время – это прямо… да.

М. МИДЛЕР: И я вышел – у меня настрой был сумасшедший. И я… проиграл Феттерсу.

Е. ГРИШИНА: А он тоже кому-то проиграл.

М. МИДЛЕР: Перебой, да. И в перебое я его прихлопнул.

Е. ГРИШИНА: Ну, отлично!

М. МИДЛЕР: Прихлопнул. И мне дали золотую медаль. Она первая была.

– Получается, чтобы ты выиграл, тебя надо испугать? – спросил я Марка, прочитав это интервью.

– При второй, то есть последней, может быть, самой последней моей попытке победить (она могла быть последней для меня как профессионального фехтовальщика), мне удалось как-то перевести страх в собственные свои дополнительные силы. Я одолел быка!

Помолчали.

– Марк, а есть для тебя что-нибудь страшнее страха?

– Чувство беспомощности, – сказал брат.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Мюнхен…

* * *

Напомню тем, кто, может быть, случайно забыл.

XX Олимпийские игры, 5 сентября 1972 года.

В этот день арабские террористы из палестинской группы «Черный сентябрь» ночью проникли в олимпийскую деревню и расстреляли делегацию израильских спортсменов и тренеров. Один из террористов, Джамаль аль-Гаши, через двадцать семь лет после теракта, в 1999 году дал интервью для документального фильма «Один день в сентябре». Джамаль аль-Гаши спрятался в Северной Африке.

Из памяти не уходит выражение лица Марка, когда 12 сентября 1972 года он вернулся после Олимпиады в Мюнхене.

Родители куда-то ушли. Мы ужинали вдвоем. Марк долго молчал. Потом медленно и тихо сказал:

– Нас не пустили на церемонию прощания с погибшими израильтянами. Так решила Москва. Но, похоже, я не смогу забыть музыку. Начало панихиды. Оркестр Мюнхенского оперного театра. Увертюра к опере «Эгмонт». Бетховен. Мне было хорошо слышно. Не могу забыть.

Помолчали.

– Ты знал Андре Шпицера?

– Да, Шпицер был одним из основателей Национальной академии фехтования Израиля. Ему было всего двадцать семь лет. В Израиле Андре – лучший из преподавателей фехтования.

Чудный человек – чудной. Мы фехтуем на Олимпиаде, а в это время идет война между Израилем и Ливаном. Отношения между ними хуже некуда. А Шпицер – он знал несколько языков – идет пообщаться к ливанцам, как к друзьям.

– Романтик? – спросил я.

– Андре утверждал, что Олимпийские игры дают необыкновенный шанс сделать друзьями заклятых врагов. Последний раз его видели стоящим в окне дома, захваченного террористами. Зная немецкий и арабский языки, Шпицер играл роль переводчика в переговорах между террористами и немецкими властями. На Андре были направлены автоматы, и только он попытался, как заподозрили террористы, отклониться от того, что они приказали ему говорить, его свалили с окна ударом приклада. Потом – в упор… Странно это: близко от меня убивают человека, успешного, мощного, а я не могу ему помочь ничем… Гибель сборной команды Израиля, ужасная наша беспомощность – сильнейшие спортсмены в мире не могли предотвратить ход событий, официальный запрет Москвы на прощание с убитыми, музыка Бетховена… Эта музыка меня добила…

* * *

Однажды я сказал Марку:

– С тобой как было в СССР, так продолжается и в России! Ты постоянно уедаешь коллег – действующих фехтовальщиков, тренеров, спортивных деятелей, прочих чиновников, родственников, знакомых и – порядки в стране. Почему ты живешь здесь, а не уедешь в другую страну? – спросил я. – У тебя куча предложений работать тренером в Америке, в Европе. Ты лучше других знаешь, как высоко тебя ценят во множестве стран…

Брат ответил с обычной своей иронией:

– Это наша Родина!

Мне осталось принять его манеру разговора. Или отвергнуть. Я принял. Поэтому поинтересовался:

– Ты – патриот?

– Знаешь, я не люблю, когда недооценивают умных людей. Ну и что ж, что он был революционным демократом? Разве среди них не было умных?

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Ты о ком?

– Ну и что ж, что он умер в двадцать пять лет? – продолжал брат. – Он ведь сказал правильно: «В недавнее время патриотизм

состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне уже этого недостаточно, чтобы быть патриотом».

– Это точная цитата? По памяти?

– По памяти. Точная. Не мучай память. Это Добролюбов. Сказано больше ста лет назад. А еще раньше Лермонтов: «… немытая Россия, страна господ, страна рабов…»

– Ты патриот? – повторил я.

– Я знаю? – сказал брат, пожав плечами.

Глава десятая. О Марке Петровиче Мидлере

Готовя эту небольшую книгу, я несколько лет собирал воспоминания о брате, записывал интервью, поднимал подшивки старых газет, перечитывал письма брата и к брату, обращался к его ученикам, его друзьям и коллегам по спортивной и тренерской работе.

Воспоминания, интервью, разные другие тексты приведу дальше, конечно, сокращая, но в остальном почти не изменяя ни содержания, ни стиля речи моего собеседника. Не исключаю, что эти документы ценны как таковые в книге о Марке.

ВИТАЛИЙ АНДРЕЕВИЧ АРКАДЬЕВ

Один из основоположников отечественной школы фехтования. Неоднократный чемпион Москвы и призер первенства СССР в личных соревнованиях по рапире и сабле, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР. Тренер олимпийской сборной по фехтованию на всех Олимпийских играх с 1952 по 1980 год.

– Марк Мидлер – фантастический спортсмен, прошедший удивительно интересный и успешный путь в большом спорте, он вписал свою индивидуальную страницу в историю мирового фехтования.

Обладая аналитическим характером мышления, он всегда стремился добраться до первопричины и не позволял себе роскоши недоделать или недодумать что-нибудь трудное, отложив это на неопределенный срок.

Вообще, должен сказать, что ко всему, за что он берется, Марк относится с капитальной серьезностью, и вот именно это определение «капитально» очень точно характеризует его как мастера.

ГАЛИНА ЕВГЕНЬЕВНА ГОРОХОВА

3-кратная олимпийская чемпионка по фехтованию на рапире, 9-кратная чемпионка мира и 22-кратная чемпионка СССР, в том числе 7 раз в личном зачете. Галина Евгеньевна заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, заслуженный тренер России. Названа лучшим представителем российского спорта XX века. Президент Российского Союза спортсменов. Самая знаменитая российская фехтовальщица XX века.

– Ничего особенного в Марке не было. Человек как человек, обычный: два уха, два глаза, две ноги, две руки, один нос.

– А что-нибудь в этом обычном человеке есть необычное?

– Ну, он сильно работал! Сужу по его результатам. Чтобы держаться на таком уровне… Я не видела, сколько и как он тренируется, поэтому приведу пример из нашей жизни – фехтовальщиц. У нас почти круглый год было по две тренировки в день. Между тренировками мы не уходили домой: отдыхали на раскладушках, которые ставили здесь же, в зале. Это стало у нас традицией.

– Ну и что это за жизнь? Свободное время надо иметь?

– А зачем?

– Кто-то сказал, что человеческое счастье определяется тем, сколько у человека свободного времени и как он свое свободное время использует.

– Не знаю. Я пришла в спорт получать удовольствие, и я его получаю.

– А как Марк вел себя на фехтовальной дорожке? Я сам видел, как он ожесточенно спорил с судьями и с противником, кому засчитать укол.

– А что, ему признаваться: «Я не прав»? Спорил. Ну и что? Во-первых, его нередко засуживали уже потому, что он был первым советским фехтовальщиком, который стал побеждать на международных соревнованиях. Электроаппаратов, которые объективно фиксировали бы уколы, еще не было. Во-вторых, он давал основания для необъективного судейства, часто сам входил в спорную ситуацию. Скажем, делал опасно длинную ложную атаку. Противник давал на ложную атаку рипост, а Марк продолжал атаку. Оба наносили уколы почти одновременно. Марк считал себя выигравшим, а судья склонялся в пользу противника. По правилам Марк проиграл, а по скорости нанесения укола, возможно, чуть-чуть выиграл… Ваш брат начинал дикий базар, спорил яростно, возмущался, доказывал свою правоту, приводил аргументы, кипел, не хотел допустить в споре никакую свою неправоту. И был внутренне – как я видела – абсолютно невозмутим и расчетлив. Не забывайте, какая на нем была ответственность. Он, капитан советских рапиристов, не мог позволить себе проиграть, не имел права пропустить ни одного укола.

– А он использовал в бою запрещенные приемы?

– О чем вы?

– Ну, у вас в репертуаре был такой прием: в ближнем бою вы поворачивались боком к противнику и…

– Уменьшала поражаемое пространство и вполоборота к

противнику наносила укол. Удобно!

– Наносили укол, Галина Евгеньевна, правой рукой, а в это время левой отводили клинок соперницы в сторону.

(Даю справку: в 1766 году в Париже преподавателем фехтования Дане был выпущен труд по владению холодным оружием, где Дане напоминал о приемах отвода и захвата оружия противника невооруженной рукой. Книга вызвала скандал. И сегодня, через двести пятьдесят лет после публикации книги Дане, эти приемы в фехтовании считаются запрещенными. – *А. М.)*.

– Это было возможно до введения электрофиксаторов. Сейчас такие номера не пройдут.

– Соревнования закончились. Вы отдыхаете. Ходите по магазинам, в кино. Как проявлял себя Марк не на дорожке, а уйдя с нее в чужом городе?

– Очень экономно. Мы после соревнований устраивали пир. Получали на Олимпийских играх два доллара шестьдесят центов на человека в день. Мизерные деньги. Но мы скидывались и баловали себя вкусной едой, мороженым. Марка, балующего себя таким образом, я не видела никогда.

– Если бы Марк фехтовал сейчас и был в расцвете своего мастерства, он выигрывал бы у современных чемпионов?

– Это вопрос. Дело в том, что, по сравнению с двадцатым веком, увеличилась скорость фехтования…

– Многие спортсмены, в том числе и Марк, когда завершил выступления, с годами все больше жалуются на невостребованность и одиночество.

– Для востребованности и неодиночества надо крутиться. В конце концов, открой свой фехтовальный кружок или, если возможности позволяют, свой фехтовальный клуб и занимайся. Марк, вы говорите, чувствовал одиночество и невостребованность, но он не был одинок и был востребован: пока он мог ездить в спортзал, он тренировал и консультировал. Ему звонили ученики, я звонила тоже, и мы подолгу разговаривали.

ВИКТОР ФРАНЦЕВИЧ ЖДАНОВИЧ

Чемпион Олимпийских игр 1960 года в личном первенстве по фехтованию на рапирах. Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР. В 1960 и 1964 годах чемпион Олимпийских игр в команде. Введен в Зал фехтовальной славы России.

– Витя, что скажешь о Марке?

– Ты спрашиваешь, что он за человек? Я и сам не знаю, что он за человек… Он хорошо фехтовал. (Из уст Ждановича «хорошо фехтовал» – высшая из возможных похвал. – *А. М.*). Марк раньше любого фехтовальщика страны снискал международное признание. Авторитет у него был нечеловеческий. И за рубежом, и у нас.

ХУСЕЙН БУРХАНОВИЧ ИСМАИЛОВ

Заслуженный мастер спорта, главный тренер Вооруженных Сил России по фехтованию, старший тренер и начальник команды ЦСКА, начальник Школы Олимпийского Резерва. Двукратный чемпион мира по сабле, пятикратный обладатель Кубка европейских чемпионов, многократный чемпион России. Судья международной категории. Заслуженный деятель науки и культуры РФ.

Мидлер и Исмаилов тренировались много лет в одном зале, и если кто-то из саблистов симпатизировал Марку, то, прежде всего, это был Хусейн Исмаилов. Марк ласково называл его Хусик.

Вот что рассказал мне Хусик.

– В раздражении большинство тренеров кричат, не отдавая себе отчета в том, что кричащего человека, как говорят на Востоке, хуже слышно. Ни разу за много лет нашего знакомства Марк на фехтовальной дорожке в спорной ситуации не повышал голос. Он обладал поразительным терпением, стальной волей и железной логикой. Спектакли, которые разыгрывались на дорожке, когда он хотел показать, что его или его бойца засуживают, были не более чем демонстрацией качеств человека, привыкшего побеждать. Так что, когда кто-то там, даже и олимпийские чемпионы, говорят, что Марк «базарит на дорожке», они не правы. Он не базарил. Он работал с судьей.

– Мне говорили, что Марк был в фехтовании трудоголик, что он изобрел свое фехтование и своими приемами охотно делился.

– Не знаю, кто вам это говорил, но это – полуправда. Правда в том, что он жил в фехтовании. К десяти утра приходил первым, открывал зал, капитально разминался, потом дрался, брал урок, давал уроки и покидал уже опустевшее помещение. Уходил последним. Но помимо адской работоспособности и необыкновенной тяги к поединку, Марк был склонен и к тому, чтобы его находки в искусстве фехтования становились известны тогда и только тому, кому он хотел их передать.

На раздачу бриллиантов кому попало и когда попало Марк Мидлер был скуп. Этому человеку не надо было говорить «не мечи бисер перед свиньями». Он этого не делал. При

потенциальных соперниках и чужих тренерах Марк разминался, дрался вполсилы. Не давал и не брал уроков и не фехтовал в полную силу. Он говорил: «Слишком часто я видел изобретенные мной и моим старым тренером приемы и подходы в чужом исполнении. Возможно, другие тренеры и бойцы сами пришли к тому, что мы с Виталием Андреевичем Аркадьевым отыскали. Продолжайте собственный поиск». И как только народ покидал зал, начиналось главное. Начинались настоящие уроки с теми и тем, кому Марк доверял (например, Льву Корешкову, который систематически записывал в зале практически все, что рассказывал и показывал Марк, о чем я написал выше. – *А. М.)*. И развертывались без утайки полноценные бои. Опробовались «фишки». Проверялись «коронки». Тут вопрос в другом: с кем Марк Петрович считал, что нужно быть щедрым.

Петрович обладал огромным чувством юмора и смеялся так искренне, что заражал смехом окружающих. И мог быть… ну, просто лапочка, смотришь, какой милый! Но в глубине души он был жесткий лидер. Не жестокий, но жесткий. Как все в нем совмещалось! Я так скажу: есть люди «А» – которые ведут, и люди «Б» – ведомые. Он был «А».

Пока у Марка был избыток энергии, он круто вел. Когда уровень энергии стал заметно падать, давление его на тех, кто от него зависел, например, на его учеников, и на тех, не учеников, кто считал его бесспорным авторитетом для себя, стало превращаться в подавление.

Но все дело в том, что он был успешный воспитатель. То есть он смог в значительной мере культивировать в талантливых и переимчивых учениках свои черты характера. В конечном счете, коса нашла на камень. Был бы характер, а причина его проявления всегда найдется. Я не знаю конкретных обстоятельств ухода от Марка выпестованного им чемпиона мира в личном первенстве 1995 года Дмитрия Шевченко, те, кто были свидетелями разрыва, квалифицировали это как столкновение сложившихся сильных волевых и гордых людей.

Но что я видел своими глазами, так это горе и слезы Димы, которые он не мог удержать и которые он пытался скрыть, выскочив в коридор на поминках Марка Петровича.

Но я не хочу, чтобы интервью было печальным, поэтому скажу в заключение о «внеспортивной» особенности Марка, которая меня заинтересовала. Будучи совершенно сосредоточен на фехтовании, Петрович в свободное от спорта время, которого, конечно, было мало, блестяще анализировал психологию политических деятелей. Я говорю это как выпускник Дипломатической академии. Я помню, мы с ним говорили о

Горбачеве, о Тэтчер… Марк буквально проникал в психологию наших и иностранных лидеров: с его развитым, глубоким интеллектом, с его многогранным даром аналитика он мог бы стать выдающимся исследователем или… успешным контрразведчиком.

ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА ЛЮБЕЦКАЯ

Известная писательница, заслуженный мастер спорта СССР. Обладательница главной премии «За лучшую книгу года о спорте в стране». Свою главную спортивную награду – титул чемпионки мира – завоевала в двадцатилетнем возрасте в составе сборной СССР. Победитель и призер чемпионатов России, Европы и мира по фехтованию среди ветеранов.

– Марк был первым нашим рапиристом, достигшим уровня великих артистов клинка. Он показал, как можно победить непревзойденных фехтовальщиков.

– Что было главным и особенным качеством Марка?

– Фехтуя ли на турнире, тренируя ученика, вне дорожки и на дорожке – Марк был интеллектуалом. Апеллировал к интеллекту своему. И своего ученика. К интеллекту собеседника. И – противника. Тренер Мидлера Виталий Андреевич Аркадьев был мыслителем. Марк, вероятно, самый последовательный ученик Аркадьева… В духовном смысле, как Марк ни старался быть своим среди своих, ему было тесновато в профессиональном спорте. В спорте высших достижений фехтовальщик – как гладиатор в Древнем Риме. Можно представить себе гладиатора с серьезной книгой? Можно представить себе профессионального бойца, который нашел силы, желание, способности и время на глубокий анализ самого себя, окружающих и в целом жизни?.. Марк – боец-интеллектуал.

– О нем часто говорили пачкотню. И множество людей, с которыми я разговаривал о Марке, отмечали (по-разному, но, тем не менее, в общем), что Марк – очень конфликтный человек. Насколько это справедливо?

– Глупости! Никакой он не конфликтный. Поязвить любил, чтобы держать собеседника, кем бы тот ни был, в бойцовской форме… Если бы Марк был пачкуном и конфликтным человеком, он не смог бы пятнадцать лет капитанить нашей сборной. Его – при том, что он приносил стране золото, – вышвырнули бы из капитанов… А что до его язвительности, так в ней не было злобы. А что действительно было, так это острое чувство комизма ситуации.

(В подтверждение своих слов Любецкая как раз и рассказала

об уже известном читателю походе советской сборной на просмотр эротического фильма в Вене и реакции Марка. – *А. М.).*

ИЛЬГАР ЯШАРОВИЧ МАМЕДОВ

Окончил Азербайджанский государственный университет и Дипломатическую академию МИД России. Заслуженный мастер спорта СССР, главный тренер сборной России по фехтованию. Участник четырех Олимпиад. Двукратный олимпийский чемпион в команде, чемпион мира 1989 года в команде. Серебряный призер чемпионата мира 1995 года. Четырехкратный обладатель Кубка Европы. Многократный призер и чемпион СССР и России. Обладатель Кубков СССР и России.

Ильгар вырос в Баку в обеспеченной интеллигентной семье. Кроме него, у родителей было еще два сына. Ильгар – средний. Дома стоял черный рояль. В пять лет малыш стал перебирать клавиши на радость маме, которая думала, что ее сын станет незаурядным музыкантом. Музицировал Ильгар до одиннадцати лет, когда папа сказал: «Не получится из тебя композитора. Пойдем-ка в секцию бокса». Мама схватилась за голову: «Мальчика в мордобой?! У него такие тоненькие ручки…» «В боксе они окрепнут. Там быстро становятся мужчинами».

Год спустя Ильгар перешел в фехтование. Мама облегченно вздохнула…

– Как вы оказались у Мидлера? – спросил я Ильгара. – К нему в ученики многие стремились. Очень многие!

– Летом 1985 года перед первенством мира в Барселоне Марк Петрович наблюдал меня на спортивном сборе. Предложил перейти тренироваться к нему. Это не умещалось в моем сознании. Я был динамовцем. Между «Динамо» и ЦСКА – не соперничество. Война!

– Ильгар Яшарович, вокруг Марка сплошь победители – он, его команда, ученики – это на ковре. А что под ковром?

– Я правильно вас понял, вы имеете в виду, с какими подковерными «играми» нам пришлось столкнуться в связи с тем, что Марк Петрович был нашим тренером?

– Как вы угадали?

– Март 1987 года: я занимаю на чемпионате СССР третье место. По Федерации фехтования и по клубам распространяется слух, что я выиграл бронзу нечестно. Что кто-то отдал мне бой без борьбы… Для такого рода затей я был мелкой пешкой. Не Мамедов был мишенью. Мишенью был мой тренер Мидлер. Кланам спортивных деятелей, которым Марк Петрович был не по вкусу, надо было вытеснить хотя бы одного из учеников Мидлера

из претендентов на зарубежную поездку сборной команды страны на первенство мира. Нас, учеников Мидлера, вели к поражению в боях. Опять и опять скажу – не мы были основной целью. Мы были пешками, конями и слонами. Съесть нас – значило подобраться к королю. А королем был Марк. Чтобы он получил официальное право сопровождать нас в качестве тренера в зарубежной поездке, его ученики должны были составлять половину состава сборной. То есть из четверки фехтовальщиков, которые входили в основной состав рапирной сборной, двое должны были быть учениками Мидлера. Выбить нас из сборной – значит лишить нашего тренера возможности сопровождать нас на международный турнир. Лишить Мидлера шансов помогать нам в самых крупных и самых сложных состязаниях, где советам хорошего тренера нет цены.

…Меня предупреждали: «На тебя будет оказано давление как на ученика Марка. Проще говоря, тебя будут давить. Мало того, что ты чужак – из другой компании, соперник, ты еще и не просто соперник, но мидлеровский выкормыш».

Но, несмотря на все усилия тогдашнего главного тренера сборной команды СССР по фехтованию Владимира Назлымова, в сборную команду страны по очкам попали сразу три ученика Мидлера. А на сбор, где готовилась команда к первенству мира, ни меня, ни Марка Петровича не вызвали. Исключили из поездки. Я подумал, что в руководстве Федерации мы имеем дело с людьми совершенно неадекватными. По ним «Кащенко» плачет.

Ко мне попытались принудительно приставить другого тренера – Виктора Быкова. По сравнению с Марком Петровичем это был совершенно беспомощный тренер. У беспомощного тренера к сложным боям подготовиться трудно. Июль 1987 года. Быков подходит ко мне и говорит: «Ты должен записать меня как своего тренера. Иначе на чемпионат мира в Лозанну не поедешь».

Поймите! Мне очень хотелось участвовать в первенстве мира. Но предать Мидлера? Говорю: «Дайте мне подумать. Это не простое решение». – «Нет, ответ сейчас!»

Надо сказать, что до этого времени я жил, если можно так выразиться, без жилья, в медпункте МВД. Затем вчетвером в номере гостиницы ЦСКА, где был в конце коридора единственный на весь этаж туалет. Потом маялся в гостинице «Маяк» в Химках: там проживали в трехместном номере впятером, так что мне пришлось спать над расщелиной сдвинутых кроватей. Дальше в аналогичных условиях я существовал в гостинице под трибунами Лужников. В тридцатиградусный мороз шел пешком на дальний стадион. И никому тогда не был нужен. А как результаты появились, стал нужен всем. Я вспомнил это. Встал перед

Быковым: «Виктор Харитонович, мой тренер – Марк Мидлер. Моим тренером вы не будете. Никогда!»

Попытки отстранить Марка Петровича от тренерской работы продолжались. Добиться этого тогдашнее руководство Федерации могло только одним способом – опустить нас, учеников Марка, ниже третьих мест. Потому что, заняв места с третьего и выше, мы и наш тренер автоматически должны были быть приняты в сборную команду страны.

Нас предупредили, что если мы на отборочных соревнованиях чемпионата мира не попадем в тройку лидеров, мы никуда не поедем. Мы, то есть мы и Марк Петрович. «Ради нас» было проведено пять соревнований, каждое из которых представляло собой отсев.

Один за другим в четырех турнирах мы заняли первые три места. Главный тренер страны подошел тогда к одному из нас, к Анвару Ибрагимову, и сказал: «Если перед последними отборочными состязаниями не займешь первое место – не поедешь на первенство мира».

Мы с Ибрагимовым разыграли спектакль. Я по очкам в любом случае попадал в сборную команду. Поэтому я отдал ему победу. Он занял первое место, и мы оба вошли в сборную.

Это я все рассказываю вам, чтобы вы поняли, как охотились за Марком Петровичем, чтобы избавиться от него.

– Скажите, а Марк когда-нибудь показывал, что он чувствует, когда против него ведутся подковерные игры?

– Я никогда не видел, чтобы Мидлер был в гневе, в ярости, возмущался, обижался или негодовал. Продолжаю. В сентябре 1987 года на первом же подготовительном сборе к международному турниру мне опять не разрешили тренироваться у Мидлера. Опять прикрепили к тому же Быкову. Он пришел на сборе в мой номер и попросил заполнить анкету. Я заполнил графы имя, отчество, год рождения, возраст и принадлежность к клубу своего тренера по клубу и остановился на графе «тренер по сборной страны».

Быков меня спрашивает: «Что ты замер? Твой тренер Быков». Я отложил ручку и сказал: «Мой тренер Марк Петрович Мидлер. Был, есть и будет».

Быков бросил на стол документы, которые держал в руках, и вышел.

Потом меня поманил к себе пальцем главный тренер страны Владимир Назлымов: «Играешь с огнем». Я ответил: «Мидлера не предам».

Я рассказал об этом Марку Петровичу. Он ответил: «Терпи! Терпи!»

Трижды я пытался уйти из профессионального спорта в более спокойную жизнь, которую обеспечивал мне бизнес. Трижды Марк Петрович меня убеждал вернуться в спорт. Он говорил: «Приходи, мы можем стать чемпионами». И я возвращался и не жалел о возвращении. Он был такой наставник, с которым невозможно не стать классным фехтовальщиком.

В конце 1987 года главного тренера сборной страны по фехтованию Назлымова сняли с должности. Эра полного сумасшествия, длившаяся с 1985 по январь 1988 года, закончилась. Начался нормальный рост. Быстрый рост. В том же году мы, ученики Мидлера, стали чемпионами Олимпийских игр в Сеуле.

Марк Петрович перевернул мою жизнь. Он, конечно, обладал даром необыкновенного индивидуального подхода. Каким-то образом он точно представлял себе, на кого можно кричать, кого можно оскорблять, а кого нужно хвалить и радостно вдохновлять. Конечно, были случаи, когда кто-то из учеников не выдерживал Мидлера, поднимал маску и посылал Марка Петровича на три буквы. Ну, так могу сказать, что он провоцировал ученика нарочно. Он держал в тонусе. Ну и, конечно, после того как СССР перестал существовать и Марк Петрович возглавил сборную России по рапире, начался резкий рост наших успехов.

В 1993 году Марк Петрович позвонил мне: возвращайся в зал. Мы можем выиграть Олимпийские игры. Я подумал: до Олимпийских игр осталось три года. Как можно сейчас говорить о выигрыше? Но слова Марка Петровича сбылись. В 1996 году, в Атланте, мы, его ученики, второй раз стали олимпийскими чемпионами.

В 1999 году Марк Петрович опять вернул меня в спорт. Убедил. Три месяца я бегал вокруг дома, как лошадь, восстанавливал спортивную форму. В финале сиднеевской Олимпиады нашими противниками была команда Южной Кореи. Сильнейшая команда, где был, в частности, чемпион Олимпийских игр в личном зачете по рапире Ким. Последний мой бой был с Кимом. Я буквально разорвал противника на части. Помню только, взял после победы бутылку ледяной воды и вылил ее себе на голову. Я понимал, что выиграл за счет тактических заготовок, которым меня научил Марк Петрович.

Все эти победы не решали бедственного финансового положения. Был конец девяностых годов, у меня родился ребенок. Жена – двукратная чемпионка мира по сабле, тоже зарабатывала немного. Я согласился на работу в Соединенных Штатах. С наступлением двухтысячных годов я стал готовиться к отъезду в США, и вновь раздался звонок Мидлера: «Давай, ты начнешь

тренироваться. Поработаешь несколько месяцев, пока тебе будут делать визу». – «Марк Петрович, визу делают не больше двух месяцев». – «Посмотрим», – сказал он. И, как всегда, попал в точку. Визу мне делали больше полугода. За это время опять пошли победы: Гран-при в Португалии, чемпионат России, попал по очкам в число кандидатов поездки на Олимпийские игры. Я осознавал свои тридцать пять лет. Понимал, что мне пора уходить из спорта. Но просто так уходить не хотел.

И ясно сознавал, что многим в жизни обязан Марку Петровичу Мидлеру.

ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ ПАВЛОВИЧ

Заслуженный мастер спорта, чемпион Олимпийских игр 1996 года в командном первенстве по фехтованию на рапирах. Серебряный призер чемпионата мира 1995. Чемпион России 1995 года.

– Владислав Юрьевич, вы были учеником Мидлера?

– Я был учеником его ученика, Лыкова. (Юрий Владимирович Лыков – старший тренер мужской сборной команды России по рапире, двукратный чемпион мира по фехтованию. – *А. М.*). Марк Петрович называл меня внуком. Внучок… Для меня Марк Петрович – ведущий на всем моем пути. Мидлер – это эпоха, символ российского рапирного фехтования. Он мне дал опыт жизненный, спортивный и тренерский. Он заставил меня быть сильнее.

– Владислав Юрьевич, способы, при помощи которых Мидлер как тренер усиливал своих учеников, были жесткие, если не сказать жестокие…

– Спорт высших достижений – жестокая сфера. Он пробивался, как атомный ледокол. Энергия колоссальная. Как капитан талантлив необыкновенно. Дефицитные способности и бойца, и тренера помножены у него друг на друга. Команда подбиралась им самим… Как первопроходцу ему пришлось всю ближайшую к нам половину двадцатого века решать спортивные задачи такой трудности, при которой цирлих-манирлих с окружающими был далеко не всегда уместен. Вот он и был далеко не всегда ласков. В малоласковых условиях советского профессионального спорта Мидлер избрал адекватную тактику жизни как боя.

– Многие говорят, что манера обращения Марка с окружающими провокационна.

– Так общались и нередко так общаются между собой любые единоборцы. Это держит их в форме. Кроме того, скажу, что Мидлер не издевался над людьми. Мидлер смеялся над их

недостатками. Это – не одно и то же.

Так или иначе, Мидлер – это целая эпоха в фехтовании. И как спортсмен, и как тренер. В мире, по-моему, никогда не было в избытке лидеров, которые не только выигрывают свои поединки, но придают остальным бойцам сильнейшую энергию, ведут их психологически… Фехтование для него было разновидностью психологии творчества. Поединки он представлял конкретно, как картинки крупным планом.

Однажды, я помню, он разложил передо мной множество апельсинов на две части и сказал: одна кучка – это приемы защиты, другая – приемы нападения. Мне было двадцать лет, и поначалу показалось, что Марк Петрович решил поиграть со мной, как с младенцем. Но когда он на апельсинах показал мне таинственные до этих пор приемы атак и защит, у меня открылись глаза. Я никогда не видел, чтобы сложные вещи объяснялись так просто. В этом смысле он очень помог мне как теоретик. Что касается практики, то за всю свою жизнь я не получил у него ни одного индивидуального урока на дорожке.

– Почему?

– Не знаю…

– У вас с Мидлером были конфликты? Между прочим, он сказал как-то, что Павлович – один из самых интеллигентных его учеников. Это значит, он вас не обижал?

– В 1999 году я шел по своим результатам на четвертое место в сборной страны по рапире. Предстоял международный турнир на Кубе, чемпионат Европы и Универсиада. Марк сказал мне: выбери из этих трех состязаний любые два для себя. Я ответил: хочу на Кубу и на Европу. На Универсиадах я уже бывал. Через пару недель Федерация сократила команду на Кубу, а еще через неделю сократила команду на Европу. И я остался вне поездок. Подошел к Мидлеру и сказал: «Марк Петрович, хочу на Универсиаду». Он мне: «Сам отказался!» Железная логика. Какая тут может быть обида? Мы не дети!

Он приучил меня к мысли, что тренер должен добиваться вопросов от ученика. Если удалось разговорить подопечного, значит, подопечный заинтересован. Сам он блестяще разговаривал во время урока с учеником. Он умел говорить с ними на одном языке. Абсолютно убедительно. Я мог зайти к нему в любой момент в номер и в качестве «внука» разобраться в каком-то вопросе. И сколько раз я это ни проделывал, всегда уходил убежденный в его правоте. Через некоторое время я возвращался в свою правоту, но уже знал, что она сохранится только до следующего посещения номера, где жил Мидлер.

Мне еще было любопытно то, что Марк свободно чувствовал

себя в прошлом, настоящем и будущем – во всех трех временах. Он был новатором, чье творчество отвечало и старому, и новому времени.

Свой труд, вложенный в «прямых» – «не внучатых» – своих учеников, он справедливо оценивал очень высоко. Когда чувствовал от них недостаток внимания, сильно переживал.

МАРК СЕМЕНОВИЧ РАКИТА

Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР. Чемпион Олимпийских игр 1964 и 1968 годов в командном первенстве по фехтованию на саблях. Серебряный призер Олимпиады 1968 в личном первенстве и Олимпиады 1972 в командном. Чемпион мира 1967 в личном первенстве, 1965, 1967, 1969, 1970, 1971 – в командном. Серебряный призер ЧМ 1970 в личном первенстве, 1963 и 1966 в командном. Бронзовый призер чемпионата мира 1962 года в командном первенстве. В составе команды выигрывал Кубок Европы в период с 1967 по 1971 год. Чемпион СССР 1962, 1969 и 1970. Победитель Кубка СССР 1971. Председатель Совета старейшин и член тренерского совета Федерации фехтования России. Введен в Зал фехтовальной славы России.

– Спрашиваете, кто такой Марк Мидлер? Первоначальная закладка идет в семье. Я не знаю, что ему заложила семья, но у него была стальная воля. Все эти чемпионы прошли через его руки. Марк сделал из них команду. Он сумел им передать великолепный фехтовальный интеллект. Они смогли его воспринять. Хотя он своей стальной волей и подначками давил: «Не будешь делать то, что я сказал, пошел вон».

В учениках он хотел видеть непременное повторение своих черт. Они и повторяли эти черты. До поры до времени. А потом происходил слом. Индивидуальность ученика вырастала до масштаба учителя. И в жизнь воплощался один из двух сценариев.

Первый: несмотря на все усилия Марка, ученик не давал нужного результата. То есть не становился чемпионом мира или «хотя бы» чемпионом Европы. Тогда возникал конфликт, суть которого, безотносительно к Марку, сформулировал одной журналистке Эдоардо Манджаротти – итальянец, имеющий самое большое в мире число побед за свои поединки на рапире и на шпаге, спортсмен, признанный Международной федерацией фехтования лучшим фехтовальщиков всех времен и народов. «Почему после того, как вы закончили карьеру бойца, вы не захотели стать тренером?» – спросила Манджаротти журналистка. Манджаротти ответил: «Если уж совсем откровенно, то было бы

как-то неловко, если б мои ученики не добились того, что удалось мне. У больших фехтовальных маэстро лучше получалось на дорожке, чем в тренировочном зале. Вы невольно требуете от учеников того, чего добивались сами, а глубокое мастерство дается немногим».

Второй сценарий: когда ученик оправдывал надежды Марка Петровича и становился чемпионом мира. Тогда возникала другая проблема: самооценка ученика возрастала, и он уже не так покорно принимал давление на свою личность.

Мидлер не сразу видел переход лучшими из его учеников чувства меры, когда та же мидлеровская сила воли превращалась у них в непокорство своему учителю, в сопротивление – тем большее, чем сильней он подминал чужую волю под себя. В одном из случаев ухода ученика Марк попытался вернуть «блудного сына», извиниться перед ним, но ученик принял опять-таки волевое решение не возвращаться. Мидлер подминал под себя. Ну и что? Иногда бывали ошибки. Кто не делает ошибок? Он знал, что он давит, не считал это своим плюсом и честно признал это в прессе.

ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ РОДИОНОВ

Вице-президент Федерации фехтования России, первый вице-президент Федерации фехтования Москвы, директор Спортивной школы олимпийского резерва по фехтованию, член исполкома Федерации фехтования России.

– Я попал в ученики Марка Петровича после того, как завоевал на чемпионате мира по юниорам, в 1972 году, серебряную медаль.

– Говорят, что Марк берет, по сути, готовый продукт чьего-то многолетнего тренерского труда и, так сказать, рисует завитки на пироге, испеченном чужими руками, делает чемпионов из чемпионов.

– Так в том и дело, что поднять ученика до олимпийского уровня могут немногие тренеры. У нас множество классных тренеров для детей, кадетов и юниоров. А вот чтобы из местного чемпиона сделать лидера мирового фехтования, это по силам единицам. Попасть к Мидлеру в ученики – это значит подняться до национальной сборной команды страны по фехтованию. Как минимум.

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ СИСИКИН

Заслуженный мастер спорта, чемпион Олимпийских игр 1960 и 1964 годов в командных соревнованиях. Серебряный призер

Олимпийских игр 1960 года в личном турнире и 1968 года в командных соревнованиях. Герой Олимпиады 1964 года. Пятикратный чемпион мира. Многократный чемпион СССР и РСФСР, обладатель Кубков Европы, СССР.

Интервью было коротким:

– В фехтовании в первую очередь нужны техника, тактика, выдержка и трудолюбие. Это качества, которые развил у меня Марк Петрович Мидлер.

АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ МИДЛЕР

Старший сын Марка Петровича, мастер спорта СССР по рапире.

– Я видел его в быту немного. Он приезжал с соревнований или со сборов, открывалась дверь, он всегда с радостью, с улыбкой обнимал, целовал… Я был счастлив, поскольку он обращал на меня внимание! Ведь с моего рождения и до семидесятых годов отец все время был на сборах и турнирах, поэтому его появление – счастье. Счастливые моменты были, когда он меня сажал за руль своей машины, сначала на колени, я переключал передачи и рулил… Мы разговаривали…

Бывали ситуации – принципиальные, – когда он прибегал к ремню. Не помню, что я сделал, – он собрался меня учить ремнем. Я попросил прощения, он принял его, но сказал: «Хорошо, что ты понял свою вину. Но все равно ты заслужил наказание». И два раза хлестнул. Чувствительно! Но без всякой злости, без возмущения, просто дал почувствовать. Если был не прав, не уходил от извинений.

Что он любил? Классическую музыку.

Не был чересчур эмоционален. Но когда восхищался чем-то, например, игрой футболистов или классической музыкой, любимое его слово – «потрясающе!»

– Как он относился к тебе как к фехтовальщику? Уроки давал?

– По воскресным дням. Брал с собой пару учеников и меня. Благодаря урокам я стал мастером спорта и членом сборной команды Москвы.

– Помогал как тренер на турнирах?

– Советами. К невзгодам относился так: не психовал, не капризничал, был стоек, но принимал их негативно. Открыто это говорил… Терпеть не мог то, что считал отсутствием здравого смысла. Тут мы с ним расходились в оценках. Вот стакан. Стоит на краю стола. Это я поставил. Он не пройдет мимо. Переставит

стакан дальше от края и скажет: «Почему не сделать правильно? Я понимаю, если бы у тебя были руки слишком короткие и ты не доставал бы до середины стола!» Или еще что-нибудь в этом роде. Я знал, что такую, в моем понимании мелочь, отец не оставит без внимания, но, случалось, об этом забывал.

– Почему для него это было важно? У вас дома дефицит стаканов? Или они из саксонского фарфора?

– Нет, папа не видел в моих действиях здравого смысла. Однажды он объяснил мне: «Кто-то зацепит, поскольку стекло стоит на краю, оно упадет, и осколки порежут ногу. Какой смысл?» По сути он был прав. Но нельзя же во всякой мелочи искать смысл! Так я тогда думал. Его стремление упорядочить любой непорядок казалось… ну… не могу найти слово, досадным, неуместным педантизмом…

– Ты побаивался отца?

– Это не то. Мною владела убежденность, что с его умом, если бы он не был великим фехтовальщиком и вообще спортсменом, отец был бы великим ученым и великим кем угодно. Я хотел быть перед папой на высоте.

– Это ответственное заявление.

– Мне так кажется, потому что… Он был необыкновенным аналитиком: очень много знал и, когда объяснял что бы то ни было, видел предмет разговора объемно, в прошлом, в настоящем и будущем и в движении из одного времени в другое. Как это объяснить? Как в стихах Тарковского. Сейчас, дядя Саш, вам прочту. Извините, я не артист: «Я вызову любое из столетий, Войду в него и дом построю в нем. Вот почему со мною ваши дети И жены ваши за одним столом. А стол один и прадеду и внуку: Грядущее свершается сейчас, И если я приподымаю руку, Все пять лучей останутся у вас». Вот эти пять лучей, идущие от его пальцев из прошлого через настоящее в будущее, – по-другому мне трудно передать ощущение.

Но внешне он не демонстрировал никакого романтизма. Даже при слушании классической музыки. Разве что признавался: «Это потрясающе». Во всем остальном бытовой подход. То есть глубоко романтичный внутри, он воспринимался как «просто Марк Мидлер», выдающийся своими фехтовальными победами, познаниями, интеллектом и юмором… Хотя, что значит «просто», когда он обладал необычным, острейшим, я бы сказал, интеллектуально-аналитически-ироническим видением окружающего. Серьезное познание и понимание множества сфер жизни сопровождались у него юмористическим взглядом на мир. Отец анекдоты рассказывал, будучи разбитым инсультом. В таком состоянии рассказывал… до третьего (!) инсульта! Не хочется об

этом вспоминать, но его последние слова перед… У него спросили: «Что вас беспокоит?» Он ответил: «Международное положение». В таком состоянии!.. Дядя Саш, сменим тему!

– Ладно, что ты знаешь о конфликтах отца на работе, что там произошло?

– По работе практически ничего не знаю. В свое время он был главным тренером сборной, потом его отстранили. Бедой он со мной не поделился – хотя было видно, что папа сильно переживает… И я за него переживал.

– Он оказался в конфликте с руководством Федерации, с учениками и с друзьями. Что произошло?

– Он был требователен. К себе, к своей команде, к ученикам, к семье, к друзьям и к начальству. Он был талантливей многих. Это приветствовалось далеко не каждым. И отец часто не стеснялся в оценках других людей, в характеристиках. Говорил в лицо человеку то, что о нем думает. Люди не всегда это прощают.

ВАДИМ МАРКОВИЧ МИДЛЕР

Младший сын Марка Петровича, музыкальный продюсер группы «Демо», кандидат в мастера спорта по сабле.

– Отец был человек спокойный, никогда не повышал голоса, говорил тихо. В жизни вне спортивного зала был мягким. Но как тренер с учениками и как фехтовальщик отец не шел ни на какой компромисс. Был крайне жестким… Очень следил за всем новым в фехтовании. Впитывал новое и ставил себе на вооружение: технику, тактику и стратегию боя. Так говорили многие, знавшие его.

Отец был осторожным и консервативным. Он не раз говорил мне: «Двигайся к результату медленно и верно. Добьешься своего рано или поздно». Сам он не торопился и не опаздывал.

– Просил ли он у кого-нибудь когда-нибудь прощения?

– Если считал предмет раздражения не принципиальным, просил прощения, даже когда, на мой взгляд, был прав. Просил, чтобы не было конфликта. Просил прощения у мамы. Не стеснялся. Помню, просил за что-то прощения у Саши. Отец очень любил семью, но жертвовал семьей ради работы. Из сорока с лишним лет моей жизни я видел его считанные месяцы. Мне его не хватало. Вместе с тем он делал совершенно всё: когда мне было девять лет, у меня было заражение крови в комбинации с острым полиомиелитом. Я не мог ходить. Папа таскал меня на шее. Ему тогда было сорок шесть лет. С тех пор прошло больше тридцати лет, он никогда об этом не вспомнил.

Когда он приезжал из-за границы и открывал чемодан – тут

были горы подарков для всех нас. Однажды он привез маме чемодан туфель. Маме и нам приходилось систематически раздавать лишнее.

Из-за чего он переживал? Ничего необычного: не дали премию, не взяли на сборы, не поставили визу. Очень переживал, когда сняли по возрасту с должности главного тренера. Но отшучивался.

– Он был обыкновенным?

– Он был великим спортсменом и тренером и обыкновенным человеком. Но до сих пор, когда в квартире раздается телефонный звонок, я долго не поднимаю трубку. Тормозит привычное опасение: это папа. Он опять сейчас будет говорить мне малоприятное, грузить, и вдруг мне сдавливает сердце – некому меня грузить!

ДАВИД АБРАМОВИЧ ТЫШЛЕР

Заслуженный мастер спорта. Заслуженный тренер СССР, бронзовый призер Олимпийских игр 1956 года в командном первенстве, серебряный призер чемпионата мира в личном (1958) и командном первенстве (1957, 1958). В 1961–1973 годах – тренер сборной команды СССР по фехтованию на саблях.

– Знакомство с Марком? Сидел в углу тихонько и в соревнованиях не участвовал. Мы оба любили фехтование, любили о нем говорить, тренироваться. Помню его хорошо: Марк ходил в рваной шинели. От отца своего, это в сорок седьмом – сорок восьмом году, может, в сорок девятом… Он первые вещи купил, когда поехал в пятьдесят втором году в Будапешт. Там они плащи себе купили болоньевые.

– А ты его семью хорошо помнишь?

– Конечно, деда помню. Мама была аккомпаниатор. Она в сборной команде по гимнастике играла, когда они вольные упражнения выполняли.

– А дед кто был, знаешь?

– Дед? Не знаю. Был худенький, тихо себя вел, не лез, всегда в сторонке. Семьей не управлял. Деду нравилось со мной беседовать. А я разговорчивый, и он любил от меня все узнать. Я дружил с дедом.

– А бабушка? Манюня…

– Я с дедушкой все больше. А бабушка кормила: чай и кусок хлеба. А в то время знаешь, что такое кусок хлеба. Я даже оставался и ужинал. А картошка была не всегда, это великое лакомство, а мы там и картошку ели. Мы жили очень бедно. И Марк так же. Отец вроде был при погонах, но он бывший

футболист, и когда я присутствовал, говорили о спорте, симпатичный, умный, с большой выдержкой. По разговору – образованный.

– От Марка ты что-нибудь слышал о нашей семье?

– Никогда. Мы эту тему не поднимали. О сыне Александре ничего не говорил. Когда Сашка начал фехтовать, мы обсуждали, что он умеет делать и делает. А что ты учился и продвигался, я всегда знал, ты же брат.

– Он меня ругал?

– При мне никогда. Тебя воспитывал, да. А мне никогда тебя ни одним словом… За что я к тебе хорошо отношусь, ты его младший брат. Особые отношения были, потому что я о тебе все знал, знал, что его беспокоит… В спорте разные люди. Многие способны на величайшие жертвенные поступки, они могут, травмированные, рисковать жизнью. Они могут величайшие моральные ценности уважать, как никто, но при этом способны на самые низменные поступки и мысли. Например, шиповкой наступить на ногу, травмировать человека, чтобы выиграть. Сознательно. Боброву ломали ноги по заданию, сознательно, за деньги. Во время матча киевского «Динамо» и московского ЦСКА, не думая, что Бобров – честь Советского Союза в футболе.

– Ну, они – противники…

– Так, значит, надо нарочно сломать ему ноги?..

– А Марк способен был на такие поступки?

– Да что ты! Нет! Но знаю, что в ситуациях экстремальных, где надо за Родину жизнь отдать… Я бывал с ним. Он одной фразой мог дать такую силу!.. Выступая в США, я травмировал левую ногу. Мне напихали иголки – стало немного лучше. Я на одной ноге выиграл шесть боев. И чувствую – не могу драться. Марк меня тащит за трибуны. И массирует. Положил меня на дальнюю скамейку, она пыльная. У меня куртка белая, стала черная. Помассировал меня и говорит: «Ты, конечно, инвалид второй группы, но этого никто не знает, ты дерешься, как раненый зверь». Я взял и всех остальных победил. Шлепнул, как детей! Понимаешь, что такое, когда за бойца взялся Марк Мидлер?

Мир породил и продолжает порождать множество потрясающих фехтовальщиков. Но я склонен считать, что Марк Мидлер, вопреки тому, что в личных соревнованиях он ни разу не был ни олимпийским чемпионом, ни чемпионом мира, – лучший рапирист страны во всей ее истории. Ну, и главное: Мидлер стал по числу проведенных им боев и по сумме результатов, по надежности, по опыту, пониманию фехтования, по воле, по ответственности, по стратегии и тактике поединков, по этому

всему, во главе мужского рапирного фехтования СССР.

Марк превратил сборную команду рапиристов страны в кулак, надежно защититься от которого не могла ни одна команда в мире. С середины до конца двадцатого столетия – период побед Мидлера и команды, капитаном которой он был, и затем время побед учеников Марка и учеников его учеников, так сказать, внучатых подопечных Мидлера – это для нашей страны золотой век фехтования в мужской рапире.

Знаешь, в чем особенная особенность твоего брата? Он читал бой, как книгу. Марк по жизни фехтовальщик. Тактическое обманывание, игра и противоборство в основе его личности. В бою ему был нужен не обман как результат боя, а обманывание в процессе поединка как необходимое средство достижения победы… Чувствуешь разницу? «Мессир, я вас убью без всякого обмана», – кто это сказал? Не знаешь? И я не помню! Но Марк помнил все достижения европейского фехтования. Он даже знал удар, которым д'Артаньян убивал людей. Показать? (*Показывает*).

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ ШЕВЧЕНКО

Заслуженный мастер спорта. Чемпион Олимпийских игр 1996 года в командном первенстве, бронзовый призер Олимпийских игр 2000 года в личном первенстве. Чемпион мира 1989 года в командном первенстве, 1995 года – в личном первенстве. Серебряный призер чемпионата мира 1995 года в командном первенстве. Обладатель Кубка мира 1994, 1996. Победитель Кубка Европы 1992, 1995, 1996. Чемпион Европы 1994 года. С 2000 по 2004 год старший тренер мужской сборной России по фехтованию на рапирах. В декабре 2006 года возглавил мужскую сборную России по фехтованию на рапирах. Главный тренер мужской сборной команды России по фехтованию на рапирах.

– Марк Петрович обижал людей безосновательно?

– Нет, основательно. Не в бровь, а в глаз. Удар бывал жестким – не в меру, но Марк Петрович не умел сглаживать острые углы.

– Не умел или не хотел?

– Думаю, что и то, и другое. И не умел, и не хотел.

– Не улавливаю смысла. Зачем Марку Петровичу восстанавливать учеников против себя?

– Полагаю, что такое общение сформировалось у него под определенную внутреннюю задачу, чтобы жизнь никому не казалась гладкой, как кожаный диван. Именно в этом плане он искал как бы мотивацию дополнительную. Потому что быстро человека засасывает, когда все по шерсти. Его любимые слова – «против шерсти». Он как бы вызывал в собеседнике противника.

Искал и находил противника. И говорил, и действовал, словно бы имея перед собой соперника. Даже когда все складывалось хорошо, он умудрялся вставить что-то такое колкое, чтобы ты чувствовал, что в диване есть гвоздь. Колкость, острословие, надменность по отношению к окружающим. Ему по душе было быть лидером всегда. Он, по сути, и был лидером. Но ему хотелось все время быть на острие… Однако воспринимал любые шутки и подколы в свой адрес как должное. Не обижался никогда. Или обида была незаметна. Абсолютно незаметна… Но чтоб человека зря обидеть, такого при мне не было.

(Ничего не понимаю. В итоге мой брат оскорблял, унижал или справедливо наказывал и оправданно иронизировал? – *А. М.*).

ВАЛЕРИЙ ЛЬВОВИЧ ШТЕЙНБАХ

Доктор исторических наук. Член Союза писателей РФ и Союза журналистов РФ. Мастер спорта СССР. Автор более сорока книг, в том числе по истории Олимпийских игр. Генеральный директор издательства «Спорт».

В. ШТЕЙНБАХ: У меня создалось ощущение, что Марк ставил прозрачную непроницаемую стену даже перед хорошо знакомыми с ним людьми. Несмотря на близкое знакомство на протяжении множества лет, мы с ним были на «ты», но не больше. Я предлагал ему написать о нем книгу. «Да? – сказал он равнодушно. И на этом беседа кончилась. Потом добавил: – Сейчас не надо. Не время…» Не знаю, может, ему не нравилось, как я пишу. Или было много желающих о нем написать.

АВТОР: Нет, он отказывал всем… Какие это были годы?

В. ШТЕЙНБАХ: Восьмидесятые. Может, сам хотел написать… Трудно понять.

АВТОР: Могу выдвинуть предположение: восьмидесятые годы были для него переходными – брат уже перестал быть действующим спортсменом, незаменимым бойцом и капитаном, которому не было равноценной замены (ушел с дорожки в 1968 году), и еще не стал незаменимым тренером. Его положение из неприступного стало относительно шатким. В этой ситуации он не хотел книгой о себе дать недоброжелателям дополнительные аргументы против Мидлера. Тактически это верно.

В. ШТЕЙНБАХ: Не исключено, что вы правы. Во всяком случае, я знаком со многими выдающимися спортсменами, но не знаю ни одного, кто построил бы такую стену между собой и, ну, скажем так, окружающими. Он улыбался, шутил. Но стена ощущалась… Удивляюсь, как мы с ним на «ты» перешли. С такими людьми обычно говоришь на «вы». Мы – давнее

поколение, не видим друг друга по многу лет. Но есть встречное тепло. С Марком этого не чувствовалось. Не получалось, при самых внешне добрых, прекрасных отношениях.

Марк был мне непонятен. Непонятны его характер, действия, мотивы. Очевидно было только, что он, как спортсмен и в целом как личность, человек очень высокой пробы, очень ценный для нашей страны. В спорте высших достижений и в элитном фехтовании множество великих спортсменов не показали никаких особенных успехов в тренерской работе. Классический образец – Владимир Назлымов, трехкратный олимпийский чемпион, а тренер никакой… И таких примеров могу привести множество.

Марк относился к исключениям. Он совмещал талант удивительного фехтовальщика и великого тренера, из рук которого выходили чемпионы мира и олимпийских игр. Таких людей, как Марк Мидлер, следует ценить на вес золота, которое они, их ученики и ученики учеников принесли стране.

ЛЕВ ИВАНОВИЧ ЯШИН

Советский футбольный вратарь, олимпийский чемпион, чемпион Европы, пятикратный чемпион СССР, заслуженный мастер спорта, Герой Социалистического труда. Первый и единственный голкипер в истории, получивший «Золотой мяч». Одиннадцать раз признан лучшим голкипером Советского Союза. Лучший вратарь XX века по версии ФИФА.

– Вы случайно не родственник Марка Мидлера? – спросил меня Лев Иванович.

– Да, я его младший брат.

– Я знаю Марка. Он – великий спортсмен.

Помолчали. Затем Яшин медленно и задумчиво сказал:

– Мидлер – великая личность.

От себя подытожу:

Мидлер в мужской рапире второй половины XX века был первым и наиболее стабильным лидером чемпионов. Вместе с тем, с точки зрения кулуарной, подковерной борьбы, характерной для спорта высших достижений, Марк был, что называется, ни проглотить, ни выплюнуть.

Поскольку он вызывал на себя огонь, это сформировало у Марка определенный характер бойца, который с азартом переживает жизненную борьбу. «Сама по себе жизнь, – сказал он как-то, – это та ценность, ради которой стоит жить. Тем более что я не пассажир в лодке жизни. Я – гребец».

Глава одиннадцатая. Ушел…

Однажды я сказал Марку, что его ирония над окружающими производна от его гордости. На что он процитировал неизвестного мне Мирзу Шафи Вазеха: «Ушедший хоть и не был всех дороже. Мы заменить его никем не можем. Тот, кто неповторим, – незаменим. А в мире нет людей во всем похожих. Пусть не был он особенно любим. Пусть жизнь свою он незаметно прожил. Но мы еще поймем, расставшись с ним. Как без него пустынно в мире Божьем!»

– Хорошие стихи? – спросил Марк.

– Да, – сказал я.

– Так вот это – не про меня, – заключил Марк.

* * *

Последний раз я был у брата в больнице, где он лежал с инсультом после комы.

Я сидел и держал его руку в своей. Минут через десять он слабо шевельнулся. Едва заметным движением головы показал на одеяло. Расправив скомканный на его груди пододеяльник, я обнаружил визитную карточку, на которой почерком Марка, но слишком крупно и неровно было написано:

Улыбка всё преображает —
Вот Марк уже лежит в гробу,
А улыбается, и ясно,
Что всё у парня хорошо.

Увидев, что я прочитал, Марк попытался двинуться, но не смог. Смог только улыбнуться и указать подбородком на записку.

Я понял: «Все у парня хорошо!»

* * *

– Ан гард!

– Эт ву прэ!

– Алле!

…Звон, скрежет металла, вскрик.

И – тишина.

– Атак де друа! Агош туше! – торжественно – после паузы – произносит судья.

Зал стоя аплодирует российскому фехтовальщику!

Победитель опускает рапиру, снимает маску.

Я сижу в первом ряду у дорожки. Вижу брата крупным планом. Знакомая ироничная улыбка. Родной человек. Боец. Капитан. Умник. Глот. Легенда спорта. Лидер чемпионов. Учитель. Марк Мидлер.

30 шюля 2015 года